

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

СРЕДНЕРУССКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ - ФИЛИАЛ

**ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
В УСЛОВИЯХ
ЦИФРОВОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

КОЛЛЕКТИВНАЯ НАУЧНАЯ МОНОГРАФИЯ

Орел - 2020

УДК 321.7: 316.3
ББК 65.050.12
П 88

*Рекомендовано к изданию ученым советом Среднерусского
института управления – филиала РАНХиГС*

Коллектив авторов: Полянин А.В., Авдеева И.Л., Бабич О.В., Бочкин Е.С., Бушуева Л.И., Гиоев Г.В., Головина Т.А., Горбова И.Н., Докукина И.А., Кирьянов А.Е., Кулагина Н.А., Кулакова Л.И., Курбанов А.Х., Левин А.М., Лысенко А.Н., Макарова Ю.Л., Марков Р.А., Маслов Д.В., Масюк Н.Н., Меркулов А.В., Носкова О.Е., Облизов А.В., Парахина Л.В., Пенина Е.О., Плотников В.А., Пролубников А.В., Руденко М.Н., Рукинов М.В., Соболева Ю.П., Третьякова Л.А., Трещевский Д.Ю., Тугачева Л.В., Уразова Ю.М.

Рецензенты:

Вертакова Ю.В – директор Курского филиала ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», доктор экономических наук, профессор;

Морковина С.С. – проректор по науке и инновациям ФГБОУ ВО «Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова», доктор экономических наук, профессор

Публичное управление в условиях цифровой глобализации:
П 88 Научная монография / Под редакцией проф. Полянина А.В. – Орел: Издательство Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС, 2020. – 268 с.

ISBN 978-5-93179-642-0

Монография представляет собой научное исследование в области экономики и управления в органах государственной и муниципальной власти. В центре внимания находятся актуальные вопросы совершенствования публичного управления в условиях глобальных вызовов и возможностей. В монографии сделан акцент на активное внедрение цифровых технологий в систему государственного и муниципального управления.

Издание предназначено для научных исследователей, преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов вузов, практикующих менеджеров, экономистов и руководителей организаций и других заинтересованных лиц.

ББК 65.050.12

ISBN 978-5-93179-642-0

© Коллектив авторов, 2020
© Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Раздел 1 Авдеева И.Л., Головина Т.А., Парахина Л.В. Цифровизация процессов управления персоналом в системе государственной службы	5
Раздел 2 Бабич О.В., Левин А.М. Публичное управление в условиях цифровизации: основные проблемы	21
Раздел 3 Бушуева Л.И., Уразова Ю.М. Совершенствование информационного обеспечения системы публичного управления конкурентной средой сферы товаров и услуг	37
Раздел 4 Гюев Г. В. Цифровизация и эффективность публичного управления	57
Раздел 5 Докукина И.А., Облизов А.В., Горбова И.Н. Цифровизация процессов управления персоналом в системе государственной службы	72
Раздел 6 Кирьянов А.Е., Маслов Д.В., Масюк Н.Н. Улучшение качества управления в организациях публичного сектора: модель CAF	96
Раздел 7 Кулагина Н.А., Лысенко А.Н., Бочкин Е.С. Ранжирование субъектов центрального федерального округа России по достигнутому уровню развития человеческого капитала	115
Раздел 8 Курбанов А.Х., Плотников В.А. Перспективы развития логистики в условиях глобальной цифровизации экономики и трансформации социальной сферы	130
Раздел 9 Макарова Ю.Л., Марков Р.А. Коммуникационный менеджмент и его роль в создании информационной привлекательности организации	140
Раздел 10 Полянин А.В., Тугачева Л.В., Меркулов А.В. Новые вызовы и угрозы публичному управлению в условиях цифровой глобализации	156
Раздел 11 Пролубников А.В. Инструменты формирования и реализации государственной экономической политики в условиях цифровой трансформации	174
Раздел 12 Руденко М.Н., Носкова О.Е. Цифровые платформы как инструмент трансформации социально-экономических систем	192
Раздел 13 Рукинов М.В. Состав, структура и динамика национальных экономических интересов России	203
Раздел 14 Соболева Ю.П., Кулакова Л.И. Трансформация управления в условиях цифровой экономики	224
Раздел 15 Третьякова Л.А. Развитие дуального образования при подготовке управленческих кадров	243
Раздел 16 Трещевский Д.Ю., Пенина Е.О. Виртуальные кластеры инновационной активности российских регионов	255

ВВЕДЕНИЕ

Активное развитие информационных технологий в процессе осуществления различных социально-экономических отношений стимулировало переход российской экономики на принципы цифровой. Привлечение принципов цифровизации в сферу публичного управления необходимо для сокращения времени обслуживания населения, повышения обоснованности принимаемых управленческих решений на основе анализа большого массива информации о гражданах, увеличения степени доверия к органам государственной власти. Это влияет на положительную динамику параметров устойчивости регионов, муниципальных образований, основным из которых является качество жизни населения, подразумевающее под собой степень удовлетворенности населения уровнем оказания государственных услуг, социального обслуживания, доступности правовой информации, возможности обеспечения защиты личности и собственности.

Возможности информационно-телекоммуникационных средств, использование распределенных информационных ресурсов позволяют увеличить обоснованность принимаемых органами государственной власти управленческих решений, снизить вероятность их некорректной реализации, повысить эффективность долгосрочных программ развития территорий.

В монографии рассматриваются проблемы системы публичного управления, особенности ее развития в условиях цифровой трансформации мирового сообщества, освещаются основные препятствия для эффективного управления в органах государственной и муниципальной власти, анализируются существующие проблемы и предлагаются направления совершенствования на современном этапе.

Раздел 1

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПРОЦЕССОВ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

Авдеева И.Л., к.э.н., доцент

ФГБОУ ВО «РАНХиГС» Среднерусский институт управления –
филиал, г. Орел

Головина Т.А., д.э.н., профессор

ФГБОУ ВО «РАНХиГС» Среднерусский институт управления –
филиал, г. Орел

Парахина Л.В., к.э.н.

ФГБОУ ВО «РАНХиГС» Среднерусский институт управления –
филиал, г. Орел

1. Трансформация управления персоналом под влиянием цифровизации

Современная экономика вступает в новый инновационный этап развития, и человек с его потенциалом, знаниями, креативным мышлением и опытом приобретают всё большее значение. В контексте развития четвертой научно-технической революции и глобальной цифровизации привычные процессы трансформируются, упрощаются. Это происходит практически во всех сферах жизни человека, в том числе в управлении человеческими ресурсами.

Все больше мировых компаний стремительно внедряют различные цифровые модели инструменты в HR для того, чтобы быстрее адаптировать компанию к меняющейся среде. Оттого, насколько компания и персонал отвечает требованиям современного мира, зависит ее конкурентоспособность. Цифровизация бизнеса активно влияет на функционал менеджеров по персоналу, так как организационные задачи и процессы автоматизируются, а потому от персонала требуются более развитые компетенции в сфере цифровых технологий. Кадровая служба в компаниях сегодня уже не просто исполнитель, а своего рода бизнес-партнер, который оказывает услуги по обеспечению бизнеса квалифицированными кадрами и их развитию. Поэтому для поддержания работы HR-департаментов или отделов, для минимизации рисков на всех этапах отбора, обучения и развития сотрудников, для выстраивания эффективного взаимодействия с персоналом в наше время крайне необходимы новые методы и технологии, в том числе цифровые.

Цифровизация способствует позитивным трансформациям облика и структуры стран и регионов. Она влияет на рост внутриотраслевой

конкуренции, расширение рынков, повышение конкурентоспособности отраслей отдельных стран на мировом рынке. Это в результате приводит к росту национальных экономик.

В течение последних веков мир претерпел кардинальные изменения. Одна за другой развернулись три промышленные революции, которым способствовал стремительный рост научно-технического прогресса. Сейчас мы стоим на пороге новой, четвертой, промышленной революции, именуемой «Концепцией 4.0», которая характеризуется массовым внедрением цифровых технологий, которые выходят за рамки отдельно взятого предприятия, они становятся частью нашей повседневной жизни и оказывают на нее существенное влияние, то есть, трансформируют общество в целом.

В современном мире человек является ценным ресурсом компании. Его знания, умения и опыт составляют конкурентное преимущество предприятия. В связи с этим, необходимо ответственно подходить к организации системы управления персоналом, непрерывно совершенствовать, создавать благоприятные условия труда для сотрудников, согласовывая задачи содержания кадровой политики с целями, стратегией и постоянно изменяющейся структурой организации.

Кадровая политика является основным направлением работы с персоналом, значительно влияет на эффективность деятельности предприятия, а также на получение им определённого социального и экономического эффекта.

В широком смысле термин «кадровая политика» трактуется, как свод определенных правил и норма, направленных на достижение стратегических целей фирмы с помощью человеческих ресурсов.

В настоящее время, в век научно-технического прогресса, активно формируется новый экономический уклад - цифровой. Внедрение цифровых технологий на предприятиях позволяет более эффективно использовать имеющиеся ресурсы, а также значительно увеличить производительность самих предприятий. Цифровая трансформация предприятия заключается не только в установке и использовании современного программного обеспечения, автоматизации всех процессов, но и в увеличении скорости принятия решений, а также в работе над повышением эффективности кадровой политики компании.

По прогнозам экспертов, с каждым годом будет происходить усиление цифровой трансформации кадровой политики, современные HR-тренды будут входить в обиход большого числа бизнес-компаний. В современной практике управления человеческими ресурсами архаичные процедуры тесно переплетаются с современными цифровыми технологиями, с помощью которых существенно упрощается процесс

поиска и интеграции нужных сотрудников.

В условиях развития цифровизации с каждым годом будут повышаться требования к необходимому набору компетенций у HR-специалистов, передавая часть служебных функций информационным системам.

Одним из важнейших технологических трендов являются большие данные (BigData). Они существенно влияют на способность кадровых служб работать с информацией для дальнейшего использования. Сейчас большие данные в управлении персоналом применяются в 2 направлениях: для подбора персонала (анализ сроков подбора новых сотрудников, процента успешного прохождения испытательного срока и т.д.) и управления талантами (анализ личностных особенностей сотрудников, эффективности их работы, формирование кадрового резерва и т.д.).

Работа с большими данными помогает HR-специалистам обратить внимание на существующие недочёты или проблемы кадровой политики, помогает устранить их, проанализировать степень привлекательности компании для соискателей, поработать над брендом и в итоге повысить эффективность бизнеса в целом.

Важной целью HR-специалистов является подбор персонала, который имеет мотивацию для высоких личных результатов, тем самым обеспечивая рост компании. На этапе подбора важно правильно выявить и не брать во внимание кандидатов и нежелательными качествами, привычками, недостаточным опытом работы, а также подобрать «правильных» сотрудников, чьи компетенции и мотивация максимально удовлетворяли потребностям компании. Правильный выбор кандидата поможет увеличить прибыль и производительность организации, повысить лояльность сотрудников, улучшить микроклимат в коллективе. В то время как неверный выбор грозит большой текучестью кадров и некомпетентными специалистами в штате.

Для HR-специалистов выявление профессиональных знаний и личностных качеств кандидатов всегда являлась «головной болью». Однако, сейчас с помощью цифровых технологий, функция подбора кадров частично отходит специализированным сервисам и программам. Многие компании охотно используют современные способы подбора персонала. Например, с помощью цифрового сервиса компании HeadHunter можно довольно быстро обеспечить необходимое количество откликов на вакансию и привлечь сотрудников извне.

Авторский коллектив: Е. Лошкарева, П. Лукша, И. Ниненко, И. Смагин, Д. Судаков в докладе «Навыки будущего» выделил несколько

трендов, определяющих образ современного общества в XXI веке¹. Таким образом, анализируя опыт стран с развитыми цифровыми технологиями, можно говорить о следующих индикаторах, которые указывают на развитие цифрового общества и порождают новые социокультурные вызовы современной эпохи:

1) Цифровизация привычных процессов и активное использование Интернета вещей для создания «умного» города и в быту.

Цифровизация – это широкое понятие, включающее в себя оцифровку данных, развитие технологий в новых областях человеческой деятельности. Цифровые сервисы и современный подход к развитию «умных» пространств и вещей меняют условия жизни человека на более комфортные.

Теперь Интернет – это теперь не просто сеть компьютеров, а сеть различных устройств. IT-технологии успешно используются практически в любой индустрии – от авиаперевозок (датчиков на самолётах данные могут поступать в специальные приложения на смартфонах пассажиров) до сельского хозяйства (автоматизация полива, умные кормушки и пластыри, передающие информацию о состоянии животных).

Благодаря развитию Интернета вещей стало возможным следить за здоровьем, энергопотреблением, перемещением для автомобилей, товарами и людьми, создать умный дом, город или завод.

Таким образом, экосистема, состоящая из различных устройств, подключенных между собой и собирающих информацию об окружающем мире, приводит к появлению следующих инновационных продуктов, которые упрощают жизнь человеку:

– Появление умного транспорта. Он представляет собой любой вид транспортного средства, оснащенного датчиками, который использует современные технологии связи для эффективного перемещения людей, мониторинга в режиме реального времени местоположения, взаимодействия между транспортными средствами и другими элементами дорожного движения.

Сейчас создают умный транспорт, который более экологичен и безопасен на дорогах. Также одним из направлений в данной сфере является беспилотный транспорт. Сейчас он активно используется в развитых странах, например, в воздушном пространстве и в метрополитене. Активно распространяются беспилотные автобусы и беспилотные такси в Дубае и Америке.

– Умный дом. Интеллектуальная система «Умный дом» – это

¹ Лошкарева Е., Лукша П., Ниненко И., Смагин И., Судаков Д. Навыки будущего. Что нужно знать и уметь в новом сложном мире. 2011. – 314 с., с. 17.

высокотехнологичная система, позволяющая объединить все коммуникации в одну и поставить её под управление искусственного интеллекта (например, смартфона), программируемого и настраиваемого под все потребности и пожелания хозяина.

Следующий шаг цифровизации – развитие био- и нейроинтерфейсов. Сейчас такие биоинтерфейсы, как smart-часы, фитнес-трекеры и электронные браслеты стали типичным явлением в привычной жизни. Развитием этих технологий станут вживляемые датчики, передающие данные о состоянии организма на личное устройство или в базу лечащей клиники.

2) Работа с большим объемом данных.

С каждым годом человек генерирует все больший объем информации, причем подавляющая часть находится в бесструктурной форме. Согласно предположениям экспертов, к 2020 г. к интернету в мире будет подключены примерно 50 млрд. устройств, а объем генерируемых ими данных достигнет 44 трлн. ГБ.

Поэтому важнейшая задача нашего времени – научиться обрабатывать и анализировать информацию, выявлять связи между отдельными массивами данных, получая на выходе готовый и структурированный материал, который можно будет легко и эффективно применять в деле.

Современному человеку приходится взаимодействовать с большими данными каждый день для подготовки отчета на работе, при написании статей и рефератов на учебе, при выборе врача или ресторана, в который направиться вечером. Гигантские потоки этой информации в BigData используются в различных сегментах экономики: от потребительского рынка и рекламы до нефтегазовой отрасли и финансового сектора.

3) Активное внедрение автоматизации и роботизации.

Сейчас развитие этого тренда ярко наблюдается с популярностью автоматизированных технологий управления и производством материальных и цифровых продуктов. Все это заключается не только в распространении роботов для выполнения физических действий, но и в автоматизации рутинных процессов. Сейчас индустриальное общество проходит через очередную трансформацию. О ней в своих трудах написали ученые и дали название четвертой индустриальной революции или «Индустрия 4.0.»². В основе данной индустриальной концепции лежат несколько составляющих:

– замена ручного труда на автоматизированные процессы в

²Кешелав А.В., Буданов В.Г., Румянцев В.Ю. и др. Введение в цифровую экономику. - ВНИИГеосистем, 2017. – 28 с.

большинстве производственных операций;

- изменение логистики на уровне отдельных предприятий и в масштабах экономики в целом, за счет беспилотного транспорта;

- возможность печати сложнейших деталей и конструкций с помощью аддитивных технологий;

- прямое общение между устройствами, новые протоколы взаимодействия за счет развития интернета и коммуникаций между устройствами;

- применение самообучаемых компьютерных сетей, выстраивающих взаимодействие с внешними системами.

4) Позитивные демографические изменения.

За последние века человечество столкнулось с высокой скоростью демографических изменений: увеличение продолжительности жизни, развитие урбанизации, значимости роли женщин в экономике и изменение модели детства, - все это определяет новый социальный уклад.

Согласно последней статистике Минздрава, Средняя продолжительность жизни в России увеличилась на 0,7 года, в сравнении с показателями 2018 года, и составила 73,6 лет.

Многие исследователи связывают это с развитием современных медицинских технологий, способствующих сохранению темпов роста продолжительности жизни.

Продолжаются изменения в экономике в связи с увеличением роли женщин, происходит переход от ведения домашнего хозяйства к активному участию в трудовых отношениях.

Акцентируется внимание на равных возможностях занимать управляющие позиции и получать конкурентную заработную плату за одинаковый труд. В развивающихся странах эта тенденция только начинает приобретать силу, но урбанизация и различные социальные перемены вовлекут женщин в участие на рынке труда. Изменение модели детства оказывает влияние на рынок через формирование спроса. Новое поколение адаптировано к новым технологиям. Именно поэтому динамичное развитие и меняющийся мир для детей является преимущественным фактором. Демографические изменения также смогут влиять на образ и характер трудовой деятельности:

- напряженная ситуация для нового рабочего поколения вызвана увеличением трудящихся в возрасте от 60 лет, продолжающих работать в своей профессиональной сфере;

- активная жизненная позиция работающих пенсионеров формирует спрос на новые услуги и обучение новым навыкам;

- распространение женской трудовой деятельности в развивающихся странах и выравнивание уровня заработной платы в

странах, где женщины уже занимают активную позицию на рынке труда;

- участие детей в цифровой экономике, как среди потребителей, так и в качестве присутствия на рынке труда;

- рост спроса на мульти-специалистов, охватывающих аудитории и специфику младшего и старшего поколения, и развитие навыка межвозрастного общения, необходимого не только при общении с клиентами, но и в отношениях с коллегами;

- влияние демографических изменений на переход от парадигмы «учеба-работа-пенсия» к необходимости учиться и переучиваться в течение всей жизни.

5) Сетевое общество.

Развитие технологий и распространение решений, основанных на технологии блокчейн, влияет на возникновение более гибких способов управления организациями. Европейские социологи еще в 90-х годах предсказали, что развитие сетевых коммуникаций кардинально изменит образ жизни каждого человека и общества в целом. Новая сетевая культура влияет на отношение людей к работе, потреблению, досугу и другим жизненным аспектам. В современном мире постепенно уходит необходимость стабильно ходить на работу по определенному графику и работать в одной организации. Для работников большую заинтересованность вызывают удаленная работа и фриланс. Рынки труда различных сфер деятельности дают возможность прямого взаимодействия между заказчиком и исполнителем, минуя контрагентов. Постоянно взаимодействуя друг с другом и компаниями-производителями, формируется новое отношение к потреблению и производству. В сетевом обществе вырисовались основные тенденции к потреблению:

- персонализация потребления, когда происходит настройка товаров и услуг «под себя»;

- совместное создание, когда потребитель включается в различные процессы производства продукта, за счет чего грань между ним и производителем стирается;

- краундфандинг – процесс, когда потребитель участвует в финансировании бизнеса для создания новых товаров и услуг;

- популяризация ремесленничества, когда потребители гонятся не просто за уникальными товарами, а предметами, созданными конкретным человеком и имеющих определённую историю и смысл;

- совместное потребление, когда товар приобретается для общего пользования или предоставляется в краткосрочную аренду.

Блокчейн – технология, создающая распределенные базы данных с высокой степенью безопасности без центральных узлов. В базах

данных, построенных по такой технологии, вся информация может храниться одновременно у множества пользователей и её практически невозможно уничтожить. Блокчейн не подразумевает наличие главного администратора, ответственного лица или центрального узла хранения данных.

Это повлечет за собой ряд колоссальных изменений в государственной бюрократии и к полной демократии в финансовом секторе.

б) Глобализация знаний, экономики и технологий.

Взаимосвязь экономической, технологической и культурной сфер, усиливающая роль транснационального партнерства. Ярким примером развитой глобализации является присутствие брендов по всему миру. Основным символом глобализации сейчас можно распространённость сетей общественного питания - McDonalds, KFC и Starbucks. Производство многих товаров преодолело национальный барьер, разные части товара могут быть произведены во всех частях света. Цикл производства и продаж такого простого продукта, как шоколадная паста Nutella охватывает несколько континентов. Сырьё поставляют Бразилия, Турция, США, Малайзия и ряд африканских стран. Производство сосредоточено в Канаде, Австралии, Бразилии и нескольких европейских странах. А офисы продаж расположены по всему миру. Глобализация коснулась не только товаров, но и знаний и культуры. Сложность задач и научных трудов требует новых уровней взаимодействия. Популярная культура уже давно преодолела международные границы.

Благодаря цифровому телевидению новые серии популярных сериалов одновременно смотрят миллиарды зрителей по всему миру.

7) Экологизация.

Понятие экологичности преобразуется, и распространение таких факторов в бизнес-процессах обусловлено пристальным вниманием к экологии у потребителей и производителей.

Тенденции к экологичности всех сфер заметны как в обычной жизнедеятельности человека – популяризация здорового образа жизни и бережного отношения к среде, так и на уровне управления государствами – внедрение экологических государственных стандартов и программ и стандартизация экологических принципов по отраслям. Навыки бережливости были присущи только тем, кто трудился в сфере сохранения природы. Сейчас происходит переход к целостному пониманию экосистемы и воздействия человечества на эволюцию биосферы. Сейчас четко просматривается стратегия, предполагающая возможность успешного сосуществования и совместного развития человечества, технологий и биологической сферы. Общественные

экологические течения сопровождаются развитием технологий, позволяющих сделать многие экологические решения эффективными в экономическом обозрении. Ярким примером являются альтернативные источники получения энергии. Еще недавно уголь и газ преобладали на рынке, инвестирование в солнечную и ветряную энергетику заключалось в исследовании и разработке эффективных решений. Сейчас же появилась информация, что стоимость возобновляемой энергетики сравнялась с традиционной в 30 странах. Похожая ситуация также наблюдается в сфере автомобилестроения, где электромобили не воспринимались аудиторией. Но в 2008 году компания Tesla выпускает модель «Roadstar», а к 2040 году прогнозируется, что большинство покупателей будут отдавать предпочтение машинам, работающим на электричестве. Многие страны приходят к политике вытеснения одноразового пластика, вводя налоги или даже запреты на использование. Сейчас полиэтиленовые пакеты запрещены в Китае, Франции, Бангладеш и ещё десятках стран, отдельных регионов и городов.

8) Ускорение технологических и социальных изменений, приводящие к трансформации рынка труда.

Данные изменения происходят за счет возрастания их скорости. Воздействие происходит не только на указанные изменения, но и на темпы обновления окружающей среды. Существует вероятность того, что скорость развития и внедрения технологий может привести к тому, что научно-технический процесс станет слишком быстрым и сложным, при этом окажется невозможным для восприятия человеком. В этот момент и появится полноценный искусственный интеллект, который будет способен к саморазвитию и управлению технологическим и социальным развитием во внешней среде.

Учитывая такой тренд, стоит понимать, что описанные выше изменения будут происходить гораздо быстрее, чем в прошлом. Человечеству нужно выполнить главную задачу – справиться с ускорением изменений.

Развитие трендов и современных тенденций для многих кажется угрозой в плане замен человеческого труда автоматизированными процессами и роботизацией деятельности. Страхи о том, что внедрение роботизации повлечет за собой рост безработицы, ярко проявляются именно в промышленности. Внедрение новых технологий ставит в уязвимое положение некоторых работников. Роботы трудятся в автомобильной, электротехнической и электронной промышленности, а также в машиностроении и металлургии. С сокращениями сталкиваются не только работники тяжелой промышленности, но и сотрудники финансовой сферы, большая часть работы которых состоит из расчетов

на основе готовых формул. Так, например, в крупнейшем банке России – «Сбербанк» принятие 35% решений о выдаче кредитов осуществляется искусственным интеллектом и особенностями транзакций.

Однако данное переживание не столь оправдано на данный момент. Согласно «докладу о мировом развитии 2019» Всемирного банка новыми технологиями создается больше рабочих мест, чем вытесняется. Конечно, машины заменяют ручной рутинный труд, создавая тем самым проблему для среднеквалифицированного персонала, которому придется конкурировать за низкооплачиваемую работу³.

Кроме того, существующие тренды и трансформация рабочих задач приводят к эволюции существующих навыков и профессий, сохраняя рабочие места. Например, в недалеком прошлом профессии, связанные с набором и редактированием текста, трансформировались, специалисты перешли от печатных машинок на компьютеры.

Сейчас научно-технический прогресс, устраняя потребность в работниках, занятых рутинным трудом, создает рабочие места в новых высокотехнологичных отраслях. Человек становится активным пользователем различных гаджетов, использует их для работы, а также для решения своих бытовых и финансовых вопросов. Технологии создают требования к новым навыкам и компетенциям, требуемым на рынке труда. При этом наиболее перспективным сотрудником на рынке труда является тот, кто сочетает в себе разные типы навыков. Новые требования к профессиональной квалификации для работы являются доказательством данных изменений.

Влияние трендов на все сферы деятельности человека – необратимо. Повсеместная цифровизация приводит к трансформации общества, которая заключается в повышении уровня жизни в целом, автоматизации рутинных процессов, развитию «Интернета вещей». Все это влечет за собой необходимость развития когнитивных способностей, умение работать с большим объемом данных и непрерывно развиваться, чтобы «успеть» за меняющимся миром. При этом будущее трудовой деятельности до конца не ясно, так как технологическое развитие с одной стороны способствует развитию инновационного производства, соответственно, возрастет спрос на профессии, связанные с IT-технологиями и аналитикой. С другой – автоматизация и роботизация может заменить человека на производстве, а также сотрудники, не желающие обучаться новым

³Сизова И.Л., Хусяинов Т.М. Труд и занятость в цифровой экономике: проблемы российского рынка труда // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Социология. – 2017. – Т. 10, вып. 4. – С. 376–396.

знаниям и принимать современные технологии в текущей работе, могут остаться невостребованными. Принимая во внимание тот факт, что будущая занятость населения не определена точно, государствам необходимо пересмотреть вопросы, препятствующие созданию рабочих мест, делая упор при этом на рассмотрение вариантов защиты уязвимых категорий граждан.

2. Современные проблемы цифровизации процессов управления персоналом в системе государственной службы

Повышение эффективности государственной службы невозможно без внедрения в систему управления государственными служащими передовых технологий управления.

Повышение качества и налаживание прозрачности кадрового учета государственных служащих, формирование единого информационного ресурса о кадровом составе государственной службы – такие предложения содержатся в федеральном проекте «Цифровое государственное управление». Данный проект стал разделом программы «Цифровая экономика». Документ подготовлен Аналитическим центром при правительстве, на базе которого функционирует проектный офис программы «Цифровая экономика». «Цифровая экономика» – автономная некоммерческая организация (АНО) – создана лидирующими высокотехнологичными компаниями, чтобы обеспечить продуктивный диалог бизнеса и государства при реализации одноименной национальной программы.

Государственная гражданская служба – один из важнейших, ключевых социальных институтов, значимость которого приобретает особое значение в условиях возрастания роли государства как основного гаранта социальной справедливости.

Государственная гражданская служба – один из основных социальных институтов, определяющих и организующих жизнедеятельность общества. Это основной субъект исполнительной власти, практически выступающий персонификатом (олицетворением) государства.

В области управления персоналом в системе государственной службы стоят следующие существенные задачи, которые отвечают за важное направление деятельности предприятия – работу с трудовым коллективом:

1. Подбор персонала в соответствии с существующими на предприятии (организации) вакансиями. Эта задача наиболее сложная, поскольку сотрудники отдела должны обладать достаточными знаниями о специфике организации и выполняемых специалистами,

руководителями, рабочими функциональными обязанностями. Для расширения кругозора менеджеров по персоналу необходимо повышение квалификации и хорошее владение нормативными и локальными документами предприятия, такими, как Коллективный договор, Приказы о работе во вредных условиях труда и т.д.

2. Планирование карьеры работников, организация системы кадрового резерва организации. Эта важная задача позволяет менеджерам по персоналу сформировать резерв руководителей, заблаговременно обучить специалистов организации необходимым навыкам и умениям, подобрать курсы повышения квалификации, разработать План обучения.

3. Разработка системы стимулирования работников предприятия (организации) – Положения о наградах работников. Для каждой организации существует ряд корпоративных наград – Почетные Грамоты, Благодарности, записи в трудовую книжку, высшие корпоративные награды. Такой метод поощрения, разработанный для каждой организации, позволяет стимулировать работников, повышать их результативность труда.

4. Проведение социально-психологических исследований (тестов, позволяющих определить качество труда, степень удовлетворенности работников руководством компании, моральным и психологическим климатом в трудовом коллективе.

5. Обучение персонала, сотрудничество с ведущими учебными заведениями с целью подготовки кадров. Эта задача, возложенная на отделы по управлению персоналом, способствует омоложению коллектива, поиску и подготовке специалистов для крупных организаций⁴.

6. Организация досуга работников предприятия, организации, способствующего повышению работоспособности компании, повышающего привлекательный имидж работодателя.⁵

Управления персоналом в системе государственной службы, можно определить, как механизм реализации совокупности отношений субъектов, осуществляющих между собой систему взаимосвязанных направлений и видов деятельности.

Обеспечение управления персоналом в системе государственной

⁴ Данилова Н.Е. Методы обучения работников и их выбор в управлении персоналом / Н.Е. Данилова, А.В. Полянин // В сборнике: результаты фундаментальных и прикладных исследований в России и за рубежом Материалы международной научно-практической конференции. 2017. С. 52-54.

⁵ Васильева Е. А. Управление персоналом государственной гражданской службы: учебник для студ. учреждений высш. проф. образования / Е. А. Васильева. – СПб.: Астерион, 2017. – 310 с.

службы осуществляется с помощью специфических функций, к ним относятся: административная, планирования; социальная, повышения качества служебной деятельности, воспитательная, организационно-аналитическая.

В современных условиях определение потребности в персонале государственной службы – одна из самых основных проблем кадрового менеджмента, являющейся исходной предпосылкой для осуществления процедуры набора кадров.

Осуществляя набор персонала, кадровая служба государственного органа решает определенное количество общих задач и прежде всего, это определение оптимального числа персонала.

Реальный механизм реализации системы управления персоналом, должен соотноситься со следующими принципами:

- отбор на государственную службу лучших из лучших, способных работать на новом управленческом уровне;
- продвижение по карьерной лестнице государственных служащих возможно только на основе конкурса и сложных экзаменов;
- периодическая аттестация всех государственных служащих независимыми комиссиями на основе четко определенных критериев;
- индивидуальная ответственность чиновников за результаты своей работы;
- публичность работы аппарата государственной службы;
- соблюдение баланса интересов государства и потребностей общества.

Данные принципы необходимо учитывать в разработке конкретных концепций разработки кадровой политики в системе государственной службы.

Для совершенствования системы управления персоналом в государственной службе можно выделить основные направления⁶:

- создание эффективного отбора кадров на госслужбу;
- совершенствование системы профессионального развития чиновников;
- применение современных кадровых технологий прохождения гражданской службы;
- повышение социального статуса государственных служащих;
- определение объективных критериев эффективности результатов деятельности государственных служащих;
- совершенствование кадровой работы в государственном

⁶Коргина О.А. Способы материального стимулирования персонала организации / О.А. Коргина, А.В. Полянин // В сборнике: Инновационная экономика - основа устойчивого развития государства: сборник статей Международной научно-практической конференции. 2017. С. 58-60.

управлении.

Процесс управления персоналом в государственной службе включает в себя следующие элементы:

1. Планирование трудовых ресурсов.
2. Наем, набор и подбор кадров в государственной службе.
3. Обязанности и ограничения, организационная культура и этика.
4. Кадровый резерв, развитие персонала, карьера.
5. Мотивация и стимулирование персонала, взыскания и другие.

В условиях современной рыночной экономики деятельность любой организации включает в себя постоянный систематический анализ и оценку эффективности использования ресурсов, в том числе эффективность функционирования системы управления человеческими ресурсами.

Оценка эффективности деятельности кадровой службы предприятия или кадровый аудит представляет собой регулярный и грамотно организованный процесс, который связан со сравнением затрат на кадровую деятельность и результатов кадровой деятельности. Кроме того, результаты деятельности кадровой службы необходимо соотносить с итогами деятельности предприятия в целом⁷.

Деятельности кадровой службы предприятия должна подчиняться целям развития предприятия и это необходимо учитывать при оценке.

Результаты оценки эффективности деятельности службы по персоналу являются определёнными индикаторами, на которые необходимо обращать внимание руководству предприятия.

Оценка деятельности кадровой службы может быть качественной и количественной. В результате качественной оценки можно получить представление о качестве кадровой деятельности на предприятии, об удовлетворенности персонала условиями труда, об исполнительской дисциплине и т.д.

Количественная оценка связана с точным определением затрат, которые необходимы для реализации кадровой политики предприятия. При оценке учитываются расходы на прием, содержание и обучение персонала.

Кадровый аудит можно проводить как самостоятельно, так и при помощи специализированной компании. Такие компании не только проведут оценку эффективности деятельности кадровой службы предприятия, но и подготовят детальный отчет и дадут необходимые рекомендации по результатам.

⁷ Сучкова Е.Е. Концепции процессуальных теорий мотивации в управлении персоналом / Е.Е. Сучкова, А.В. Полянин // В сборнике: Результаты фундаментальных и прикладных исследований в России и за рубежом: материалы международной научно-практической конференции. 2017. С. 101-103.

В последнее время актуальным является цифровизации процессов управления персоналом в организациях и учреждениях, в том числе в системе государственной службы.

Аудит цифровизации процессов управления персоналом в системе государственной службы предполагает оценку результатов того, как изменился процесс управления персоналом, как он улучшился, насколько стала эффективной работа самих сотрудников организации, так как цифровизация - это в первую очередь организация удобной цифровой среды для сотрудников.

Аудит цифровизации процессов управления персоналом включает аудит персонала, который можно рассматривать как периодически проводимую экспертизу состояния дел в организации в области управления персоналом, которая включает в себя:

- независимую проверку с целью выражения мнения о достоверности;
- проверку какого-либо явления или деятельности выполняемая независимым экспертом.

Цифровая трансформация управления персоналом в государственной службе начинается с изменения мышления в рамках государственной службы, связи приоритетов, операций в режиме реального времени, платформ, автоматизации и мобильности в первую очередь.

В перспективе цифровизация процессов управления персоналом в современной системе государственной службы заключается во внедрении цифрового HR, который объединяет аналитику, и облачные технологии, представляет новую платформу для улучшения работы сотрудников и опыта кандидатов.

В будущем интегрированные приложения могут автоматически управлять временем и посещаемостью; доставлять видео – обучение «по требованию»; отправлять сообщения для команды; контролировать уровень стресса, напоминать, когда пришло время сделать перерыв; и даже рассматривать планы и предлагать разумные рекомендации. Это новое видение для цифровизации процессов управления персоналом облачных технологий переопределение опыта работы сотрудников и попытка сделать работу проще в режиме реального времени, более продуктивной и более полезной, а кроме того, улучшить баланс работы и личной жизни.

Список литературы:

1. Васильева Е.А. Управление персоналом государственной гражданской службы: учебник для студ. учреждений высш. проф. образования / Е. А. Васильева. – СПб. : Астерион, 2017. – 310 с.

2. Данилова Н.Е. Методы обучения работников и их выбор в управлении персоналом / Н.Е. Данилова, А.В. Полянин // В сборнике: результаты фундаментальных и прикладных исследований в России и за рубежом Материалы международной научно-практической конференции. 2017. С. 52-54

3. Кешелав А.В., Буданов В.Г., Румянцев В.Ю. и др. Введение в цифровую экономику. - ВНИИГеосистем, 2017. – 28 с.

4. Коргина О.А. Способы материального стимулирования персонала организации / О.А. Коргина, А.В. Полянин // В сборнике: Инновационная экономика - основа устойчивого развития государства: сборник статей Международной научно-практической конференции. 2017. С. 58-60.

5. Лошкарева Е., Лукша П., Ниненко И., Смагин И., Судаков Д. Навыки будущего. Что нужно знать и уметь в новом сложном мире. 2011. – 314 с., с.17

6. Сизова И.Л., Хусяинов Т.М. Труд и занятость в цифровой экономике: проблемы российского рынка труда // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Социология. – 2017. –Т. 10, вып. 4. – С. 376–396.

7. Сучкова Е.Е. Концепции процессуальных теорий мотивации в управлении персоналом / Е.Е. Сучкова, А.В. Полянин // В сборнике: Результаты фундаментальных и прикладных исследований в России и за рубежом: материалы международной научно-практической конференции. 2017. С. 101-103.

Раздел 2

ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Бабич О.В., д.э.н., доцент

ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени
академика И.Г. Петровского», г. Брянск,

Левин А.М.

ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени
академика И.Г. Петровского», г. Брянск

Управление (англ. - management, administration, франц. - administration, нем. - verwaltung) - это внешнее воздействие, направленное на достижение целей и связанное с сознательным началом, интересами, волей и деятельностью человека. В управлении все исходит от человека и ориентировано на него⁸.

В качестве субъекта управления всегда выступает человек, а объект - позволяет выделить несколько видов управленческого воздействия: социальное управление (воздействие на других людей), биологическое управление (воздействие на животные и растительные организмы) и техническое управление (воздействие на технику и технологию). Отличительная черта социального управления заключается в воздействии на волю и поведение людей.

В зависимости от основы интереса, выраженного в управленческой деятельности, существует публичное управление (управленческая деятельность, направленная на реализацию публичных интересов), и частное управление - управление в интересах частных лиц⁹.

Понятие «публичное управление» можно анализировать с позиции взаимодействия государственных, частных и смешанных структур, направленного на обеспечение удовлетворения общественных интересов. Иными словами, публичное управление представляет собой общественно-государственную систему достижения общенациональных

⁸ Бабич, О.В. Трансформация процесса управления предприятием в рамках становления цифровой экономики: монография / О.В. Бабич, И.В. Игольникова, Л.С. Митюченко, И.Г. Чернышова - Курск: ЗАО «Университетская книга», 2019. - 207 с.

⁹ Babich, O.V. A modern enterprise as an element of digital economy / O.V. Babich, I.V. Igolnikova, A.M. Levin, L.S. Mityuchenko, I.G. Chernyshova // 34th International business information management association conference (IBIMA) - Vision 2020: sustainable economic development and application of innovation management from regional expansion to global growth: 13-14 November 2019, Madrid, Spain. - P. 4987-4996.

и местных целей¹⁰.

В данных условиях государственное и муниципальное управление должно учитывать уровень развития обратных связей при реализации принятых управленческих решений, ориентируясь на общественность в виде:

- группы интересов (различные общественные фонды, профсоюзы, этнические, молодежные и другие организации с определенными интересами, парламентские лобби и прочие);

- отношения непосредственно с гражданами (вопросы налогообложения, законотворческая и правоприменительная практика, подготовка и реализация социальных программ);

- взаимоотношения с коммерческими предприятиями (правовое регулирование деятельности, государственно-частное партнерство и т.д.).

Анализ вопросов взаимоотношения органов государственного и муниципального управления с представленными субъектами общественных отношений приводит непосредственно к политической составляющей их деятельности¹¹.

Исследования показывают, что объективные причины проблем государственного управления скрываются в особенностях механизма выявления и согласования интересов различных групп населения и государственных должностных лиц. Функционирование данного механизма определяется политической подсистемой государственного управления и характером его политического окружения¹².

Публичное управление определяется рядом характеристик, позволяющих отличить его от частного управления. Основное предназначение публичного управления заключается в обеспечении осуществления публичной власти. Публичное управление направлено на достижение публичных интересов, т.е. интересов всех и каждого в целях достижения всеобщего блага. Публичный интерес определяется субъектами публичной власти (народом, государством, органами государственной власти и другими). Публичное управление осуществляется уполномоченными субъектами. Субъект управления приобретает характеристики субъекта публичного управления при

¹⁰ Братковский, М.Л. Публичное управление в условиях глобализации и становления информационного общества / М.Л. Братковский // Механизмы державного управления. ДонДУУ. Менеджер. - 2014. - № 3 (69). - С. 76-115.

¹¹ Westen, T.A Digital election scenario / T. Westen // Elections in cyberspace: towards a new era in american politics. - Washington, 2004. - P. 275 - 283.

¹² Купряшин, Г.Л. Сильные институты и координация политики на федеральном уровне. / Г.Л. Купряшин // Государственное управление. Электронный вестник. - 2011. - № 29. - С. 1-16.

фиксировании за ним возможности участия в публично-управленческих отношениях и наделения его определенными полномочиями и обязанностями. К основным субъектам публичного управления относятся органы публичного управления, специально созданные для осуществления публичных функций. Помимо этого, законодательством могут быть определены условия и порядок наделения частных лиц статусом субъектов публичного управления при условии делегирования им соответствующих полномочий и ответственности.

Публичное управление является административно-властной деятельностью. Содержанием публичного управления выступает административная власть, имеющая своим источником публичную власть¹³.

Существует несколько подходов к классификации публичного управления. Одним из основных критериев классификации публичного управления выступает субъект управления. По этому основанию следует выделить государственное управление, муниципальное управление, общественное управление, корпоративное публичное управление и индивидуальное публичное управление¹⁴.

По сферам управленческой деятельности выделяется публичное управление в сфере экономики (управление отраслями экономики: промышленностью, сельским хозяйством, транспортом, строительством, жилищно-коммунальным хозяйством, связью, финансами, торговлей и т.д.); в социальной сфере (здравоохранение, образование); в сфере культуры; в сфере безопасности общества (управление обороной, внутренними делами, иностранными делами, борьбой с преступностью, обеспечением законности и правопорядка и прочие).

По направленности управленческого воздействия выделяется внешнее и внутреннее публичное управление. При реализации внешнего публичного управления воздействие осуществляется на объекты, находящиеся вне субъекта управления; внутреннее публичное управление связано с функционированием самого субъекта управления, иными словами определение полномочий, порядка осуществления хозяйственной деятельности и иное.

По степени концентрации административной власти выделяют концентрированное и децентрализованное публичное управление. Концентрированное управление характеризуется наличием всех

¹³ Hill, K.A. Cyberpolitics: citizen activism in the age of the internet / K.A. Hill, J.E. Hughes. - Oxford, 1998. – 361 p.

¹⁴ Оболонский, А.В. Гражданин и государство: новая парадигма взаимоотношений и шаги по ее институционализации / А.В. Облонский // Вопросы государственного и муниципального управления. - 2011. - № 1. - С. 5-16.

функций и полномочий у определенного субъекта управления; а децентрализованное - разделением административной власти между различными субъектами публичного управления. Ярким примером использования данной классификации является сравнительный анализ до и после реализации реформы федеральных органов исполнительной власти: до реформы - федеральные министерства реализовывали все функции и полномочия в определенной отрасли управления, а после - административная власть была распределена между федеральными министерствами, службами и агентствами¹⁵.

По степени зависимости от публичной власти целесообразно выделить централизованное публичное управление и децентрализованное (автономное). Функционирование органов публичного управления непосредственно подчиненных органам публичной власти является централизованным управлением. В случае если функционирование осуществляется автономно от органов публичной власти, то можно говорить о децентрализованном (автономном) публичном управлении. В качестве примера децентрализованного управления можно использовать деятельность Центрального банка, Счетной палаты, Пенсионного фонда и иных организаций подобного рода. Иными словами, органы власти по отношению к рассматриваемым структурам наделяются лишь контрольными полномочиями.

В зависимости от территориальных пределов реализации деятельности публичное управление подразделяется на общегосударственное (на всей территории страны), региональное (в пределах территории субъекта Российской Федерации, группы субъектов Российской Федерации), местное (на части территории субъекта Российской Федерации и в поселениях) и локальное (на части территории поселений и в населенных пунктах). В условиях трансформации механизма государственного управления в Российской Федерации многие исследователи подчеркивают недостаточный уровень разработанности данных вопросов. Некоторые связывают возникающие проблемы с отсутствием стратегического подхода к управлению.

Анализ международной практики по вопросам публичного управления свидетельствует о наличии сформулированных проектных решений готовых к реализации на практике при осуществлении управленческой деятельности.

Другим недостатком российского государственного управления

¹⁵ Цифровое будущее государственного управления по результатам / Е.И. Добролюбова, В.Н. Южаков, А.А. Ефремов, Е.Н. Клочкова, Э.В. Талапина, Я.Ю. Старцев. - М.: Издательский дом «Дело». РАНХиГС, 2019. - 114 с.

является его непубличность или закрытость как для общества, так и для исследователей. Отсутствует механизм открытых процессов принятия государственных решений, многие острые экономические и социальные вопросы не включаются в политическую повестку дня.

Кроме того, рассматривая реализацию принципа публичности на практике можно выделить два основных негативных фактора. Во-первых, наблюдается недостаток информации в самих органах исполнительной власти. Федеральная служба государственной статистики не отслеживает многие содержательные стороны деятельности органов государственного и муниципального управления. Во-вторых, отсутствует заинтересованность чиновников различных уровней власти в предоставлении открытого доступа к информации, связанной с результатами их деятельности¹⁶.

В настоящее время можно свидетельствовать о недостаточном внимании к мониторингу результатов собственной деятельности со стороны органов государственного управления. При всей специфике аналитической работы в различных государственных органах главной и общей проблемой остается недостаточный уровень использования информационно-аналитических технологий при подготовке решений. Тема публичного управления в современных реалиях является особенно актуальной, что подтверждают самые нестандартные инициативы государственных органов, успехи и неудачи автоматизации деятельности, а главное, высказывания экспертов о системном кризисе сферы управления.

Стремительное ускорение глобальных информационных процессов в начале XXI в. и их влияние на мировое развитие в целом, а также международное информационное взаимодействие при формировании единого информационного пространства в условиях глобализации, заставляют по-новому взглянуть на создание и развитие современных подходов к управлению различными системами и решению возникающих при этом проблем¹⁷.

Возникающее и находящееся на этапе становления глобальное информационное общество сегодня представляет качественно новые

¹⁶ Управление экономическими системами различного уровня: теория и практика: коллективная монография / Авдеева И.Л., Андруник А.П., Астахин А.С., Бабич О.В., Базарнова О.А., Белолипецкая А.Е., Борисов С.А., Головина Т.А., Гриневич А.С., Гуров В.И., Докукина И.А., Долгова С.А., Дородных Е.Е., Канапухин П.А., Кирьянов А.В., Коргина О.А., Кузьмина С.В., Кулагина Н.А., Курбанов А.Х., Латкин А.П. и др. Под общ. редакцией Т.А. Головиной. - Орел: Издательство Среднерусский институт управления - филиала РАНХиГС, 2019. - 272 с.

¹⁷ Берестовский, А.В. Информационно-коммуникационные технологии взаимодействия исполнительной власти РФ и общества: дис. канд. полит. наук: 23.00.02 / А.В. Берестовский. - Москва, 2009. - 186 с.

возможности людей и доступа к накопленным человеческим знаниям, в том числе к вопросам реформирования государственного управления и осуществления информационной политики государства по взаимодействию с гражданским обществом в целях обеспечения открытости и прозрачности. Данные положения отражены в принципах и нормах международного права, в зарубежном опыте, а также при формировании государственной политики и в динамике развития информационного права в Российской Федерации.

В условиях глобализации динамично развиваются новые общественные отношения, которые требуют адекватного регулирования, обеспечивающего возможность эффективного взаимодействия граждан с государством, повышения уровня предоставляемых государственных и муниципальных услуг, открытости и прозрачности информации в деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, используя при этом облачные технологии¹⁸.

Современное публичное управление характеризуется разнообразием новых задач и вызовов, обусловленных стремительными изменениями, происходящими в мировой экономике, социально-политической и культурной жизни государств. Механизм публичного управления подвержен быстрым трансформациям, характер которых обусловлен двумя взаимосвязанными факторами. Во-первых, органы публичной власти сталкиваются сегодня с беспрецедентным потоком неструктурированной информации. Этот информационный поток нуждается в осмыслении, упорядочении, фильтрации, систематизации для дальнейшего использования в публичном администрировании. Вторым фундаментальным фактором, задающим вектор перемен в публичном управлении, становится глобализация, которая создает беспрецедентные возможности для экономических и социальных актов, но одновременно формирует принципиально новые ограничения для самостоятельных действий национальных правительств.

Глобализация и технологизация - мощные современные силы, интенсивно меняющие институциональный дизайн и практики публичного управления. Национальные правительства, сохраняющие статус ключевых участников политического процесса, сталкиваются с принципиально новыми проблемами, связанными с модернизацией инфраструктуры обслуживания граждан, предоставлением им качественных публичных услуг, защитой их прав, обеспечением национальной безопасности и формированием стратегической

¹⁸ Бек, У. Что такое глобализация? / У. Бек. - М.: Прогресс-Традиция, 2001. - С. 415.

перспективы национального развития¹⁹. Изменчивость внешней среды под воздействием глобальных процессов усложняет одновременное решение задач реагирования на текущие события и вызовы и структурирования национальной стратегии, позволяющей поддерживать стратегическое видение, сформулировать ценности, подробно описать задачи национального развития, переведя их в достижение измеримых показателей. Успешное решение указанной задачи, по мнению авторов Инициативы «Лучшее правительство» (Великобритания) связано с решением пяти ключевых проблем:

- формированием отлаженного процесса принятия политических решений,
- обеспечением открытого и прозрачного управления,
- поддержанием простого и ясного законодательства,
- наличием реальной подотчетности правительства,
- наличием профессиональной государственной службы²⁰.

Говоря о моделях и подходах к формированию отвечающей глобальным вызовам системы публичного управления, стоит остановиться на понимании его современной структуры. Структурный анализ публичного управления позволяет выделить «точки приложения» исследовательских и реформаторских усилий, направленных на его модернизацию.

С точки зрения современной политической науки публичное управление представляет собой не только административный, но и политический процесс. Исходя из этого, его системное понимание включает действия формальных и неформальных участников, вовлеченных в процесс принятия и исполнения решений, а также различных (формальных и неформальных) структур, созданных для восприятия и исполнения этих решений. Правительство вместе с бюрократическим аппаратом являются важнейшими, но не единственными участниками этого процесса. Последний включает также деятельность неправительственных организаций, аналитических центров, лидеров общественного мнения, финансовых институтов, политических партий, групп интересов²¹.

Как отмечалось выше, современные тренды совершенствования

¹⁹ Гидденс, Э. Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс. - М., 2004. – 375 с.

²⁰ Абучакра, Р. Эффективное правительство для нового века: реформирование государственного управления в современном мире / Р. Абучакра, М. Хури. - М.: Олимп-Бизнес, 2016. - 256 с.

²¹ Сморгун, Л.В. В поисках управляемости: концепции и трансформации государственного управления в XXI веке / Л.В. Сморгун. - СПб.: Издательство СПбГУ, 2012. - 362 с.

государственного управления ориентированы на повышение его эффективности и гибкости в ответ на новые вызовы, возникающие вследствие глобализации, децентрализации и менеджериализации. Процесс модернизации сопровождается попытками концептуального осмысления происходящих изменений, желанием методологически обосновать действия реформаторов. Как показывает практика осуществления административных реформ в различных странах, разнообразие реальных сценариев действий правительств сводится к трем основным моделям, задающим концептуальные ориентиры преобразований: рационально-бюрократическая модель, модель государственного менеджмента и сетевая модель управления.

Большинство современных исследований практик проведения административных реформ ориентируются на концепцию нового государственного управления и сетевую модель. Последние в совокупности представляют собой «новую парадигму государственного управления»²². При этом важно отметить, что и модель рациональной бюрократии сохраняет свою актуальность, учитывая современное состояние государственного аппарата многих развивающихся стран с низкой управляемостью, отсутствием верховенства права и распространенной коррупцией²³.

Опыт развитых стран убедительно показал, что бюрократия демонстрирует свою эффективность в рутинных делах, таких как обработка налоговых сборов или организация скорой медицинской помощи. Рационально-бюрократическая модель обеспечивает стандартные процедуры решения сложных, но предсказуемых проблем, используя формализованные операционные правила. При этом она менее эффективна при решении вопросов, которые выходят за рамки стандартизированной рутины. И сегодня чиновники в большинстве современных государств остаются основными участниками административного управления, но их готовность для более гибких действий при столкновении с новыми и быстро развивающимися экономическими и социальными вызовами остается существенной проблемой.

В настоящий момент немалая часть государственного управления осуществляется посредством контрактов с некоммерческими и коммерческими организациями, через механизм использования грантов,

²² Купряшин, Г.Л. Административная реформа: модели и механизмы / Г.Л. Купряшин // Государственное управление. Электронный вестник. – 2016. - № 58. - С. 6-36.

²³ Рандма-Лийв, Т. О применимости «западных» теорий государственного управления в посткоммунистических странах / Т. Рандма-Лийв // Вопросы государственного и муниципального управления. - 2008. - № 2. - С. 73 - 87.

регулирования и координации при реализации государственных проектов и программ, других непрямых инструментов правительственных действий. Управлять этими инструментами сложнее, чем в рамках заданных рутинных процедур. Одновременно правительство не может опираться на полномочия (власть) и иерархию, управляя проектами и программами за рамками бюрократии. Следовательно, служащие должны уметь пользоваться множеством других инструментов - от контрактов на основе переговоров и компромиссов до различного рода стимулов. Это, в свою очередь, требует современных компетенций, которые часто дефицитны среди чиновников. Как результат, государственные проекты и программы, где требуется управление с помощью косвенных и «мягких» экономических, социально-психологических, моральных инструментов, часто оказываются нереализованными.

Главное направление реформ, инициированных в конце 70-х - начале 80-х годов XX века, было связано с интенсивной и достаточно противоречивой «маркетизацией» государственного управления, которая стала осуществляться в развитых странах и, - первоначально наиболее последовательно - в англосаксонских государствах. В результате происходившего в 1980-2000-е годы уменьшения роли государства вследствие глобализации и регионализации формировался новый «рыночный» тренд трансформации государственного управления, связанный с процессами децентрализации, деконцентрации и вытеснения, «уменьшения» государства. Это привело к формированию новых методов государственного управления, перестройке государственного сектора, сокращению полномочий и внутреннему преобразованию государственной службы. Сложилась явная направленность большинства административных реформ на сокращение роли государства, децентрализацию и на поиски новых форм социального регулирования, уделяющих больше внимания рыночным инструментам и самоорганизации²⁴.

Почти тридцатилетний опыт «маркетизации» публичного управления развитых государств показывает, что конечная цель сервисного государства состоит в переводе всего государственного сектора в сеть эффективных и производительных организаций, поставляющих услуги²⁵. Внедрение нового государственного управления способствовало стабилизации и даже понизило

²⁴ Слатинов, В.Б. Административная реформа в России: промежуточные итоги / В.Б. Слатинов // Образование и общество. - 2006. - №1. - С. 10 - 16.

²⁵ Оболонский, А.В. Гражданин и государство: новая парадигма взаимоотношений и шаги по ее институционализации / А.В. Облонский // Вопросы государственного и муниципального управления. - 2011. - №1. - С. 5-16.

государственные расходы во многих странах, которые внедрили его основную составляющую - измерение деятельности публичных структур²⁶.

Однако проведение административных преобразований по лекалам «нового государственного управления» породило многочисленные трудности для успешного функционирования государственного управления. Значительная часть из них была связана с приватизацией или аутсорсингом государственных услуг, когда частная монополия приходила на смену государственной, что только ухудшало положение. Стало очевидным, что существует много препятствий на пути внедрения принципов менеджмента в государственный сектор: традиционная бюрократическая ментальность, недостаточное знание новых управленческих технологий, рыночной экономики и демократических процедур, консервативное законодательство.

Анализ и обобщение опыта зарубежных стран по комплексному реформированию системы управления или внедрению отдельных технологий результативного управления позволяет, по мнению Г. Купряшина, выявить некоторые типичные проблемы²⁷.

Создание, апробация и внедрение новых технологий управления требуют продолжительного времени, несмотря на наличие типовых регламентов и готовых методологических решений. Так, в развитых странах внедрение управления по результатам занимало в среднем около десяти лет. Традиционно сложной является проблема определения целей и задач органа исполнительной власти и соответствующих им наименований показателей результативности. Набор показателей результативности должен обеспечивать возможность двух альтернативных способов определения их значений - в ходе внутреннего и внешнего аудита.

При внедрении нового государственного управления важную роль играет степень освоенности контрактных начал в деятельности государственных служащих и органов государственного управления. Использование новых технологий управления требует наличия кадров с надлежащей управленческой квалификацией. Внедрение новой управленческой системы вызывает изменение задач, полномочий и ответственности сотрудников органов исполнительной власти разного уровня. В ряде случаев возникает необходимость реорганизации или

²⁶ Слатинов, В.Б. Публичное управление в глобализирующемся мире: в поисках эффективной бюрократии / В.Б. Слатинов, И.А. Батанина // Среднерусский вестник общественных наук. – 2016. - том 11 - №6. – С. 97 – 103.

²⁷ Купряшин, Г.Л. Модернизация государственного управления: рационализм vs традиционализм / Г.Л. Купряшин // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2011. – Вып. 4. – С. 70 – 82.

изменения статуса органа исполнительной власти. Отсутствие информационной поддержки мероприятий по внедрению государственного менеджмента вызывает дополнительные финансовые и временные затраты.

Говоря об имплантации радикальной версии модели нового государственного управления в политико-административную среду развивающихся (в том числе посткоммунистических) стран, необходимо учитывать, что в англосаксонских государствах административная реформа была предварена точными предварительными условиями. Последние практически отсутствуют в переходных экономиках и политико-административных системах. Например, рыночно-ориентированная реформа, введение контрактных механизмов, предполагает, что как внутренняя, так и внешняя прозрачность, а также рациональная культура ведения дел, уже характерны для административных процессов. Аналогично неформальные отношения, которые обеспечивают свободу действий менеджеров и объективно существуют в административных системах англосаксонского типа, предполагают наличие подотчетности, проистекающей из этических стандартов и правил поведения. Требуется много лет, чтобы такие правила укоренились, для некоторых национальных культур достижение подобных стандартов представляется крайне сложной задачей²⁸.

В определенной мере ответ на новые вызовы дает сетевая модель, которая посредством многочисленных институтов обмена ресурсами, информацией, формирования публичных ценностей, согласования политики и решений показывает новые формы коммуникационного взаимодействия граждан с политическим руководством государства и бюрократией, а, следовательно, новые формы подотчетности и способы согласования интересов.

Концепция политико-административных сетей имеет в основании ту же идею, что и государственный менеджмент: современному государству не удастся обеспечить должное удовлетворение стремительно нарастающих и меняющихся общественных потребностей, а поэтому есть настоятельная потребность переформатировать иерархическое администрирование на новую форму управления. Но если государственный менеджмент в поисках новых подходов делает акцент на «маркетингизации» (использовании рыночных методов в публичном управлении), то теория сетей ставит в центр анализа коммуникативные процессы и демократическую практику современных государств. С точки зрения сетевого подхода, при

²⁸ Купряшин, Г.Л. Публичное управление / Г.Л. Купряшин // Политическая наука. - 2016. - № 2. - С. 101 - 129.

производстве общественных благ государство все более и более зависит от других участников и subsystems; при наличии такого уровня взаимозависимости между общественными и частными участниками ни иерархия, ни рынок не являются эффективными структурами. Необходимы другие инструменты для координации интересов и использования ресурсов различных участников, включенных в процесс подготовки и принятия политических решений. В результате доминантной моделью управления становятся сети. Политико-административные сети отличаются разнообразием механизмов управления, включающих не только государственные и негосударственные политические структуры, но и бизнес, а также совокупность различных элементов гражданского общества разных уровней - от международного до локального.

Кроме того, сетевая модель нацелена на «реабилитацию» публичных и моральных аспектов управленческой деятельности (в пику чрезмерному инструментализму менеджериального подхода). Важнейшим сюжетом является и «восстановление в правах» государства и его способностей - в сетевой модели не умаляется, а подчеркивается роль государства как одного из главных агентов принятия решений, формулирования публичных ценностей и реализации общественных интересов. Существенное значение придается таким аспектам государственной деятельности, как процесс нормотворчества, координация политики, управление государственной службой и обеспечение подотчетности в рамках соответствующей политико-административной культуры²⁹.

Происходящие изменения в моделях государственного управления показывают, что успешная концепция административной реформы должна быть ориентирована на создание адекватных уровню развития и специфике культурных характеристик данного общества адаптивных систем, способных приводить к росту государственных способностей, подотчетности и отзывчивости публичного управления в ответ на общественные запросы.

Исследования, направленные на анализ практики использования информационно-коммуникационных технологий при реализации государственного управления в современных условиях позволяют определить целый ряд ограничений происходящего процесса внедрения цифровых технологий в Российской Федерации.

Во-первых, наблюдается рост издержек, связанных с разработкой и внедрением информационных систем, направленных на решение

²⁹ Братковский, М.Л. Публичное управление в условиях глобализации и становления информационного общества / М.Л. Братковский // Механізми державного управління. ДонДУУ. Менеджер. - 2014. - № 3 (69). - С. 76-115.

отдельных проблем, а не всей совокупности проблем одновременно, помимо этого имеются различия в содержании и функциональном назначении разработанных продуктов, в результате чего снижается эффективность их использования для достижения целей государственного управления. Иными словами, разработанные продукты имеют различные сферы применения, следовательно, возникают проблемы с их использованием в процессе принятия решений за счет ограниченности круга возможностей³⁰.

Как уже говорилось ранее, низкая периодичность в вопросах использования мониторинга деятельности и сбора информации, влекут за собой новые проблемы, связанные с отсутствием применения стратегических методов управления. Используемые информационно-коммуникационные системы не позволяют определить эффективный набор действий на будущее, а лишь носят проактивный характер или просто обобщают имеющуюся информацию.

Помимо этого, существует проблема отсутствия современных цифровых технологий в процессе сбора данных, не требующих участия пользователей (например, на основе анализа социальных сетей и поисковых запросов, исходя из данных датчиков и сенсоров, на основе межмашинного взаимодействия), т.е. преобладает ручной ввод данных.

Во-вторых, современные информационно-аналитические системы, используемые органами государственного управления, характеризуются недостаточной степенью интеграции, в результате чего возникает необходимость повтора целого ряда операций³¹.

Практика создания интегрированных систем показала возможность решения возникающих проблем лишь частично, поскольку в компетенции пользователей информационно-аналитических систем входит только предоставление данных, а не разработка, мониторинг и оценка инструментов анализа и управления.

В-третьих, функционал информационно-аналитических систем определяется оператором, в результате чего вопросы разработки, мониторинга и оценки инструментов управления могут отличаться в зависимости от ведомства, которое использует систему. Исполнители проектов не всегда довольны набором инструментов и технологий, которые им предоставлены, помимо этого мнения исполнителей значительно разнятся в зависимости от сферы использования той или иной системы.

³⁰ Вершинин, М.С. Электронная демократия: российские перспективы / М. С. Вершинин // Информационное общество. - 2002. - Вып. 1. - С. 200.

³¹ Сморгун, Л.В. В поисках управляемости: концепции и трансформации государственного управления в XXI веке / Л.В. Сморгун. - СПб.: Издательство СПбГУ, 2012. - 362 с.

В результате всего происходящего, ведомства вынуждены разрабатывать собственные информационно-аналитические системы, адаптированные под нужды и особенности функционирования. Такое решение возникшей проблемы приводит к новым обстоятельствам, растут затраты государства на разработку уникальных информационно-аналитических систем при этом наблюдается дублирование целого круга вопросов. В результате вопросы взаимодействия между различными ведомствами усложняются за счет возникновения дополнительных барьеров межведомственного обмена данными, при этом, как правило, ведомства не желают делиться имеющими массивами информации, особенно, если речь идет о смежных ведомствах³².

В-четвертых, анализ использования информационно-аналитических систем в вопросах оценки результативности и эффективности деятельности, как правило, сводится к анализу дисциплины и степени достижения показателей. В результате машинные алгоритмы не используются при оценке эффективности деятельности, или сопоставлении фактических и планируемых результатов работы, что приводит к искажению реальных показателей.

Все имеющие информационно-аналитические системы позволяют лишь оценить достигнутый результат, а не провести сравнительную оценку с плановыми показателями и тем самым затрудняют процесс определения реального эффекта от государственных программ различного уровня и его влияния на уровень социально-экономического развития той или иной территории. В целом в Российской Федерации существует целый ряд проектов, направленных на поддержку цифровизации, при этом предполагается использование как первичных цифровых технологий, так и прорывных.

Таким образом, несмотря на внутренние и внешние проблемы, публичное управление развивается как профессия, наука и образовательная деятельность. Следовательно, интересы исполнителей-администраторов и исследователей-аналитиков предполагают совместную работу по определению политического курса на всех уровнях власти, основанного на мониторинге общественного интереса, путем привлечения общественности к участию в обсуждении проектов управленческих решений. Именно такая работа способна привести к качественному публичному управлению, что соответствует целям рационализации государственной политики.

³² Слатинов, В.Б. Реформирование государственной гражданской службы России в условиях распространения концепции «новой публичности»: проблемы и ограничения / В.Б. Слатинов // Среднерусский вестник общественных наук. - 2016. - Т. 11. - №3. - С. 61 - 68.

Список литературы:

1. Абучакра, Р. Эффективное правительство для нового века: реформирование государственного управления в современном мире / Р. Абучакра, М. Хури. - М.: Олимп-Бизнес, 2016. - 256 с.
2. Бабич, О.В. Трансформация процесса управления предприятием в рамках становления цифровой экономики: монография / О.В. Бабич, И.В. Игольникова, Л.С. Митюченко, И.Г. Чернышова - Курск: ЗАО «Университетская книга», 2019. - 207 с.
3. Бек, У. Что такое глобализация? / У. Бек. - М.: Прогресс-Традиция, 2001. - С. 415.
4. Берестовский, А.В. Информационно-коммуникационные технологии взаимодействия исполнительной власти РФ и общества: дис. канд. полит. наук: 23.00.02 / А.В. Берестовский. - Москва, 2009. - 186 с.
5. Братковский, М.Л. Публичное управление в условиях глобализации и становления информационного общества / М.Л. Братковский // Механізми державного управління. ДонДУУ. Менеджер. - 2014. - № 3 (69). - С. 76-115.
6. Вершинин, М.С. Электронная демократия: российские перспективы / М. С. Вершинин // Информационное общество. - 2002. - Вып. 1. - С. 200.
7. Гидденс, Э. Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс. - М., 2004. - 375 с.
8. Купряшин, Г.Л. Административная реформа: модели и механизмы / Г.Л. Купряшин // Государственное управление. Электронный вестник. - 2016. - №58. - С. 6 - 36.
9. Купряшин, Г.Л. Модернизация государственного управления: рационализм vs традиционализм / Г.Л. Купряшин // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. - 2011. - Вып. 4. - С. 70 - 82.
10. Купряшин, Г.Л. Публичное управление / Г.Л. Купряшин // Политическая наука. - 2016. - № 2. - С. 101 - 129.
11. Купряшин, Г.Л. Сильные институты и координация политики на федеральном уровне. / Г.Л. Купряшин // Государственное управление. Электронный вестник. - 2011. - №29. - С. 1-16.
12. Оболонский, А.В. Гражданин и государство: новая парадигма взаимоотношений и шаги по ее институционализации / А.В. Облонский // Вопросы государственного и муниципального управления. - 2011. - №1. - С. 5-16.
13. Рандма-Лийв, Т. О применимости «западных» теорий государственного управления в посткоммунистических странах / Т.

Рандма-Лийв // Вопросы государственного и муниципального управления. - 2008. - № 2. - С. 73 - 87.

14. Слатинов, В.Б. Административная реформа в России: промежуточные итоги / В.Б. Слатинов // Образование и общество. - 2006. - №1. - С. 10 - 16.

15. Слатинов, В.Б. Публичное управление в глобализирующемся мире: в поисках эффективной бюрократии / В.Б. Слатинов, И.А. Батанина // Среднерусский вестник общественных наук. – 2016. - том 11 - №6. – С. 97 – 103.

16. Слатинов, В.Б. Реформирование государственной гражданской службы России в условиях распространения концепции «новой публичности»: проблемы и ограничения / В.Б. Слатинов // Среднерусский вестник общественных наук. - 2016. - Т. 11. - №3. - С. 61 - 68.

17. Сморгунов, Л.В. В поисках управляемости: концепции и трансформации государственного управления в XXI веке / Л.В. Сморгунов. - СПб.: Издательство СПбГУ, 2012. - 362 с.

18. Управление экономическими системами различного уровня: теория и практика: коллективная монография / Авдеева И.Л., Андруник А.П., Астахин А.С., Бабич О.В., Базарнова О.А., Белолипецкая А.Е., Борисов С.А., Головина Т.А., Гриневич А.С., Гуров В.И., Докукина И.А., Долгова С.А., Дородных Е.Е., Канапухин П.А., Кирьянов А.В., Коргина О.А., Кузьмина С.В., Кулагина Н.А., Курбанов А.Х., Латкин А.П. и др. Под общ. редакцией Т.А. Головиной. - Орел: Издательство Среднерусский институт управления - филиала РАНХиГС, 2019. - 272 с.

19. Цифровое будущее государственного управления по результатам / Е.И. Добролюбова, В.Н. Южаков, А.А. Ефремов, Е.Н. Ключкова, Э.В. Талапина, Я.Ю. Старцев. - М.: Издательский дом «Дело». РАНХиГС, 2019. - 114 с.

20. Babich, O.V. A modern enterprise as an element of digital economy / O.V. Babich, I.V. Igolnikova, A.M. Levin, L.S. Mityuchenko, I.G. Chernyshova // 34th International business information management association conference (IBIMA) - Vision 2020: sustainable economic development and application of innovation management from regional expansion to global growth: 13-14 November 2019, Madrid, Spain. - P. 4987-4996.

21. Hill, K.A. Cyberpolitics: citizen activism in the age of the internet / K.A. Hill, J.E. Hughes. - Oxford, 1998. – 361 p.

22. Westen, T.A Digital election scenario / T. Westen // Elections in cyberspace: towards a new era in american politics. - Washington, 2004. - P. 275 - 283.

Раздел 3
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО
ОБЕСПЕЧЕНИЯ СИСТЕМЫ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ
КОНКУРЕНТНОЙ СРЕДОЙ СФЕРЫ ТОВАРОВ И УСЛУГ
(НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КОМИ)

Бушуева Л.И., д.э.н., доцент

ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет
имени Питирима Сорокина», г. Сыктывкар

Уразова Ю.М.

ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет
имени Питирима Сорокина», г. Сыктывкар

Любая сфера жизнедеятельности человека предполагает процесс взаимодействия между ее субъектами с учетом общественных, законодательных норм и правил, которые, в конечном счете, направлены на удовлетворение потребностей каждого участника данного процесса. Однако с течением времени налаженные много лет назад схемы взаимодействия теряют свою актуальность: появляются новые барьеры для осуществления деятельности; возникают новые потребности на фоне научно-технического прогресса, вмешательства сторонних наблюдателей; а некоторые товары и услуги вовсе уходят с рынка из-за падения спроса и, наоборот, появляются новые.

Таким образом, принимаемые управленческие решения по поддержанию и развитию конкурентной среды нуждаются не только в регулировании с помощью законодательно-правового базиса, но и в постоянном мониторинге внешней и внутренней среды путем сбора, отбора и анализа информации.

Основной целью системы информационного обеспечения управленческих решений (ИО УР) является поддержка управленческих решений посредством преобразования информации в форму, необходимую менеджерам для оценки состояния объекта управления, разработки и организации выполнения определенных решений.

Система ИО УР обеспечивает реализацию следующих функций:

1) интеграционную (объединение комплекса задач по принятию управленческих решений);

2) коммуникативную (обмен информацией между субъектами сферы потребительских товаров и услуг);

3) инструментальную (разработка инструментария по поиску, обработке, анализу, обобщению маркетинговой информации);

4) познавательную (отражение объективной реальности);

5) организационно-технологическую (система средств, определяющих порядок и правила практических действий по

достижению результата). [10, с. 14]

Отечественная школа изучения такого понятия как «публичное управление» нашла свое развитие в фундаментальных работах авторов: О.В. Гаман-Голутвина, А.В. Оболонский, А.Н. Олейник, Г.В. Пушкарева, Л.В. Сморгунов, А.И. Соловьев. [14, с.102]

Базовые принципы изучения конкурентной среды изложены в работах Д. Аакера, Ф. Котлера, Р. Бергера и Н. Бикхоффа, М. Портера, Ф.М. Шерера и Д. Росса и др. В публикациях большое значение уделено исследованиям сущности, роли и классификации факторов формирования конкурентной среды. [9, с. 54]

В то же время работ, нацеленных на решение методологических проблем выбора инструментов и методов для построения эффективного информационного взаимодействия субъектов конкурентной среды, в целом сравнительно немного. Для того чтобы понять, каким образом публичное управление может стать эффективным рычагом управления развитием конкурентной среды в регионе, необходимо сформулировать определение этого понятия, основываясь на его дефинициях, данных разными авторами применительно к разным сферам жизнедеятельности человека.

С точки зрения экономики народного хозяйства, публичное управление представляет собой взаимодействие социально-политического и экономического характера между государственными структурами управления, представителями коммерческого сектора, потребителями и некоммерческими ассоциациями по вопросам рационального использования социально-экономических ресурсов, которые находятся в распоряжении структур государственной и муниципальной власти, а также финансовых факторов частного бизнеса в решении существующих общественных проблем.

Разные авторы дают публичному управлению следующие определения:

- публичное управление – любая деятельность, осуществляемая органами государственной власти: законотворческая, правоприменительная, организационная, контрольная (Чиркин В.Е.);

- публичное управление – государственное управление; играет роль представителей публичной власти в управленческом процессе (Шестак Д.А.);

- публичное управление характеризуется наличием определённых целей, для достижения которых возникает потребность управления ресурсами общества (Пфифинер М.);

- публичное управление можно определить как систему кооперации государственных, муниципальных, некоммерческих и смешанных структур, призванную обеспечить удовлетворение

общественных интересов и решение коллективных проблем. Публичное управление, объединяя деятельность государственных, муниципальных, неправительственных (некоммерческих) организаций, фактически представляет общественно-государственную систему реализации общенациональных и местных интересов и производства общественных благ (Купряшин Г.Л.). [14, с. 103]

Если объединить все вышеприведенные дефиниции понятия «публичное управление», то можно сформулировать следующее определение: это воздействие субъекта управления (органов государственной (муниципальной) власти) на объект управления (общественные отношения) во взаимодействии с представителями бизнес-структур, некоммерческих общественных организаций и иных лиц, заинтересованных в результатах принимаемых представителями властных структур решений.

Так как понятие «публичное управление» пришло в Россию с запада и зародилось именно там, то необходимо понять, есть ли какие-либо особенности его применения в нашей стране.

Для России всегда было характерно смешение административных и политических функций бюрократии, в результате чего властные отношения ориентировались в большей степени на силовое воздействие, чем на формирование коммуникационных каналов от гражданского общества к правительству и обратно. [14, с. 114]

Анализируя практическую реализацию принципа публичности государственного и муниципального управления, стоит отметить существование двух сдерживающих факторов.

Во-первых, имеется существенный недостаток первичной информации в самих органах исполнительной власти. Трудно говорить о полноте представляемой информации в ситуации, когда ее никто не учитывает. Федеральная служба государственной статистики не отслеживает многие содержательные стороны деятельности органов государственного и муниципального управления. Например, в результате проблемы «невидимости» малого бизнеса в государственном (муниципальном) статистическом учете, экономическом мониторинге, анализе, прогнозировании, бюджетном планировании оборачиваются законами и правоприменительной практикой, которые можно оценить как «плохое государственное управление». При прочих равных условиях это проявляется тем сильнее, чем меньше известно лицам, принимающим властные решения, о действительном состоянии, реальных правилах ведения бизнеса под их административным контролем и регулированием.

Во-вторых, налицо отсутствие заинтересованности самих чиновников в предоставлении открытого доступа к информации,

связанной с их деятельностью. Существование тесной взаимосвязи интересов государственных служащих и бизнес-структур, безусловно, препятствует прозрачности системы государственного управления. В настоящее время явно недостаточное внимание в органах государственного управления уделяется аналитическому обеспечению собственной деятельности. При всей специфике аналитической работы в различных государственных органах главной и общей проблемой остается недостаточная обработанность технологии использования информационно-аналитических материалов при подготовке управленческих решений. Реформы, предлагаемые правительством и его органами, – это не продукт общественного или экспертного обсуждения, а то, что рождается в недрах самой системы. Формально созданы обширные структурные подразделения, задействованы финансы и квалифицированные специалисты, однако результаты проведенных исследований используются далеко не всегда.

Общим недостатком аналитического обеспечения процесса принятия решений является необязательность экспертизы принимаемых решений, т.е. возможность принятия волевого, не основанного ни на каком анализе решения. [14, с. 126-127]

Как было упомянуто ранее, любая сфера жизнедеятельности человека подвергается контролю со стороны государственных органов. Товарные рынки и рынки услуг – не исключение.

Особенно важно развитие и эффективное функционирование объектов, входящих в социальную инфраструктуру, их доступность населению – важное условие повышения уровня и качества жизни населения региона и страны в целом. [15, с. 664]

Начиная с 2015 года в рамках внедрения Стандарта развития конкуренции в субъектах Российской Федерации (распоряжение правительства Российской Федерации от 5 сентября 2015 года N 1738-р) [3] предусмотрено ежегодное проведение:

- мониторинга административных барьеров и оценки состояния конкурентной среды субъектами предпринимательской деятельности;

- мониторинга удовлетворенности потребителей качеством товаров и услуг на товарных рынках региона и состоянием ценовой конкуренции;

- мониторинга удовлетворенности субъектов предпринимательской деятельности и потребителей товаров и услуг качеством (уровнем доступности, понятности и удобства получения) официальной информации о состоянии конкурентной среды на рынках товаров и услуг региона и деятельности по содействию развитию конкуренции в регионе.

В 2019 году в опросе приняли участие 20340 человек, а также представители 2454 предприятий Республики Коми.

Авторы статьи приняли непосредственное участие в работе исследовательской группы, подготовившей аналитические материалы по результатам мониторинга. Рассмотрим последовательно результаты мониторинга конкурентной среды на рынках товаров и услуг, а также возможности их использования в публичном управлении развитием конкурентной среды через построение модели информационного обеспечения публичного управления.

1. Анализ результатов мониторинга административных барьеров и оценки состояния конкурентной среды субъектами предпринимательской деятельности.

Опрос субъектов предпринимательской деятельности показал, что в 2019 году уровень конкуренции стал менее интенсивным. Это подтверждается и данными службы статистики. В Республике Коми с января по ноябрь 2019 г. было зарегистрировано 675 организаций, в то же время количество официально ликвидированных организаций составило 2365 [2].

По мнению предпринимателей, основными препятствиями для развития действующего или открытия нового бизнеса в Республике Коми являются высокие налоги (58,3%) и нестабильность российского законодательства в сфере предпринимательства (26,9%) (Таблица 1).

Таблица 1- Административные барьеры для развития действующего или открытия нового бизнеса в Республике Коми [1] ³³

Препятствия	2017	2018	2019
Высокие налоги	28,8	54,9	58,3
Нестабильность российского законодательства, регулирующего предпринимательскую деятельность	14,7	23,1	26,9
Сложность/ затянутость процедуры получения лицензий	7,1	9,2	14,9
Сложность получения доступа к земельным участкам	10,0	15,1	13,2
Стандарты и предъявляемые к качеству требования	5,8	6,5	10,6
Нет ограничений	5,6	13,1	8,8
Необходимость установления партнерских отношений с органами власти	4,1	7,6	8,5
Ограничение/ сложность доступа к закупкам компаний с госучастием и субъектов естественных монополий	2,2	2,8	7,1

³³ Здесь и далее все расчеты произведены на основе данных мониторинга состояния конкурентной среды в Республике Коми // Министерство экономики РК. URL: <https://econom.rkomi.ru/deyatelnost/razvitie-konkurencii/vnedrenie-standarta-razvitiya-konkurencii-v-respublike-komi>

Продолжение таблицы 1

Препятствия	2017	2018	2019
Ограничение/ сложность доступа к поставкам товаров, оказанию услуг и выполнению работ в рамках госзакупок	2,4	3,5	6,2
Коррупция (включая взятки, предоставление преференций отдельным участникам на заведомо неравных условиях)	4,9	6,7	5,9
Ограничения ввоза-вывоза товаров	3,0	2,2	5,7
Ограничение органами власти инициатив по организации совместной деятельности малых предприятий	1,7	1,7	5,3
Иные действия/ давление со стороны органов власти, препятствующие ведению бизнеса на рынке или входу на рынок новых участников	1,8	1,6	4,6
Предоставление льгот отдельным хозяйствующим субъектам	2,0	3,6	3,6
Квотирование	2,5	1,2	2,6
Экологические ограничения, в том числе запрещение строительства производственных мощностей и объектов транспортной инфраструктуры	1,0	1,2	2,1
Требования обязательного удовлетворения определенного спроса, поддержания мобилизационных мощностей, сохранение рабочих мест и социальной инфраструктуры	2,1	2,4	1,8
Силовое давление со стороны правоохранительных органов (угрозы, вымогательства и т.д.)	0,2	0,6	1,3
Другое	0,2	0,1	0,4

Чаще других высокие налоги в числе административных барьеров называли в том числе и представители здравоохранения (38,2%).

Об отсутствии экономических барьеров сообщили респонденты в оптовой торговле (51,4%), образовании (29,9%) и предоставлении социальных услуг (26,7%).

Что касается взаимодействия с органами власти, представители микро, малых и средних предприятий, в основном, затруднились охарактеризовать деятельность органов власти на основном рынке (41,2%, 42,2% и 36,8% соответственно). Большинство представителей крупных предприятий (32,8%) сообщили, что органы власти помогают бизнесу своими действиями.

О том, что органы власти помогают бизнесу своими действиями, чаще других заявляли представители бизнеса в сфере финансовой деятельности (43,8%), металлургического производства и производства готовых металлических изделий (36,4%), а также в области образования (33,8%).

Положительная оценка влияния на бизнес увеличения конкуренции на рынке прослеживается у респондентов, ведущих деятельность на рынке психолого-педагогического сопровождения

детей с ограниченными возможностями здоровья (88,2% согласившихся с утверждением респондентов), рынке транспортных услуг (73,8%), рынках нефтепродуктов и поставок сжиженного газа (71,4% и 70,0% соответственно).

О слабой конкуренции в отрасли в основном заявляли организации, осуществляющие добычу полезных ископаемых (37,5%) и предоставляющие социальные услуги (32,0%) и прочие коммунальные, социальные и персональные услуги (31,6%).

Основной вид экономической деятельности и основной товарный рынок, на котором представлен опрашиваемый бизнес, также не оказали влияния на формирование восприятия изменения состояния конкурентной среды за истекший год: в основном, все респонденты вне зависимости от указанных факторов отмечали, что состояние конкуренции не изменилось.

Согласно результатам исследования субъектов предпринимательской деятельности, число конкурентов в социальной сфере товаров и услуг (практически по всем входящим в нее рынкам) за последние три года не изменилось. Исключение составляет лишь небольшой рост конкуренции в области услуг такси, дополнительного образования детей и психолого-педагогического сопровождения детей с ОВЗ.

Результаты опроса показали, что на вопрос о том, на что в первую очередь должна быть направлена работа по развитию конкуренции в республике наиболее распространенными ответами были: контроль над ростом цен (32,4%), помощь начинающим предпринимателям (30,7%) и обеспечение качества продукции (24,0%). При этом в 2019 году впервые за трехлетний период лидирующим ответом стал «контроль за ростом цен», в 2017-2018 гг. он занимал второе место по числу ответов (самым значимым направлением развития конкуренции в этот период опрошенные считали юридическую защиту предпринимателей). В 2019 году также произошло сокращение доли тех, кто считал, что в первую очередь работа по развитию конкуренции в Республике Коми должна быть направлена на обеспечение того, чтобы конкуренция была добросовестной (17,0%, в 2018 году – 21,9%). Одновременно респонденты придали значимость такому направлению развития конкуренции как создание условий для увеличения юридических и физических лиц (ИП), продающих товары или услуги. Доля отметивших это направление увеличилась до 17,1% с 13,8% в 2018 году.

Наибольшая доля тех, кто обращался в надзорные органы за защитой своих прав как предприниматель, наблюдается у представителей крупных предприятий (14,9%). В целом можно сделать следующий вывод: чем крупнее бизнес, тем более охотно он готов

взаимодействовать с надзорными органами и защищать свои права.

Хозяйствующие субъекты оценивают качество официальной информации о состоянии конкурентной среды на рынках товаров и услуг Республики Коми и деятельности по содействию развитию конкуренции, размещаемой в открытом доступе, скорее положительно. Об этом свидетельствует значительное превышение доли тех, кто оценил качество такой информации как удовлетворительное или скорее удовлетворительное над числом тех, кто выбирал противоположные варианты ответа (65,1% против 24,0%).

В то же время в 2019 году в сравнении с 2017-2018 гг. отмечается смещение числа положительных оценок с утвердительных («удовлетворительно») в сторону более неоднозначных («скорее удовлетворительно»), а также увеличение доли опрошенных, которые отрицательно оценивают качество размещаемой в открытом доступе информации о содействии развитию конкуренции.

2. Анализ результатов мониторинга удовлетворенности потребителей качеством товаров и услуг на товарных рынках региона и состоянием ценовой конкуренции

В 2019 году из 19 сфер деятельности десять в основном представлены государственными учреждениями, которые оказывают услуги населению как на платной, так и на бесплатной основе (это социальное обслуживание населения, сбор и транспортирование твердых коммунальных отходов, перевозка пассажиров наземным транспортом, жилищно-коммунальное хозяйство, оказание медицинских услуг, сфера образования (дошкольное, общее, профессиональное, дополнительное), психолого-педагогическое сопровождение детей с ОВЗ).

За последние три года опросом в рамках мониторинга было охвачено в общей сложности около 42 тысяч жителей Коми (60% - женщины, 40% - мужчины).

Около 60% респондентов мониторинга – это работающее население Республики Коми. По статистическим данным именно такой процент составляет и общее количество занятого населения к его общему количеству. На 2-м месте среди опрошенных – пенсионеры (20%), студенты и неработающие – 10% от общего числа респондентов.

Рисунок 1 - Количество респондентов мониторинга удовлетворенности потребителей качеством товаров и услуг на товарных рынках региона и состоянием ценовой конкуренции в 2017-2019 гг.

В 2019 год увеличилось число опрошенных в возрасте 36-50 лет (38% от общего количества респондентов), на 2-м месте – опрошенные в возрасте 21-35 лет (34%), которые в совокупности представляют жителей Республики Коми, находящихся в трудоспособном возрасте (экономически активное население).

В 2019 году, по сравнению с прошлыми периодами наблюдения, увеличилась доля респондентов с доходами 20-30 тысяч рублей на 1-го члена семьи (на 18,5%) и с доходами 30-45 тысяч рублей (на 18%). Это связано с положительной динамикой доходов населения за прошедший год (рост 3,8% к 2018 году).

Наиболее широкое распространение, по мнению респондентов, имеют организации дошкольного и дополнительного образования детей: 77% и 75,3% респондентов соответственно в совокупности охарактеризовали количество организаций этих сфер как избыточное и достаточное.

Недостаток предложений жители республики ощущают, прежде всего, в сфере поставки сжиженного газа и розничной реализации нефтепродуктов. В этих же сферах менее всего ощущается усиление конкуренции в 2019 году, а также в сфере ремонта автотранспортных средств. Рост количества организаций, как и в 2018 году, произошел во всех исследуемых сферах. Балл «достаточно» респонденты присвоили всем организациям в сфере образования и социального обслуживания (везде свыше 70% опрошенных). Конкуренция снизилась практически во всех сферах, наиболее сильно – в сфере розничной реализации нефтепродуктов, а в сфере перевозок пассажиров наземным транспортом немного выросла.

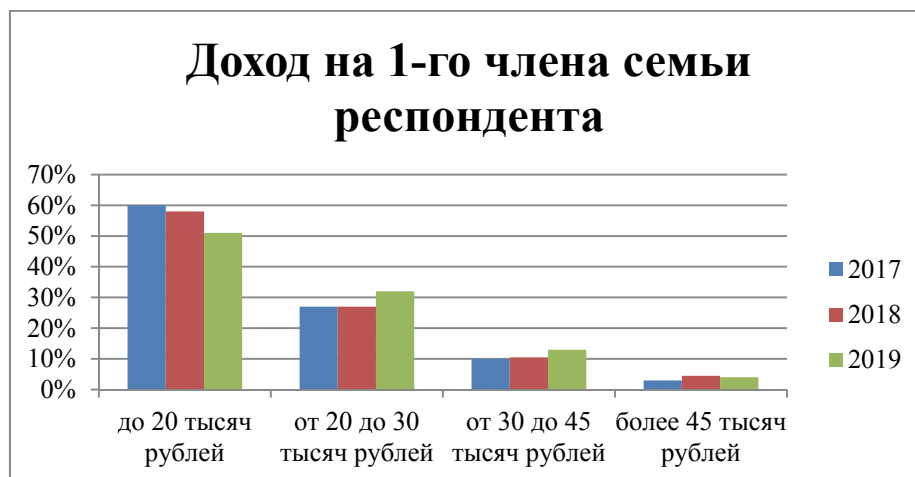

Рисунок 2- Динамика доходов респондентов мониторинга 2017-2019 гг.

По сравнению с данными мониторинга 2018 года больше всего увеличилось количество респондентов, отметивших рост количества организаций в сфере дополнительного образования детей (рост 16,6%), дошкольного образования (13,4%) и психолого-педагогического сопровождения детей с ОВЗ (13,3%).

По 12 из 18 исследуемых в 2019 году рынков удовлетворенных уровнем цен было меньше, чем неудовлетворенных, кроме сфер общего, среднего профессионального, дошкольного, дополнительного образования, психолого-педагогического сопровождения детей с ОВЗ и сферы социального обслуживания населения.

Таблица 2 – Удельный вес респондентов, отметивших увеличение количества организаций, предоставляющих товары и услуги в следующих сферах Республики Коми (в процентах от числа опрошенных)

	2017	2018	2019
дошкольное образование	17,8	25,7	39,1
дополнительное образование детей	18,6	27,8	44,4
медицинские услуги	17,3	29,6	16,3
психолого-педагогическое сопровождение детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ)	10,3	17,9	31,2
жилищно-коммунальное хозяйство (услуги по содержанию и текущему ремонту общего имущества собственников помещений в МКД)	16,2	25,5	9,8
услуги по сбору и транспортированию твердых коммунальных отходов	-	-	9,0
перевозка пассажиров наземным транспортом	24,8	33,7	
перевозка пассажиров наземным транспортом (перевозка пассажиров автомобильным транспортом по муниципальным маршрутам регулярных перевозок)	-	-	11,6

Продолжение таблицы 2

	2017	2018	2019
перевозка пассажиров наземным транспортом (перевозка пассажиров автомобильным транспортом по межмуниципальным маршрутам регулярных перевозок)	-	-	12,2
перевозка пассажиров наземным транспортом (перевозка пассажиров и багажа легковым такси на территории РК)	-	-	19,1
информатизация и связь	28,8	34,3	17,7
розничная реализация нефтепродуктов (бензина)	18,2	27,5	10,5
социальное обслуживание населения	13,3	28,3	27,1
сфера общего образования (школы)	-	-	24,4
розничная торговля лекарственными препаратами, мед. изделиями и сопутствующими товарами	-	-	30,5
ритуальные услуги	-	-	12,9
поставка сжиженного газа в баллонах	-	-	6,5
ремонт автотранспортных средств	-	-	14,0
среднее профессиональное образование	-	-	12,2
итого по всем сферам	21,3	29,5	19,4

Наибольший перевес отрицательных оценок над положительными наблюдался, как и в прошлом году, в сферах ЖКХ (оказание услуг по содержанию и текущему ремонту общего имущества собственников помещений в МКД), услуг по сбору и транспортированию ТКО, а также оказания медицинских услуг.

По уровню удовлетворенности качеством услуг недовольство населения сосредоточено чаще всего вокруг медицинских, жилищно-коммунальных услуг и перевозок пассажиров (по муниципальным и межмуниципальным маршрутам).

Наибольшее удовлетворение качеством респонденты высказали по поводу услуг дополнительного образования детей (на 73,3% больше положительных ответов).

Удовлетворенность выбором услуг наблюдалась в сфере социального обслуживания, дополнительного и дошкольного образования. Недостаточный выбор услуг, помимо сферы ЖКХ и медицинских услуг, был отмечен и в сфере услуг по сбору и транспортированию твердых коммунальных отходов.

Результаты опроса показали, что активнее всего жители муниципалитетов обращаются за помощью в решении их проблем как потребителей товаров и услуг в администрации МО и МР, Роспотребнадзор, Коми региональная организация «Объединение потребителей России», организации, оказывающие жилищно-коммунальные услуги (в том числе УК, ТСЖ, жилищная инспекция), а

также органы правосудия. Лишь 7% от всех опрошенных обращались в какие-либо инстанции.

3. Анализ результатов мониторинга удовлетворенности субъектов предпринимательской деятельности и потребителей товаров и услуг качеством (уровнем доступности, понятности и удобства получения) официальной информации о состоянии конкурентной среды на рынках товаров и услуг региона и деятельности по содействию развитию конкуренции в регионе

Одной из основных задач по развитию конкуренции в регионе является повышение уровня информационной открытости деятельности органов исполнительной власти, в том числе по вопросу о состоянии конкурентной среды на рынках товаров и услуг Республики Коми.

По критерию уровня доступности официальной информации о состоянии конкурентной среды на рынках товаров и услуг Республики Коми более положительные оценки наблюдаются у крупных предприятий: 34,3% оценивших качество информации как удовлетворительное среди крупных предприятий, 29,8% - среди средних. Далее доля таких респондентов только снижается одновременно с уменьшением размера их бизнеса.

Наименьшая доля оценивших качество размещаемой информации по уровню доступности неудовлетворительно отмечена у респондентов в категории средних предприятий (4,7%). Неудовлетворительно уровень доступности официальной информации о состоянии конкурентной среды на рынках товаров и услуг Республики Коми чаще всего оценивают представители бизнеса, зарегистрированного менее 1 года назад.

В разрезе видов экономической деятельности большинство респондентов отвечали, что скорее удовлетворены уровнем доступности официальной информации о состоянии конкурентной среды на рынках товаров и услуг Республики Коми. Чаще других так отвечали занятые в обработке древесины и производство изделий из дерева (62,5% от числа опрошенных в этом виде деятельности), оптовой торговле (59,4%) и образовании (54,4%).

Удовлетворительную оценку по данному критерию поставили производители электрооборудования, электронного и оптического оборудования (46,7%), занятые в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды (44,4%), в сфере транспорта и связи (43,6%).

По критерию уровня понятности официальной информации о состоянии конкурентной среды на рынках товаров и услуг Республики

Коми положительные оценки чаще наблюдаются у малых, средних и крупных предприятий (69,4%, 67,8% и 68,7% соответственно). Среди микропредприятий оценивали качество информации по уровню доступности как удовлетворительное или скорее удовлетворительное 60,7% опрошенных в этой категории бизнеса.

Крупные предприятия оценивают удобство получения официальной информации более позитивно, чем другие категории бизнеса: 40,3% опрошенных в этой категории бизнеса оценили качество официальной информации по данному критерию как удовлетворительное, еще 34,3% - как скорее удовлетворительное.

В ходе опроса потребителей попросили ответить на вопрос о качестве официальной информации о состоянии конкурентной среды на рынках товаров и услуг Республики Коми и деятельности по содействию развитию конкуренции, размещаемой в открытом доступе.

Показатель неудовлетворенных уровнем доступности информации продолжает снижаться относительно прошлых лет, в целом все показатели качества официальной информации улучшились в 2019 году (таблица 3).

Таблица 3 – Оценка потребителями качества официальной информации о состоянии конкурентной среды на рынках товаров и услуг Республики Коми и деятельности по содействию развитию конкуренции, размещаемой в открытом доступе (в процентах от числа опрошенных)

	Удовлетв о- рительно	Скорее удовлетво- рительно	Скорее не удовлетво- рительно	Не удовлетво- рительно	Затрудня юсь ответить	Итого
Уровень доступности						
2017	5,7	32,3	19,0	13,2	29,7	100,0
2018	15,5	32,1	16,1	11,2	25,1	100,0
2019	18,9	30,1	12,2	9,1	29,7	100,0
Уровень понятности						
2017	5,9	32,3	20,1	12,0	29,7	100,0
2018	17,3	29,8	17,2	10,4	25,3	100,0
2019	18,4	30,0	13,0	9,3	29,2	100,0
Удобство получения						
2017	6,4	32,4	19,4	11,9	30,0	100,0
2018	17,7	30,8	15,6	11,0	25,0	100,0
2019	19,2	29,4	12,5	9,2	29,7	100,0

Показатель удовлетворенных (скорее удовлетворенных) уровнем понятности и доступности получения официальной информации варьируется в разрезе муниципальных образований (самый низкий – в Ижемском районе, самый высокий – в Инте).

4. Модель информационного обеспечения публичного управления развитием конкурентной среды на рынках товаров и услуг региона

Разработка модели управления информационным взаимодействием органов региональной власти с бизнесом и населением, основанная на данных мониторинга конкурентной среды на рынках товаров и услуг, позволит сформулировать новые управленческие задачи и пути их решения посредством обработки и анализа Больших данных.

На рисунке 3 показано, каким образом происходит взаимодействие и информационный обмен между субъектами сфер различных товаров и услуг.

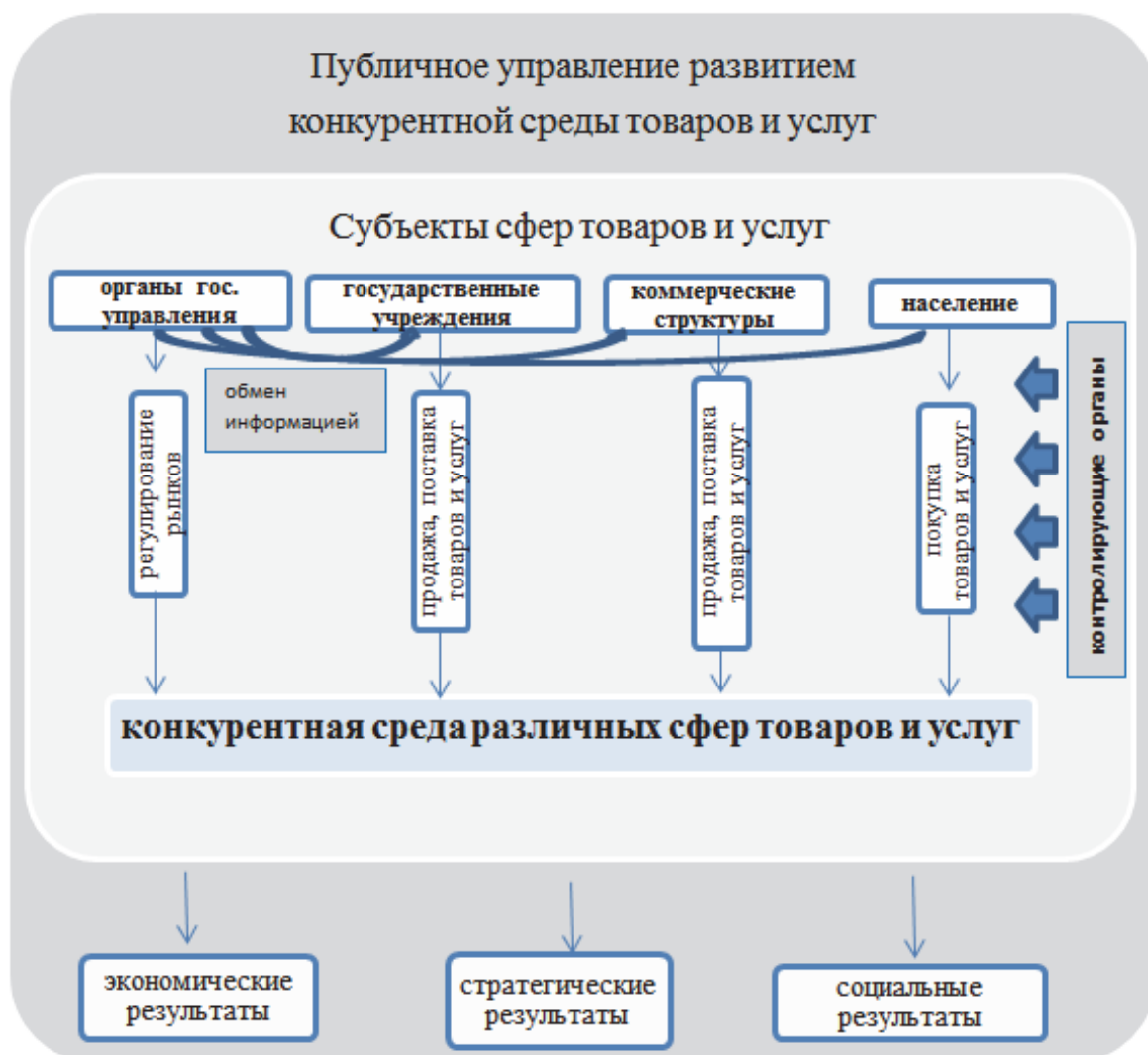

Рисунок 3 – Модель информационного обеспечения публичного управления развитием конкурентной среды различных сфер товаров и услуг

Органы государственного управления посредством проведения мониторинга среди населения (потребителей товаров и услуг) и хозяйствующих субъектов выявляют проблемы, связанные с восприятием респондентами барьеров осуществления деятельности, с уровнем конкуренции, информированностью со стороны государственных органов.

После изучения результатов мониторинга государственные органы могут вносить необходимые правки в законодательные акты, обеспечивать меры поддержки другим субъектам сфер взаимодействия. В то же время организации и население, получая сведения о нововведениях со стороны государства, о методах оказания им помощи при осуществлении деятельности, также корректируют свое поведение на определенном рынке (в определенной сфере) путем соблюдения новых законов, правил и решения своих проблем с помощью госорганов.

В свою очередь, такой взаимный обмен информацией и ее использование в деятельности позволяет оценить, насколько хорошо осуществляется публичное управление, в трех аспектах:

- с точки зрения экономических результатов – это поддержание оптимального баланса между установленным уровнем цен на товары и услуги со стороны их производителей и продавцов с учетом необходимых платежей (налогов, пошлин, акцизов и пр.) и финансовой возможностью со стороны покупателей приобретать их. Кроме того, к экономическому результату можно отнести формирование обоснованного уровня налогообложения участников экономической деятельности;

- с точки зрения стратегических результатов – информационное взаимодействие помогает государственным органам планировать долгосрочные мероприятия по развитию конкуренции в регионе, вносить их в дорожную карту, формулировать цели и задачи для совершенствования различных сфер жизнедеятельности;

- с точки зрения социальных результатов: снижение напряженности, недовольства у населения; рост доверия к государственным органам; повышение уровня доступности и открытости информации со стороны государства для хозяйствующих субъектов и населения.

С помощью анализа полученной в ходе мониторинга информации можно оценить текущие, проводимые в рамках публичного управления, мероприятия, а также предложить основные направления использования результатов мониторинга в публичном управлении.

Например, с помощью мониторинга удалось узнать, что представители крупного бизнеса гораздо чаще и больше

взаимодействуют с органами государственной власти: они реализуют совместные проекты, поддерживают регион, как с экономической, так и с социальной точки зрения. Кроме того, имеет значение сфера деятельности организации: наиболее тесные взаимоотношения у государства и сферы образования, а также у ресурсодобывающих организаций. Как правило, взаимодействие связано с решением следующих вопросов: контроль над ростом цен, обеспечение качества продукции. В надзорные органы также чаще обращаются крупные организации. Число респондентов, затруднившихся оценить деятельность органов власти на основном рынке для бизнеса, остается по-прежнему высокой. Это может свидетельствовать о том, что большинство респондентов не владеют достаточной информацией о деятельности органов власти по оказанию мер поддержки на определенных рынках, поскольку не взаимодействуют в своей деятельности с органами власти. Что касается представителей малого бизнеса, то их взаимодействие с госорганами чаще всего сводится лишь к оказанию информационной помощи начинающим предпринимателям.

Потребители товаров и услуг полагают, что их информирование со стороны государственных органов о состоянии конкурентной среды в регионе достаточно хорошее, однако, данный показатель несколько снижается в удаленных территориях (к примеру, Ижемский район), что объясняется в основном географическими особенностями размещения и слабым развитием телекоммуникационной и транспортной инфраструктуры.

Обращения в надзорные органы также преобладают у городских жителей региона. В последние годы положение дел несколько улучшилось благодаря открытию многофункциональных центров, которые сосредоточили в себе возможность получения основных государственных услуг, даже находясь далеко от районных центров и городов.

В сферах образования, социальной поддержки (в том числе детей с ОВЗ), медицины можно наблюдать положительные сдвиги, в том числе благодаря информационному обеспечению процесса публичного управления:

- так, в 2019 году были созданы условия для занятия детей с ОВЗ в 6 школах региона (в 2018 году участники мониторинга жаловались на малое количество организаций, оказывающих такие услуги);
- продолжается программа по устранению цифрового неравенства между городами и удаленными населенными пунктами (улучшается оценка качества оказываемых услуг относительно прошлых лет наблюдений);
- стали открываться частные медицинские клиники ввиду

востребованности медицинских услуг (о чем также свидетельствует мониторинг); увеличилось количество планируемых новых мест в детских садах (190 вместо 30 запланированных на 2019 г.).

Всесторонняя оценка конкурентной ситуации в регионе затрудняется по причине отсутствия единого перечня сфер в исследовании для потребителей и для производителей. К примеру, сфера социального обслуживания присутствует в анкете для населения, но не упоминается в исследовании хозяйствующих субъектов. И наоборот – сфера рыболовства оценивается представителями организаций и предприятий и не упоминается в перечне опросника потребителей – физических лиц.

Также происходят изменения и год к году, когда те или иные сферы исключаются (или включаются) в список исследования: становится трудно анализировать показатели в динамике. Данный недостаток может быть устранен при проведении будущих исследований путем формирования единого перечня сфер товаров и услуг, относительно которых изучается ситуация в конкурентной среде и составляются рекомендации по составлению списка мероприятий дорожной карты по развитию конкуренции в регионе.

Данные, полученные в результате ежегодных мониторингов, обрабатываются и передаются в подведомственные структуры (министерства, агентства), которые корректируют свои активности в области публичного управления.

Таким образом, на основе анализа результатов мониторинга и построении модели информационного обеспечения публичного управления статистическими данными выборочного наблюдения о состоянии и развитии конкурентной среды можно сделать следующие выводы:

- выявленные наиболее значимые административные барьеры для ведения предпринимательской деятельности, о которых свидетельствуют данные о росте числа респондентов, указывают на необходимость разработки мероприятий по их преодолению. Среди этих мероприятий можно выделить: уменьшение налоговой нагрузки на бизнес; снижение коррупции и ужесточение наказания чиновников за неправомерное давление на бизнес; поддержка участия малого и среднего бизнеса в конкурсах на получение государственного заказа; снижение субъективизма в принятии управленческих решений посредством, например, формализации процедур получения льгот и т.д.;
- недовольство населения сосредоточено вокруг медицинских, жилищно-коммунальных услуг и перевозок пассажиров (по муниципальным и межмуниципальным маршрутам). Особенность данных сфер заключается в том, что большая часть хозяйствующих

субъектов представлена государственными учреждениями, которые финансируются из регионального бюджета, а их мотивация для совершенствования процесса предоставления услуг минимальна. Развитию конкуренции в данных сферах могут способствовать следующие мероприятия: участие коммерческих медицинских организаций в системе ОМС; субсидирование со стороны государства работы перевозчиков, в особенности на удаленных территориях (а также способствование приобретению ими транспорта в лизинг на выгодных условиях); привлечение собственников жилья к организации жилищных кооперативов, ТСЖ и иных форм управления собственным недвижимым имуществом; оказание иных видов поддержки со стороны государственных органов для компаний, желающих вести свою деятельность в вышеперечисленных сферах.

- информированность потребителей и других субъектов хозяйственно-экономической деятельности о состоянии конкурентной среды на различных рынках товаров и услуг со стороны государства оценивается положительно, улучшая результат из года в год. Для того чтобы сохранить этот тренд, органам государственной власти можно рекомендовать больше взаимодействовать с представителями муниципалитетов, которые больше приближены к населению: с помощью администраций, некоммерческих организаций (советов, групп, товариществ) государство может оповещать население о законодательных нововведениях, собирать обратную связь, организовывать встречи потребителей, производителей, продавцов для совместных обсуждений каких-либо проблем.

Итак, информационное взаимодействие между субъектами различных сфер товаров и услуг несет большой вклад в развитие конкурентной среды, позволяя учитывать интересы потребителей, хозяйствующих субъектов органами государственной власти, тем самым осуществляя публичное управление конкуренцией в регионе.

Список литературы:

1. Мониторинг состояния конкурентной среды в Республике Коми // Министерство экономики РК. URL: <https://econom.rkomi.ru/deyatelnost/razvitiie-konkurencii/vnedrenie-standarta-razvitiya-konkurencii-v-respublike-komi> (дата обращения: 13.04.2020).

2. Официальная статистика Территориального органа федеральной службы государственной статистики по Республике Коми <https://komi.gks.ru/organizations> (дата обращения: 30.03.2020).

3. Стандарт развития конкуренции // Федеральная Антимонопольная служба. URL: <http://fas.gov.ru/pages/vazhnaya->

informacziya/standart-razvitiya-konkurenczii/ (дата обращения: 09.10.2019).

4. Гринчель Б.М., Назарова Е.А. Методы оценки конкурентной привлекательности регионов: монография / – СПб.: ГУАП, 2014. – с. 244. URL: <http://www.city-strategy.ru/UserFiles/File/monografGrinch.pdf> (дата обращения: 30.03.2020).

5. Шохин А.Н. Бизнес и власть в современной России: теория и практика взаимодействия – М.: НИУ ВШЭ, 2011. – 352 с.

6. Агамагомедова Д.А. Понятие и сущность публичного управления // Студенческий: электрон. научн. журн. 2018. № 7(27). URL: <https://sibac.info/journal/student/27/102599> (дата обращения: 31.03.2020).

7. Барабашев А.Г., Уткина В.В. Государственное управление в России: основные предметные области и тренды научных исследований // Вестник университета (Государственный ун-т управления). – М., 2014. – № 16. – С. 5–15.

8. Блинова Е.А. Особенности оценки публичной политики в условиях сетевого общества // Южно-российский журнал социальных наук. 2018. Т. 19. № 2. С. 67-78 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-otsenki-publichnoy-politiki-v-usloviyah-setevogo-obschestva/viewer> (дата обращения: 30.03.2020).

9. Бушуева Л. И., Попова Ю. Ф., Мусанова В. А. Административные барьеры развития предпринимательства в Республике Коми: по материалам практического исследования // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2019. № 4. С. 54–63. URL: <http://vestnik-ku.ru/images/2019/4/2019-4-4.pdf> (дата обращения: 01.04.2020).

10. Бушуева Л.И. Методология исследования систем информационного обеспечения маркетинговой деятельности // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2010. № 2. С. 6-26.

11. Вайсберг Я.А. Анализ уровня публичного управления социально-экономическим развитием территории // Экономика и социум. - 2014. - № 2-1. - С. 849-856.

12. Воловая Е.В., Асмус О.В. Развитие конкуренции на рынке социальных услуг // Вестник Чувашского университета. – 2012. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-konkurencii-na-rynke-sotsialnyh-uslug> (дата обращения: 09.04.2020).

13. Вохмянин И.А. Оценка состояния конкурентной среды в экономике региона // Вестник Пермского университета. Сер. «Экономика» = PermUniversityHerald. Economy. 2016. № 1(28). С. 79-89. <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-sostoyaniya-konkurentnoy-sredy-v-ekonomike-regiona>
14. Купряшин Г.Л. Публичное управление // Политическая наука. – 2016, № 2 с. 101-131 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/publichnoe-upravlenie> (дата обращения: 30.03.2020).
15. Попова Л.Н., Михайлова А.В. Управление факторами повышения качества жизни населения (на примере Арктической зоны Российской Федерации) // Фундаментальные исследования. – 2016. – № 4-3. – С. 662-667; URL: <http://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=40234> (дата обращения: 20.01.2020).
16. Birkland T. An Introduction to the policy process: Theories, concepts, and Models of public policy making. – N.Y.: M.E. Sharpe, 2011. – 337 p.
17. Hermans, L., Cunningham, S. & Slinger, J. (2014). The usefulness of game theory as a method for policy evaluation. Evaluation, 20 (1), 10–25.
18. Kettl D.F. The Politics of the administrative process. – Washington, DC: SAGE publications, 2012. – 612 p.
19. Ledeneva A. Can Russia Modernise?: Sistema, Power Networks and Informal Governance. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2013. – 305 p.

Раздел 4

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Гиоев Г. В., д.э.н., доцент
ФГКОУ ВПО «Санкт-Петербургский университет МВД России»,
г. Санкт-Петербург

Одним из важных направлений научных исследований на сегодняшний день продолжает оставаться повышение эффективности публичного управления. Значение публичного управления определяется его местом и ролью в общественном разделении труда. Говоря о месте публичного управления, можно сослаться на определение, данное Слатиновым В.Б. и Батаниной И.А.: «Публичное управление ... представляет собой общественно-государственную систему реализации публичных (общенациональных, региональных и местных) интересов и производства общественных благ». [16, с. 99] К данному определению можно прибавить уточняющее прилагательное «коренных» и заменить слово «реализации» на «выражение». Тогда, согласно уточненной цитате, место, которое занимает публичное управление, можно охарактеризовать как «систему выражения коренных государственных, региональных и местных интересов и производства общественных благ».

С местом тесно связана роль публичного управления. Поскольку публичное управление есть общеизвестно признанная область, очерченная рамками государственного и муниципального управления, логично предположить, что роль публичного управления должна быть однозначно обозначена конституционными положениями и вытекающими из них подзаконными актами. Однако, исследовательская мысль не стоит на месте и предлагает идеи, призванные обогатить науку управления и, в частности, её немаловажного сектора – сектора публичного управления.

Заметным явлением в теории публичного управления стали так называемые концепции «Новое государственное управление» или NPM (англ. new public management) и «Достойное управление» или GG (англ. good governance). С первой концепцией связана идея превращения государства в механизм сервисного обслуживания (кого именно?), а со второй - плавная трансформация субъекта публичного управления в аморфной сетевой объект, служащий дискуссионной площадкой для граждан, жаждущих поучаствовать в принятии государственных решений. [17]

Предназначение данных концепций, вброшенных в научный

оборот, угадать нетрудно: под личиной наукообразных и легковесных терминов скрывается либо дилетантский поход, ничего общего не имеющего с практикой государственного управления и путающего интересы бизнес-структур с интересами государства, либо панургова хитрость, имеющую скрытую цель ослабления государственных институтов управления, прикрытую «авторитетом передовой западной» мысли.

В одном случае коренное отличие деятельности государственных служащих, обозначаемого как «служба», от экономического вида деятельности, обозначаемого как «обслуживание» заключается в их содержании: служба предполагает выполнение работы в интересах государства, при этом не будет преувеличением, если усилим высказанный тезис частицей «исключительно», то есть в интересах исключительно государства. В случае с обслуживанием имеет место экономический акт обмена услуг на деньги либо иное вознаграждение, представляющее интерес у обслуживаемого клиента. Другими словами, в первом случае во главу угла ставится всенародный интерес, например, обеспечение общественной безопасности, во втором случае – частный интерес, например, организация досуга.

В другом случае замысел концепции «достойного управления» не очевиден. Действительно, что может плохого в широком участии граждан в принятии государственных решений? Не вдаваясь в детали теории принятия решений, выделим основные стадии, связанных с формированием решения: подготовка и анализ материалов, обсуждение, включая консультации и экспертизы, акт выбора, организация исполнения решения и оценка результатов (эффективности). Если предложить имеющему хотя бы незначительный опыт руководства управляющему выбрать ту стадию, к которой целесообразнее привлечь ту или иную категорию граждан, последует в большинстве безошибочный ответ – к стадии обсуждения, а имеющие значительный опыт еще и добавят, в части касающейся. Это значит, что стадии до и после стадии обсуждения относятся к компетенции управляющего, то есть специалиста-руководителя, основным содержанием деятельности которого является как раз заключение акта выбора. Можно ли подменить стадией обсуждения весь ход управленческого цикла, поставить на место руководителя, персонально отвечающего за порученный участок работы в интересах государства (общества), ту или иную группу лиц, интересы которой сконцентрированы в её границах, наконец, отбросить основополагающий принцип разделения труда, доказавший свое бесспорное преимущество, польстившись на беспринципный популизм, находящий своих адептов в среде лукавства и невежества.

Показательно, что «результаты реформирования системы государственного управления на основе принципов NPM, оформленные концепцией административной реформы в Российской Федерации в 2006–2010 годах и предусматривавшие введение платности ряда государственных услуг и передачу на аутсорсинг определенных государственных функций для оптимизации деятельности органов исполнительной власти, оказались неоднозначны». [17] Более конкретно о последствиях административных реформ, проводившихся по «готовым зарубежным образцам» в системе государственного управления, приводит А. Е. Городецкий. Реформы не только «сформировали основы новой модели, в значительной мере осовременили ее. Но они же породили и целый набор дисфункций». [6]

В доказательство характера последствий действия неумолимой «логики обстоятельств» реализуемых в России зарубежных концепций публичного управления достаточно привести статистику преступлений коррупционной направленности с 2012 по 2016 гг. (табл. 1), а также данные роста в два раза количества лиц, осужденных по этим делам, – с 6014 человек до 11499 (соответственно). [14]

Таблица 1 – Показатели преступлений коррупционной направленности в России

Период, год	Количество дел, доведенных до суда	Ущерб от коррупции по обвинительным заключениям, млрд руб.
2012	9811	21,8
2013	12165	32,8
2014	13037	29,6
2015	13996	38,3
2016	13774	111,3

Данные за 2019 г. по сравнению с 2018 г., несмотря на улучшение показателей борьбы с коррупцией в бюджетной сфере, сфере госзакупок и др., свидетельствует об продолжении роста нарушений законов о противодействии коррупции – (+1,6) % и привлеченных лиц к дисциплинарной ответственности – (+ 6,0) %. [9]

Рассмотрим далее как влияет набирающая обороты цифровизация экономики на эффективность публичного управления. В электронной образовательной среде без труда можно найти определения цифровизации. Так, Биктимирова Х.С. под цифровизацией экономики РФ понимает «эффективное использование во всех ее отраслях информации, информационных технологий». [3, с. 84] НИУ ВШЭ

трактует цифровую экономику как «деятельность по созданию, распространению и использованию цифровых технологий и связанных с ними продуктов и услуг». [18, с. 13] МГУ им. М.В. Ломоносова в лице А. Энговатовой указывает: «Цифровая экономика – это экономика, основанная на новых методах генерирования, обработки, хранения, передачи данных, а также цифровых компьютерных технологиях». [15] В завершении приведем авторитетное мнение члена-корреспондента РАН В. Иванова, который считает, что: «Цифровая экономика – это виртуальная среда, дополняющая нашу реальность». [15] Обращает на себя внимание три характерных признака, отмечаемые в научной среде по отношению к цифровой составляющей современной экономики. Во-первых, все опрашиваемые в той или иной мере указывают на носителя цифровизации – информацию; во-вторых, так или иначе цифровизацию связывают с формой преобразования и передачи информации – информационно-компьютерными технологиями (ИКТ); и в третьих, указывают на уникальную способность информации – «работать» в искусственно создаваемой среде.

Как видно из анализируемых признаков цифровизации, речь идет о ресурсе (информации), о современных возможностях (технологиях) и пространстве его использования (виртуальной среде), но не указано самое существенное – их предназначение. На данное упущение в работах экономистов уже обратили внимание специалисты-управленцы. Так, сотрудники Центра технологий государственного управления ИПЭИ РАНХиГС отмечают, что «при цифровизации государственного управления важно обеспечить его ориентацию на результат», и видят «риск в том, что цифровизация государственного управления станет некоторой самоцелью и будет ограничиваться лишь некоторыми изменениями в процессах деятельности органов власти. Важно добиться, чтобы эти изменения приводили к росту качества деятельности государства для его внешних бенефициаров – граждан и бизнеса». [7]

Об опасности подмены конечного результата промежуточными задачами или вовсе общей терминологией говорит и тот факт, что в самом паспорте федерального проекта «Цифровое государственное управление» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», сформулированы цели, не проясняющие, а затемняющие его смысл: «1. Внедрение цифровых технологий и платформенных решений в сферах государственного управления и оказания государственных услуг, в том числе в интересах населения и субъектов малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей. 2. Разработка и внедрение национального механизма осуществления согласованной политики

государств - членов Евразийского экономического союза при реализации планов в области развития цифровой экономики». [11] В сущности в паспорте под формулировками «разработка и внедрение» прописаны задачи реализации проекта, но отсутствуют главные его атрибуты – результаты и критерии оценки эффективности.

Возможно, разработчики посчитали излишним включать в рабочий документ, который они назвали паспортом проекта, что-либо, претендующее на звание результата и раскрыли стратегии и критерии оценки эффективности в спецификации проекта. Однако, и в разделе «Описание» спецификации проекта прописаны только целевые направления, как-то: обеспечение доступа к услугам, создание системы управления данными, развитие инфраструктуры электронного правительства, внедрение сквозных платформенных решений – то есть все то, что является содержанием, но не конечным пунктом работы. И далее обозначены ключевые показатели, которые разработчики проекта рассчитывают получить к 2024 году: «государственные (муниципальные) услуги предоставляются проактивно и онлайн, действуют 25 цифровых «супер-сервисов» по жизненным ситуациям; 90% внутри - и межведомственного юридически значимого электронного документооборота государственных и муниципальных органов и бюджетных учреждений автоматизировано; 60% граждан имеют цифровое удостоверение личности с квалифицированной электронной подписью; доля электронного документооборота между органами государственной власти России и государств Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в общем объеме документооборота составляет 90 %». [10]

Однако, несмотря на масштабность и трудоемкость взятых на себя разработчиками проекта обязательств, нельзя не обратить внимание на остающиеся неразрешёнными главные, на наш взгляд, вопросы – насколько улучшится и улучшится ли вообще эффективность публичного управления от цифровизации экономики? как упростится и ускорится получение гражданином общественных благ? какие именно отношения в системах «орган управления – гражданин» (внешняя среда) или «руководитель – сотрудник» (внутренняя среда) и каким-образом будут усовершенствованы?

Если ответы на данные вопросы могут быть делом более-менее отдаленного будущего, то на вопрос - какие эффекты уже сегодня следует ожидать от цифровизации и внедрения ИКТ в субъектах публичного управления, например, исполняющих полномочия по обеспечению общественной безопасности, – ответ видится почти безотлагательным.

Внедрение и использование всех преимуществ ИКТ в

инфраструктуре органов внутренних дел (ОВД) как типичного представителя субъекта публичного управления – это, бесспорно, ключ к повышению эффективности взаимодействия между собой органов управления материально-технического обеспечения (МТО) всех уровней и взаимоотношений органов МТО с органами финансового управления. Порядок построения, степень их рабочих связей, построенных на ИКТ, способны резко повысить пропускную способность каналов передачи информации, минимизировать сроки выполнения задач по МТО жизнедеятельности организации и в конечном итоге нарастить показатели эффективности управления МТО.

Рассмотрим коммуникационную модель передачи команд (распоряжений) и докладов (отчетов), действующую в органах управления инфраструктуры МТО ОВД в настоящее время (рисунок 1). [5, с. 354]

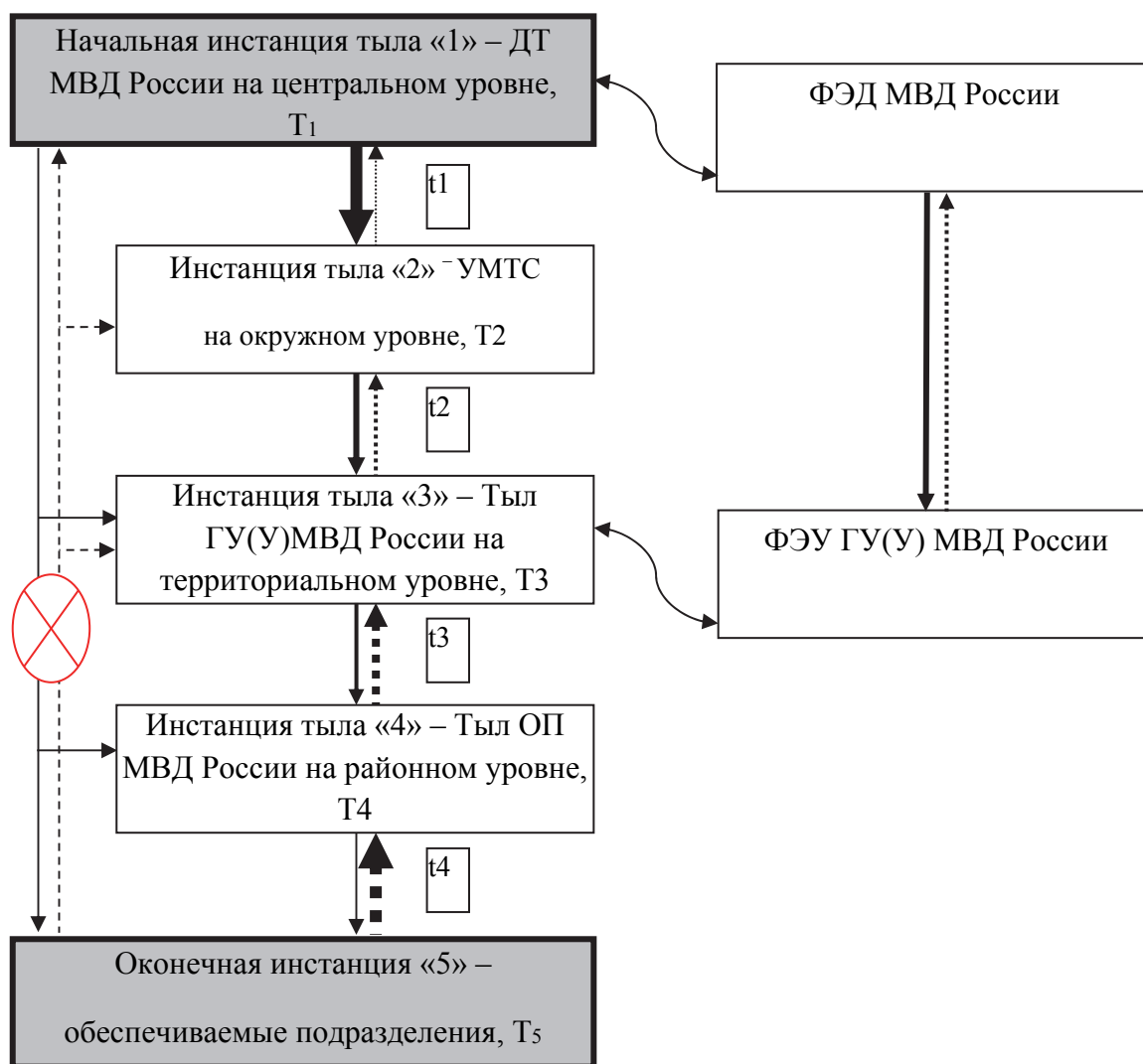

Рисунок 1 – Коммуникационная модель инфраструктуры МТО ОВД

Условные знаки и обозначения:

—————→ - прямой канал команд (распоряжений) сверху вниз, изменение связи между инстанциями от большей степени к меньшей;

←----- - обратный канал передачи докладов (отчетов), изменение связи между инстанциями снизу вверх от большей степени к меньшей;

↪ - канал координации между органами управления МТО и финансовыми органами, слабая связь;

⊗ - знак отсутствия непосредственных (резервных) прямых и обратных каналов передачи данных;

□ - инстанции Тыла промежуточные;

■ - инстанции подразделений МТО окончные.

ДТ – Департамент по материально-техническому и медицинскому обеспечению МВД России

ФЭД – Департамент по финансово-экономической политике и обеспечению социальных гарантий МВД России

ФЭУ – Финансово-экономическое управление при ГУ(У) МВД России

ГУ(У) МВД – Главное управление (управление) МВД России

ОП МВД – Отдел полиции МВД России

Как видно из рисунка 1, прямые и обратные каналы передачи команд (распоряжений) и докладов (отчетов) в органах управления инфраструктуры МТО ОВД образуют линейный (вертикальный) тип связи передачи служебных данных субординационного профиля: от инстанции вышестоящего уровня к инстанции нижестоящего уровня – распоряжения для исполнения, от нижестоящего уровня к вышестоящему – отчеты с результатами.

В данной модели реализована известная линейная схема коммуникации Шеннона-Уивера с обратной связью, составными элементами которой являются источник (инстанция верхнего уровня), канал и получатель информации (инстанция низшего уровня либо окончный получатель - обеспечиваемое подразделение, сотрудник).

Кроме того, в модели наряду с показом принципиальных каналов связи в органах управления МТО продемонстрированы связи координации Тыла с финансово-экономическими органами, осуществляющими денежное обеспечение операций материально-

технического снабжения. Несмотря на общие интересы, оба структурных организма функционируют фактически независимо друг от друга.

С формализованной точки зрения совокупное время доведения решения по МТО от исходной до конечной инстанций (что справедливо в целом и для обратного процесса – доведения отчета об исполнении от конечной до исходной инстанций) по «каскадному» типу можно выразить следующим образом (1, 2):

а) прямой канал как сумма отрезков времени от исходной до конечной инстанций:

$$T_{пр} = T_1 + t_i = T_1 + [t_1 + t_2 + t_3 + t_4], \quad (1)$$

где $T_{пр}$ – совокупное время на разработку и доведение решения по МТО;

T_1 – время на разработку решения по МТО в начальной инстанции;

t – время на доведение решения по МТО с i -й на $i+1$ инстанцию;

i – номер инстанции подразделений МТО.

б) обратный канал как сумма отрезков времени от конечной до исходной инстанций:

$$T_{обр} = T_5 + t_i = T_5 + [t_4 + t_3 + t_2 + t_1], \quad (2)$$

где $T_{обр}$ – совокупное время на исполнение и доведение отчета об исполнении решения по МТО;

T_5 – время на исполнение решения по МТО в оконечной инстанции.

Сложившаяся схема организации передачи служебных данных по «каскадному» типу наряду с достоинствами, как-то: использование стандартной системы документооборота; отлаженный процесс изучения, анализа, оценки, подготовки, принятия и передачи решения подчиненным инстанциям для исполнения, способность делегирования функций на нижестоящие уровни управления подразделений МТО, - имеет также и существенные недостатки:

1. отсутствие между начальной и оконечной инстанциями Тyla непосредственных каналов приема и передачи служебной информации в целях безотлагательного доведения команд (отчетов), либо уточнения задач, либо обращения за содействием в обстоятельствах непреодолимой силы;

2. отсутствие резервных каналов принятия и передачи служебной информации на случай выхода из строя по каким-либо причинам промежуточной инстанции;

3. отсутствие жесткой регламентации времени на получение, обработку и передачу служебной информации t_i , что приводит к девальвации её оперативной ценности;

4. наличие слабого взаимодействия с органами управления финансово-экономического блока;

5. наличие нескольких промежуточных инстанций как естественных коммуникационных барьеров на пути прохождения служебной информации;

6. низкая адаптивность каналов к потенциальным информационным перегрузкам и нештатным ситуациям.

Итак, центральным пунктом, характеризующим эффект от цифровизации и внедрения ИКТ в субъектах публичного управления, уже сегодня можно считать время, точнее выигрыш во времени. Нет нужды приводить аргументы в пользу времени как ресурса. Он одинаково высоко ценится в торговле («Время – деньги»), в военном деле (Суворов: «Кто упреждает, то и победит») и, конечно, в сфере управления (тайм-менеджмент). Однако, цифровизация и внедрения ИКТ позволяют дать нечто большее, чем просто выигрыш во времени. Это нечто большее образует сочетанный эффект ускорения как за счет проверенных методов повышения производительности управленческого труда, так и за счет «снятия» пространства при использовании ИКТ в идеальной картине пространственно-временного континуума.

Если установить зависимость количества (объем) принимаемых решений от совокупного времени (часов), затраченных на их принятие, то можно получить формулу оценки производительности управленческого труда в самом простом виде (3):

$$\text{Пр упр тр} = K / T, \quad (3)$$

где Пр упр тр - производительность управленческого труда, выраженную в час. на ед-цу принятого решения; K - количества (объем) принимаемых решений (ед.); T - совокупное время (часы), затраченные на их принятие.

Очевидно, что повышение производительности управленческого труда будет прямо зависеть от сэкономленного времени. В субъектах публичного управления это достигается на пути снижения транзакционных издержек вплоть до нулевой отметки, за счет высокой

степени организованности, дисциплины и порядка, гармонизацией отношений на координационных уровнях, слаженности координационных связей, достижением баланса интересов между множеством организационных элементов. «Повышение эффективности любого действия всегда означает какой-то акт организации, т.е. такое сочетание элементов, при котором это целое становится как можно более прочным и стабильным». [8]

Следовательно, стремясь к повышению эффективности публичного управления, цифровизацию как явление следует использовать не изолированно, а в комплексе с предложениями, которых можно отнести к передовым наработкам в области теории организации. Назовем хорошо зарекомендовавшие себя предложения, могущие составить с цифровизацией органичные комбинации.

Во-первых, это переход к самообучающемуся типу организации тыла (по Питеру Сенге), строение структуры которой, актуальное на сегодня, отвечает также требованиям ближайшей перспективы и способное к развитию на стратегическую глубину без коренной перестройки субъекта публичного управления. Известные к настоящему времени теории и концепции в рамках школы организационного развития, а именно: теория обучения умению учиться (Г. Бэтсон); теория самообновления (Дж. Гарднер); теория организационного обновления (Г. Липпит); концепция обучающихся систем (Д. Шон); теория организационного обучения (К. Арджирис) и др., имеют положительные отзывы, но требуют адаптации к особенностям публичной системы управления.

Примерной моделью структуры самообучающегося типа в публичной системе управления может стать модель бюрократии, разработанная Р. Мертоном. Согласно данной модели введение контроля над системой стимулирования работников имеет цель не допустить подмену законных требований исполнения дисциплины и должностных требований пустым формализмом. Действующие правила и требования к работникам не должны стать «всеобщими и окончательными, а их соблюдение - основной задачей и результатом, вместо того чтобы заставить эти правила и нормы работать на результат». [19]

Во-вторых, это ориентированность каждого подразделения и организации в целом на конечный результат в ходе повседневной деятельности, так и при выполнении поставленных задач. Сущностью данного требования является комплекс организационно-плановых мероприятий, в ходе которых разрабатываются, принимаются, оцениваются и контролируются конкретные показатели достижения, снижения или поддержания уровней обеспеченности в подразделениях

и у отдельных сотрудников приоритетных материальных и нематериальных ресурсов.

В-третьих, это сбалансированная комбинация инвариантных (атрибутивных) элементов и процессов с конъюнктурными (временными) элементами. Как показывает практика, внутри любой существующей организационной структуры в ходе становления и функционирования организма объективно кристаллизуется ядро элементов и процессов, которое определяют существо, качество и перспективы его развития. Если представить такое ядро в виде сплава инвариантных качеств или атрибутов, то это должно свидетельствовать о наличии в структуре незаменимых и неотъемлемых частей, укрепление которых ведет к усилению потенциала структуры, а ослабление – к разрушению не только ядра, но в последующем и всей структуры в целом.

В процессе жизнедеятельности организма-структуры происходит естественное наращивание не только качеств имеющихся функций, но и их количественных показателей. Часто это полезные и необходимые функции, реже - случайные и конъюнктурные образования. В любом случае, реальная структура – это набор, комбинация как незаменимых, так и временно-актуальных элементов и процессов, находящаяся в постоянном изменении: реформировании, перестройке, модернизации. Проблема заключается в нахождении оптимального соотношения между содержанием и числом инвариантных (атрибутивных) элементов (процессов) и конъюнктурных (временных) элементов (процессов).

В-четвертых, это учет влияния «триггерных эффектов» при формировании и расстановки кадров управления. Под «триггерным эффектом» понимается такие подбор, комплектование и организация повседневной деятельности сотрудников, при которых достигаются максимальные показатели работы при минимальных затратах и потерях ресурсов. При выполнении данного требования происходит значительный рост производительности управленческого труда сотрудников, а «триггерный эффект» по существу представляет собой беззатратную технологию повышения конечных результатов деятельности организации в целом.

В-пятых, это формирование центров финансовой, управленческой, исполнительской и др. ответственности. В этом случае предполагается включение в состав структуры управления на постоянной основе несколько крупных штабных модулей, привязанных к тому или иному направлению деятельности органа управления. В состав модуля включают разделенные по иерархическому принципу подразделения, связанные друг с другом отношениями однородного или близкого к нему вида деятельности. Модуль возглавляет его руководитель,

одновременно являющийся и заместителем начальника по данному направлению. Внешне такое построение напоминает классическую линейно-штабную структуру. Кардинальным её отличием от классической является определяемый нормативно-правовыми документами новый статус центра ответственности. Согласно нового статуса, все ключевые документы, подготовленные в недрах модульного образования, заверяются подписями конкретных разработчиков, подписываются заместителем начальника и оформляются в форме Проекта приказа, за исполнение которого несут ответственность или наоборот, вознаграждаются, наряду с руководителем и непосредственные разработчики проекта документа.

Приведенные выше предложения из области теории организации будут, безусловно, способствовать росту отдачи от внедрения ИКТ, других цифровых технологий. Однако, практические решения задач цифровизации публичного управления, подаваемые в виде так называемых кейсов [12], могут и уже постепенно отрываются от почвы, породившей проблему низкого качества публичного управления. Неужели оценку результатов цифровизации следует сводить «к расчёту степени достижения показателей, фиксации факта наступления событий», [7] а набором второстепенных данных, как-то: «Контроль индикаторов состояния муниципального образования. Консолидация данных на муниципальном уровне и формирование необходимой статистической отчетности по муниципальному району. Комплексная автоматизация сбора статистических показателей. Оперативное формирование аналитических отчетов (диаграмм, графиков, схем). Построение единого хранилища статистических количественных и качественных показателей (индикаторов) региона и муниципальных образований», [13] - считать имеющим существенное влияние на повышение эффективности государственного управления социально-экономическим развитием региона? Все это свидетельствует о недостаточности научной проработки стратегического проекта «Цифровое государственное управление». И если допустимо и обосновано считать в качестве целеуказания предъявленное выше семейство количественных и качественных показателей (индикаторов), то отнести их к стратегической части проекта не представляется возможным. Это, по существу, тактико-технические характеристики проекта, которые представляют значение для непосредственных исполнителей задания.

На наш взгляд эффективность публичного управления в части, касающейся её стратегических основ, её критерии и показатели должны опираться на систему принципов, исходным пунктом которых может служить теория инвариантов управления. Преимущества, которые дает

использование инвариантов управления, заключаются в следующих положениях:

Во-первых, понятие инварианта как интегрального качества системы знаний об окружающем мире включает законы, принципы и правила, а также множество других установлений и характеризует существенный, устойчивый, регулярный и необходимый типы связей между явлениями. Инварианты представляют собой объективные отношения, характеризующие взаимодействие систем между собой и элементов внутри самой системы в процессе ее развития.

Во-вторых, общая направленность всех без исключения инвариантов управления лежит в стремлении к организмичности (к установлению порядка), гармоничности и сбалансированности систем, что обеспечивает предсказуемость состояния и поведения элементов и частей системы с учетом влияния внешней среды. [4]

На основании вышеуказанных преимуществ, предоставляемых теорией инвариантов и её аксиоматикой, можно предложить ряд инвариант-принципов для повышения эффективности публичного управления на этапе её цифровизации.

1. Генеральная цель государственного проекта должна быть совместима с Конституцией РФ и «направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека», [1] что позволяет выразить конечный пункт стратегического целеполагания в форме гуманистического принципа, точно сформулированного древнегреческим философом Протагором: «Человек есть мера всех вещей».

2. Принцип научности, подразумевающий разработку преамбулы, спецификации проекта, особенно критериев и показателей эффективности, на основании зарекомендовавших себя подходов: диалектического (постепенность, умеренность и граничность), системного (иерархичность, связность и взаимообусловленность), процессного (динамичность, функциональность, управляемость), ситуативного (сочетание стратегии с тактикой, условиями и факторами внешней и внутренней сред) и системогенетического (инвариантность, цикличность и преемственность).

3. Принцип единства в отношении цифровизации как платформы ускорения принятия и доведения до исполнителей традиционных, рутинных, циклических решений (алгоритмов) либо подготовки вариантов решения новых и сложных проблем (моделей, сценариев, расчетов, предложений и рекомендаций) на всех уровнях государственного управления: федерального, регионального и муниципального.

Таким образом, цифровизация публичного управления должна

быть направлена на экономию ресурсов, интегрировано выраженную в понятии времени; цифровизация публичного управления является не целью, а средством повышения её эффективности; наконец, доминантой цифровизации публичного управления должна стать задача укрепление гуманистических начал, обеспечение единства интересов государства, общества и гражданина.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года. Ст. 7. / <http://www.consultant.ru> (дата обращения 02.04.2020).
2. Барабашев А.Г. Кризис государственного управления и его влияние на основные административные парадигмы государства и бюрократии // Вопросы государственного и муниципального управления. 2016. № 3. С. 163–194.
3. Биктимирова Х.С. О цифровизации экономики в Российской Федерации. / Образование. Наука. Научные кадры. №3, 2019. – С. 84.
4. Гюев Г.В. Управленческо-методологические аспекты формирования инфраструктуры органов внутренних дел. / Дис. ... докт. экон. наук : 08.00.05 / Гюев Георгий Варданович. / - СПб, 2019. – 402 с.
5. Гюев, Г.В. Системогенетическая методология оценки развития ты-ла органов внутренних дел: монография. / Г.В. Гюев. – СПб.: Изд-во СПбУ МВД РФ, 2018. - 458 с.
6. Городецкий А.Е. Государственное управление и экономическая безопасность. О дисфункциях государственного управления // Аудит и финансовый анализ 2016. № 6. С. 426–436.
7. Добролюбова Е.И., Южаков В.Н., Ефремов А.А., Клочкова Е.Н., Талапина Э.В., Старцев Я.Ю. Цифровое будущее государственного управления по результатам. / <http://d-russia.ru/tsifrovoye-budushhee-gosudarstvennogo-upravleniya-po-rezultatam.html> (дата обращения 01.04.2020).
8. Котарбинский Т. Развитие праксеологии (1962) <http://www.bogdinst.ru/vestnik/v02.htm> (дата обращения 03.04.2020).
9. Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. Основные результаты прокурорской деятельности. https://genproc.gov.ru/upload/iblock/5fb/0112_2019.pdf (дата обращения 03.04.2020).
10. Официальный сайт. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. Цифровое государственное управление. / <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/882/> (дата обращения 04.04.2020).
11. Приложение № 6 к протоколу заседания Правительственной

комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности от 25 декабря 2018 г. № 1 Паспорт федерального проекта «Цифровое государственное управление» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации».

http://майскийуказ.рф/upload/iblock/05f/Utv_FP_6_FP_TSGU.pdf (дата обращения 01.04.2020).

12. Сайт «Автономная некоммерческая организация «Цифровая экономика». Повышение эффективности государственного управления. <https://data-economy.ru/regions#brandname> (дата обращения 04.04.2020).

13. Сайт «Автономная некоммерческая организация «Цифровая экономика». Повышение эффективности государственного управления социально-экономическим развитием региона. https://files.data-economy.ru/Reg/RegionCasesR2_20.pdf (дата обращения 02.04.2020).

14. Сайт «Статистика коррупции в мире» <https://vawilon.ru/statistika-korruptsii-v-mire/#rost-korruptirovannosti-v-strane> (дата обращения 01.04.2020).

15. Сайт РИА. Наука. Цифровая экономика: как специалисты понимают этот термин. <https://ria.ru/20170616/1496663946.html>.

16. Слатинов В.Б., Батанина И.А. Публичное управление в глобализирующемся мире: в поисках эффективной бюрократии. / Среднерусский вестник общественных наук. Том 11, №6, 2016. – С. 99.

17. Смотрицкая И.И. Государственное управление в условиях развития цифровой экономики: стратегические вызовы и риски / Цифровая экономика, 2018. <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennoe-upravlenie-v-usloviyah-razvitiya-tsifrovoy-ekonomiki-strategicheskie-vyzovy-i-riski/viewer> (дата обращения 03.04.2020).

18. Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение. / Г.И. Абдрахманов, К.О. Вишневский, Л.М. Гохберг и др. ; НИУ ВШЭ. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2019. С. 13.

19. Merton R. Social theory and social structure. Glencoe, 1968. / Фролов С.С. Социология: Учебник. – 3-е изд., доп. – М.: Гардарики, 2000. – 344 с.

Раздел 5

РЕАЛИЗАЦИЯ ЦИФРОВЫХ ПРОЕКТОВ В РАМКАХ КОНЦЕПЦИИ «УМНЫЙ ГОРОД»

Докукина И.А., к.э.н., доцент
ФГБОУ ВО «РАНХиГС» Среднерусский институт управления –
филиал, г. Орел

Облизов А.В., к.э.н.,
ГОУ ВО «Коми республиканская академия государственной службы и
управления», г.Сыктывкар

Горбова И.Н., к.э.н., доцент
ФГБОУ ВО «РАНХиГС» Среднерусский институт управления –
филиал, г. Орел

Развитие экономики и как науки, и как сферы общественной жизни всегда сопряжено с технологическим прорывом и его особенностями. Будь то новые теоретические предпосылки, ноу-хау, опытные образцы первого в своем роде механизма, инновационные методики обработки информации или же материалов - каждое новое полученное человечеством знание видоизменяет экономику. Происходит это изменение постоянно, но в различных масштабах.

Сегодня мы живем во времена Четвертой Промышленной Революции, грандиозной по своему охвату трансформации, сопряженной с цифровизацией всех сфер деятельности человека. Цифровизация в общем смысле – это переход от аналоговых носителей и инструментов к цифровым базам данных и специальной среде для их обработки. В России роль цифровизации растет высокими темпами, однако данная тенденция принята в стране совсем недавно и было бы осмотрительно руководствоваться в принятии решений и осуществлении мер уже реализованными зарубежными проектами. Однако, стоит понимать, что характер российской экономики отличается от прочих и имеет свои особенности.

Одним из наиболее примечательных и социально-значимых направлений цифровизации на сегодня является создание «умных городов». И в РФ разработана и с 2018 года приводится в исполнение государственная программа «Цифровая экономика», в рамках которой осуществляется ведомственный проект «Умный город», призванный создать устойчивые цифровые системы на основе существующих муниципальных образований для повышения эффективности экономики города и уровня жизни его горожан.

Процесс создания и поддержания таких структур требует крупных инвестиций, детального планирования, постоянного мониторинга,

организации системы регулирования и максимально возможного охвата. «Умные города» зародились совсем недавно, но уже получили широкое распространение по всему земному шару, заработав как союзников концепции, так и ее серьезную критику.

За рубежом о данной концепции говорят давно и оценивают ее, как инструмент для достижения долгосрочных целей. Авторы по всему миру пока не могут прийти к единому определению цифровизации или умного города в силу специфики различных регионов. В отечественной научной литературе также предприняты подобные попытки.

В своих статьях исследователи пытаются дать четкое определение цифровизации, оценить степень ее влияния на мир и отдельные страны, но сходятся на том, что процесс этот сложно фиксировать и сравнивать по единому показателю[2, с. 63]. Количественный анализ сложно осуществить на данном этапе, но можно изучить международные проекты городов и дать им качественную оценку, а также на примере структурных единиц концепции – инвестиционных проектов – проанализировать их эффективность, оценив их количественными методами.

Таким образом, цель данного исследования – рассмотреть мировой опыт цифровизации экономики и, в частности, успехи в сфере технологий «умных городов», и перенести его успешные принципы и методики в условия российской конъюнктуры, разработав комплекс мероприятий для различных групп экономических субъектов.

Объектом рассмотрения является мировая экономика, а также экономика России, в частности, а предметом выступает соответственно процесс цифровизации экономики в мире. Цифровизация или цифровая трансформация в общем виде – это явление нового качественного перехода к инновационным технологиям сбора, обработки, передачи и хранения информации от устаревающих аналоговых методов[3, с. 80]. В первую очередь цифровизация связана с ускоренным развитием ИКТ (информационно-коммуникационных технологий) и кардинально новыми понятиями, возникшими в ходе данного развития.

Некоторые авторы считают, что цифровизация является естественным продолжением процесса информатизации (то есть обеспечения различных сфер человеческой деятельности вычислительными мощностями различной направленности). Однако, есть специалисты, считающие, что два этих процесса необходимо различать в связи с произошедшим качественным переломом в сфере информационных технологий[4, с. 261]. И если информатизация обеспечивала физическую базу – внедряла инфраструктуру в виде оргтехники, оптоволокон, то цифровизация уже на ее основе формирует активы и инструменты нематериального характера – базы «больших

данных», интерактивные карты, оптимизационные модели и разнообразные программные продукты. Таким образом, информатизация стала частью цифровизации как более глобального и всеобъемлющего процесса.

В связи с этим на данный момент исследователи различают два уровня цифровизации: первичный предполагает создание физической инфраструктуры, а вторичный – ее интенсивное использование.

Значение цифровизации в современности трудно переоценить: буквально все сферы жизнедеятельности человека подвержены данному процессу. Практически невозможно уже представить некоторые из сфер нашей жизни без применения информационных технологий. Они глубоко проникли во все сектора экономики: укоренились в производстве, строительстве и в сфере услуг, нашли применение и в сельском хозяйстве – секторе, который ранее не претерпевал подобных изменений.

Таким образом, с применением новых технологий, методик и способов использования информации в различных ее секторах экономика в мире становится «цифровой».

Некоторые авторы, соглашаясь с тем, что цифровизация – естественное продолжение тренда информатизации, считают необходимым, тем не менее разграничивать понятия «цифровизация» и «цифровая экономика», исходя из опасений потери самой экономической составляющей в теоретических исследованиях и практической деятельности в рамках современной экономики[2, с. 68]. Капранова Л. Д. в своей статье дает определения цифровой экономики в мировой и в российской конъюнктурах и отмечает, что оба термина не целостны, им не хватает комплексного и разностороннего подхода[5].

Согласно общепринятой мировой дефиниции, «цифровая экономика позволяет и реализует торговлю товарами и услугами при помощи электронной торговли посредством сети Интернет. Цифровая экономика включает три компонента: инфраструктуру (устройства, программное обеспечение, телекоммуникации и др.), электронный бизнес (цифровые процессы в организациях) и электронную коммерцию (продажа товаров онлайн)».

Это определение в большей степени направлено на менеджмент организации, ее оснащение, а также систему сбыта. В нем не уточняются взаимосвязи фирмы с различными контрагентами, не освещается влияние процесса автоматизации производства на основе ИКТ на состояние фирмы и экономики в целом, не описываются конкретные экономические категории – экономия на масштабе, добавленная стоимость или же затраты на НИОКР. Оно, тем не менее, наиболее широко освещает основные аспекты экономики как системы

(разделяя сектора производства, здесь «бизнес», и услуг) и процесса цифровизации (использование сетей, в частности Интернета).

В российском законодательстве, в рамках Указа Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы» было дано следующее определение ЦЭ:

«Цифровая экономика – хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг»

Данное определение, на наш взгляд, является несколько более точным в экономическом смысле и дает широкую трактовку используемым в процессе деятельности хозяйствующих субъектов ИКТ. Вместе с тем данное определение также не уточняет инструментарий и методы воздействия цифровизации на существующую структуру экономики. Эта широкая формулировка связана с разнообразием технологий Индустрии 4.0, а также непредсказуемостью масштаба и способа их воздействия в долгосрочном периоде.

Еще одно ключевое определение было дано:

«Экосистема цифровой экономики – партнерство организаций, обеспечивающее постоянное взаимодействие принадлежащих им технологических платформ, прикладных интернет-сервисов, аналитических систем, информационных систем органов государственной власти Российской Федерации, организаций и граждан». Данное определение говорит о необходимости увязки всех существующих институтов, создании площадок для их диалога с целью достижения эффективных результатов по общим проектам в рамках новой действительности – цифровой экономики.

В РФ с октября 2018 года действует программа «Цифровая экономика РФ» – она была оперативно разработана по итогам множества дискуссий, посвященных цифровизации страны, на всех уровнях, и инициативе Президента России. В течение июля 2017 года программа была разработана подетально, составлена дорожная карта и прописаны основные постулаты и предложены к расчету в дальнейшем сводные индикаторы для оценивания эффективности проведения программы.

По словам Президента цифровая экономика – это не отдельная часть существующей экономики Российской Федерации, а скорее новый «уклад жизни, новая основа для развития системы государственного

управления, экономики, бизнеса, социальной сферы, всего общества», качественно новый способ ведения деятельности этими сферами.

Прежде чем переходить к методологическому базису исследования необходимо изучить концепцию цифровой экономики в РФ и за рубежом, продумать индикаторы развития экономики, как привычной сложившейся системы хозяйствования, так и новой цифровой ее формы. Для выполнения этих задач обратимся к имеющимся исследованиям и очеркам по данному вопросу.

Большинство русскоязычных статей направлено на обзор сложившейся ситуации в стране и критику правительственных решений в отношении цифровизации государства. Так, например, в статье «Российская экономика: стратегия цифровой трансформации (к конструктивной критике правительственной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»)» [9] Якутин Ю.В. весьма резко и неформально критикует каждый из пунктов принятой государственной программы, выделяя ее «узкие места» и размытые формулировки, дающие место для маневра исполнительным и контролирующим органам, задействованным в программе. Вместе с тем автор предлагает вниманию читателя аналоги определения ЦЭ, выражает свои опасения по поводу осуществления основных позиций госпрограммы, однако не приводит конкретных практических мер по ее корректировке и не выдвигает конструктивных управленческих решений.

Статья К. В. Якушенко, А. В. Шиманской «Цифровая трансформация информационного обеспечения управления экономикой государств – членов ЕАЭС» [10] дает обзор основных понятий и концептуальную структуру ЦЭ в странах Евразийского Экономического Союза, а также перечисляет инициативы и проекты, как находящиеся в разработке, так и уже осуществляемые в этих странах.

Прирост ВВП во многих статьях приводится в качестве ключевого индикатора успешности применения цифровой трансформации.

Статья Мякишева А. А., «Цифровая экономика – единственная экономика современности» [8], представляет собой аналитический обзор показателей американской промышленности в разрезе цифровой трансформации, а также оценку рынка информационных технологий. Основной постулат статьи, вынесенный в заглавие, мы считаем абсолютно точным, поскольку уже стало практически невозможным рассматривать МЭ без ее цифровой составляющей в современности, а также разделить два этих понятия без существенных потерь для какого бы то ни было исследования рынка или явления на экономической арене.

Как раз эта невозможность разделить мировую экономику и ЦЭ, стремительное развитие ИКТ и необходимость устойчивого развития

для успешного будущего подводят к вопросу о необходимости взаимосвязи хозяйствующих субъектов, институтов и правительственных организаций для достижения максимально возможной эффективности комплексной и разветвленной системы, такой как страна, регион или отдельный город. Считается возможным достичь этого при небольших издержках или трудозатратах с обязательным использованием новых технологий, в том числе ИКТ. Вопрос о синергии хозяйствующих субъектов, обозначенный в предыдущем пункте, решался различными способами на протяжении десятилетий. Разработкой и решением проблемы эффективности городов занимались многие градостроители, экономисты, архитекторы, энергетики и представители предпринимательства. Люди стремятся в города за более высоким доходом, лучшими условиями жизни, большей доступностью инфраструктуры и общественных благ, гарантией получения рабочего места и прочими социально-значимыми явлениями городской среды.

Вообще «город – это крупный населенный пункт, жители которого заняты главным образом в промышленности и торговле, а также в сферах обслуживания, управления, науки, культуры. Город обычно административный и культурный центр окружающего района. Основными критериями отнесения населенного пункта к категории Город служат: численность его населения и функции, которые он выполняет (одну или несколько – в различных сочетаниях): промышленного производства, организационно-хозяйственные, культурно-политические и административные, функции организации отдыха и лечения» [10].

Также выделяется понятие «городская агломерация». Оно возникло в результате процесса урбанизации – усиления роли городов в экономической и социальных сферах, а точнее в результате так называемой субурбанизации – процесса развития и приращения пригородов к крупным городским зонам. Агломерации возникли вследствие миграционных процессов – в основном из-за маятниковой миграции. Такие зоны позволяют людям свободно перемещаться между населенными пунктами как с целью досуга, так и с целью осуществления трудовой деятельности в желаемых условиях.

Среди известных городских агломераций можно выделить Токио-Йокогама, Сеул-Инчхон и другие. В России, к примеру, наблюдаются несколько крупных агломераций – Московская, Санкт-Петербургская, агломерация-конурбация Самара-Тольятти, Екатеринбургская, Нижегородская, Ростовская и Новосибирская. Причем термин конурбация означает агломерацию с несколькими равнозначными городскими центрами.

Число территорий, где тренд постоянного роста городского населения не наблюдается, мало: к ним принадлежат Австрия, Лихтенштейн, Армения, Таджикистан, Гайана и ряд островных государств (остров Мэн, Микронезия, Самоа, Маврикий, Барбадос и некоторые другие) [10].

Население Земли растет все большими темпами год от года и так же представляет собой острую социальную и экономическую проблему в контексте ограниченности ресурсов, территорий, рабочих мест, а также оказывает огромное воздействие на экологию. К началу апреля население Земли составило 7,7 миллиардов человек по подсчетам Комиссии ООН по народонаселению и развитию. По оценкам Комиссии городское население, которое сейчас составляет примерно 56% от всех земель, возрастет до 60% к 2030 году и достигнет 68% к 2050 (а ISO ориентируется на 80% городского населения к 2050 году). В докладе ООН также отмечается, что практически весь прирост населения в будущем будет осуществляться за счет именно городского населения. Растущая вместе с населением планеты доля городских жителей приводит человечество к осознанию жизненной необходимости синергии всех процессов городского управления и жизнедеятельности горожан.

С экономической точки зрения в последние десятилетия все актуальнее становится проблема расчета необходимых объемов и эффективности размещения имеющихся ресурсов среди хозяйствующих субъектов всех уровней. Все более значимыми становятся логистика, экологичность производства, маркетинг и оптимизационные задачи менеджмента на любом предприятии, будь то промышленное производство любого товара или же предприятие, оказывающее услуги.

Согласно аналитическому отчету международного агентства McKinsey около 60% роста ВВП формируется за счет прироста горожан и только 40% за счет роста доходов на душу населения. Это означает, что сегодняшний экономически рост имеет экстенсивный характер. В долгосрочной перспективе такая тенденция может пагубно сказаться на городах – перенаселение, вызванное погоней за экономическим ростом, повлечет за собой безработицу, нехватку различных ресурсов (воды, электричества, продуктов питания и др.), снижение их качества, а также снижение моральных принципов горожан, и как следствие – рост преступности.

Интенсивный путь формирования ВВП даст качественный рост экономических и социальных показателей. В долгосрочном периоде повышение эффективности работы всех субъектов сделает доступными услуги образования и медицины, обеспечит социальные пособия и льготы, сформирует новые рабочие места, обеспечит качественную

инфраструктуру.

Ответом на встающие в контексте демографии и экономической эффективности вопросы могут стать технологии Индустрии 4.0 и, в частности, концепция «умных городов», которые и представляют собой интенсивный путь развития.

Итак, на основе современных информационных и телекоммуникационных технологий построена концепция «умных городов». Это, в широком смысле, комплексная система, в условиях которой администрация города обменивается разного рода информацией с его жителями. Видеонаблюдение на улицах, исследовательские районы с супер-компьютерами, беспилотные виды транспорта, общедоступные зоны вай-фай, удаленные способы передачи показаний энергопотребления, дистанционные выборы и перепись населения, мониторинг уровня содержания вредных веществ в воде, почве и воздухе, Интернет-порталы обратной связи, интерактивные карты, телемедицина, автоматизация производства и сбыта, создание специализированных баз данных, форумы предпринимателей-новаторов – все это призвано работать в комплексе на благо граждан согласно данной модели.

Существует множество трактовок понятия «умный город». Они варьируются в зависимости от стадии экономического развития страны, от принятых нормативных актов, стандартов и положений, от отношения граждан к инициативе и готовности к цифровой трансформации в целом. Рассмотрим определения, встречающиеся в различного рода литературе, и проанализируем их.

В мае 2017 года был принят международный стандарт ISO/IEC 30182:2017 – «Smart city concept model». Стандарт дает определение концепции, говоря, что главная черта «умного города» – интероперабельность – способность элементов городской системы быть функционально совместимыми. Таким образом, Международная организация стандартизации определяет «умный город» как некую экосистему, действующую на основе ИКТ. Данный стандарт направлен на компании, предоставляющие муниципальным властям и горожанам услуги, связанные с ИКТ. Стандарт пересматривается каждые 5 лет и не отменяет предыдущие описанные Организацией концептуальные модели, относящиеся к урбанистике.

В Европе с 2007 года Венским Технологическим Университетом рассчитывается рейтинг «умных городов». На данный момент рейтинг был рассчитан 4 раза – в 2007, 2013, 2014 и 2015 годах. Первые три версии рейтинга оценивали города с населением от 100 000 до 500 000 жителей, а рейтинг версии 4.0 оценивал «интеллектуальность городов» с населением от 300 000 жителей до миллиона.«Smart Cities Mission»,

проводимая сейчас в Индии на основе 100 городов-пилотов, также не дает четкого определения «умному городу», говоря, что оно зависит от каждого конкретного города, его возможностей, ресурсной базы и отношения жителей к инициативе. Однако Миссией закреплено несколько базовых условий индийского «умного города»:

- бесперебойное снабжение водными ресурсами;
- бесперебойное электроснабжение;
- обеспечение санитарных условий, система управления бытовыми отходами;
- эффективные способы мобильности горожан;
- доступное жилье;
- устойчивая связь с ИКТ и цифровизация;
- достойное управление, в частности электронное;
- устойчивая окружающая среда;
- безопасность граждан, в особенности женщин, детей и пожилых людей;
- образование и медицина.

Таким образом, индийский «умный город» выставляет минимальные требования к муниципалитетам с перспективой на «наслаивание новых уровней «интеллектуальности»» в будущем. Для развивающихся стран такой путь организации и реализации концепции представляется мне самым грамотным, ведь без базовой инфраструктуры невозможно выполнение условий устойчивого развития.

«Умный город» в России – понятие, не установленное законодательно, однако в одноименном национальном ведомственном проекте обозначены основная цель и 5 принципов, на которых основывается российская концепция такого города. Согласно слогану презентации Минстроя: «Умный город – город, удобный для людей». Целью данного ведомственного проекта, реализуемого сроком с 2019 по 2024 год, является привлечение высококвалифицированных специалистов в города-пилоты данного проекта.

Программа содержит 5 ключевых принципов:

- Обеспечение комфортной и безопасной среды.
- Ориентация на человека.
- Обеспечение технологичности городской инфраструктуры.
- Акцентирование на экономической эффективности, в том числе сервисной составляющей городской среды.
- Повышение качества управления городскими ресурсами.

В данный момент разработан стандарт по внедрению технологий «умных городов» в следующие основные сферы городской среды: Городское управление.

2. Умное ЖКХ.
3. Инновации для городской среды.
4. Умный городской транспорт.
5. Интеллектуальные системы общественной безопасности.
6. Интеллектуальные системы экологической безопасности.
7. Инфраструктура сетей связи.
8. Туризм и сервис.

Согласно Стандарту положения дробятся на более детализированные, и те делятся в свою очередь на базовые и дополнительные: базовые обязательны для исполнения городом-пилотом, а дополнительные администрация города берет на себя добровольно. Администрация города в рамках данной концепции обязуется предоставлять жителям инфраструктуру и информацию различной направленности для осуществления ими хозяйственной деятельности. Данная инфраструктура может представлять собой мобильные приложения, системы наблюдения, программное обеспечение, транспортные решения, сайты и форумы, и многое другое. Следующий этап после введения в эксплуатацию объекта «умного города» – это мониторинг его использования. К примеру, посещаемость городского информационного портала, посвященного обстановке на дорогах, и активность на нем измеряется специалистами и анализируется с целью выявления недоработок в самой системе и проблем, отмечаемых гражданами в созданной администрацией транспортной инфраструктуре (пробки, ямы, нехватка парковочных мест и пр.). Помимо этих данных регистрируется востребованность портала у граждан – возможно, существует коммерческое решение, полностью или частично заменяющее правительственную инициативу – тогда с точки зрения бюджета разумнее делегировать часть задач или полностью отказаться от дальнейшей реализации данного проекта.

Именно на этом этапе критично участие горожан, их содействие и инициативность. В старой модели умного города – версии 1.0 по теории McKinsey – второй этап отсутствовал или был недостаточно ярко выражен. Жители города ранее не считали возможным повлиять на решения администрации или призвать органы к действию, не имея общедоступных инструментов. Сегодня стало уже привычным заявлять о состоянии трафика или чистоте придомовых территорий в городе посредством мобильных приложений и порталов.

Жители «умного города» версии 2.0 готовы давать обратную связь по обустройству города круглосуточно и в свою очередь ждут информации по будущим потенциальным изменениям в разных его районах и сферах. Это также является важным информационным потоком в схеме – осведомление горожан властями дает им гарантии,

выполняет предупредительную и регулятивную функции, а также повышает имидж администрации города.

В осуществлении этого цикла передачи информации и благ роль основы играют, конечно же, информационно-коммуникационные технологии и оснащение. Ключевой технологией, обеспечивающей этот процесс, является технология «Интернета вещей». Она представляет собой сеть физических элементов, связанных между собой системами датчиков, вай-фай или иными коммуникационными модулями на основе единого программного обеспечения.

Данная концептуальная схема может быть расширена и дополнена практически неограниченным числом элементов в зависимости от цели исследования или презентации: могут быть рассмотрены более детально субъекты отношений – «жители», к примеру, могут быть представлены бизнесом и домохозяйствами, а также дополнены временным элементом – иностранными гражданами, туристами. Для того чтобы проиллюстрировать основные мировые тенденции, рассмотрим для начала, какие города на данный момент являются абсолютными лидерами по населению. Это поможет определить вектор развития для «умных городов», понять, какого рода страны заинтересованы в повышении эффективности и уровня жизни городского населения. Большинство стран, перечисленных в списке, принадлежат азиатскому региону – это Китай, Япония, Индия, Таиланд, Бангладеш, Индонезия, Южная Корея и Филиппины.

Перечисленные выше города в первую очередь нуждаются в оптимизации всех экономических процессов. В них критичны вопросы логистики и транспортного сообщения. Учитывая, что эти города являются крупными финансовыми, культурными и политическими центрами, любой сбой в системах жизнеобеспечения, мобильности, безопасности или социальный конфликт быстро перерастает в чрезвычайную ситуацию, критическую для всей страны или даже всего мира.

Таким образом, именно этим странам стоит в первую очередь начать применять принципы и решения «умных городов». Но это не так просто: любое изменение городской инфраструктуры влечет за собой не только положительные структурные сдвиги, но и может привести к нежелательным последствиям для определенных категорий граждан.

Автоматизация даже части производства влечет за собой увольнение сотрудников, ведя к росту безработицы. Введение нового способа транспортировки грузов или мобильности горожан – такого как беспилотные такси или дроны, к примеру – требует множества этапов инженерной разработки, тестов, учета специфики конкретной территории, построения маршрутов и карт, утверждения проекта с

властями и т. д. Все этапы внедрения новых технологий трудоемки и требуют содействия и понимания со стороны каждого участника проекта.

Ко всему прочему подобные проекты требуют огромных инвестиций именно на начальном этапе. Ведь они видоизменяют существующую инфраструктуру (это называется «ретрофиттинг»), либо с нуля формируют новую инфраструктурную единицу. Причем первый вариант может стоить организаторам гораздо больше, в особенности, если необходимо сохранение прежних очертаний изменяемого или дополняемого объекта. Это особенно важно при работе с объектами культурного наследия, сохранении «лица» города, его стилистического единства причем не только для культурной идентификации граждан, но и для поддержания статуса администрации в глазах мировой общественности.

Зачастую, чтобы успешно перенести удачные идеи и проекты в такие крупные города, необходимо сначала апробировать их. Это не всегда возможно даже в отдельном районе искомого города – результат может быть не показателен, так как не совпадает масштаб или количество субъектов – участников итогового проекта – или не может быть корректно оценен результат из-за их отношения к проводимой инициативе. Поэтому мировая общественность использует механизм городов-пилотов.

Суть его заключается в запуске одного или нескольких проектов на базе города, администрация которого желает их внедрения. Обычно городом заполняется заявка на участие (как, например, в России) и специальной комиссией проводится конкурсный отбор (данная методика применяется в Индии и России). Помимо механизма городов-пилотов используется система «банков решений». Таким «банком» является международная или региональная база данных по реализованным проектам с использованием современных ИКТ. Туда заносится опыт сторон – подрядчиков, администраций и жителей, информация по бюджету, технологические подробности, концептуальные схемы, рекомендации по внедрению, а также профили проектов, которые возможно повторно использовать в другом городе.

Эти базы формируются на основе предложений, исходящих от бизнеса. Таким образом, администрация города потенциально может избрать из нескольких вариантов проект с необходимым сроком реализации, удобным бюджетом или возможностью поддержки местных предпринимателей.

В теории данный механизм весьма интересен для обеих сторон, он формирует новые ниши для бизнеса, радикально новый рынок проектных решений, и, конечно, единую открытую площадку для

диалога. На практике в России сегодня базы, на мой взгляд, не наполнены достаточным для осуществления выбора количеством проектных решений. Это может быть связано со спецификой технологий, неосведомленностью бизнеса, а также возможным критерием отбора решений в банк.

Для всех стран, желающих применять концепцию, разумно сотрудничество по данному вопросу, в особенности на начальных этапах. Поэтому Россия является участницей множества форумов, посвященных теме «smart city». К тому же восемь российских городов, шесть из которых – пилоты проекта «Умный город» стали членами Международного клуба устойчивых и умных городов (ISSCC). В ближайшие годы на территории участников клуба – Краснодара, Иннополиса, Тольятти, Новороссийска, Магаса, Сарова, Сочи, Воронежа – будет последовательно внедряться один из стандартов ISO 37101, направленный на устойчивое развитие административно-территориальных образований.

На данный момент в Клуб входит 16 городов из Франции, Великобритании, ОАЭ, Саудовской Аравии, Бразилии, Китая. Цель клуба – консолидация опыта городов, делающих акцент на цифровом развитии, и тиражирование успешных практик.

В целом все «интеллектуальные» города делятся на 2 группы:

- города, построенные с применением «умных» технологий с нуля;

- города, сложившаяся инфраструктура которых подвергается цифровой трансформации [1]. Большинство городов-пилотов относится, конечно, ко второй категории. Это объясняется сравнительным удобством и размером необходимых вложений. В городе, строящемся с нуля, чтобы обеспечить эффективность энергоснабжения необходимо создать саму по себе дорогостоящую электросеть: построить новые станции, проложить линии электропередач и только потом надстроить инновационную систему диспетчеризации и мониторинга. К тому же специалисты-энергетики, администраторы, монтажники, электрики и прочие необходимые для задачи кадры с большей вероятностью будут найдены в «готовом» городе. К тому же их труд обойдется муниципалитету ощутимо дешевле, так как с меньшей вероятностью встанет вопрос обеспечения жилья рядом с объектом и транспортировки кадров на рабочие места.

Таким образом, среди основных черт развития концепции можно выделить:

- большой объем начальных инвестиций;
- крупные масштабы последствий;
- необходимость апробации применяемых технологий в городах-

пилотах;

– востребованность технологий «умных городов» развивающимися странами;

– формирование банков решений;

– международное сотрудничество как форма консолидации и передачи опыта;

– преобладание переустройства существующей инфраструктуры.

Вместе с тем, при преобладающей положительной оценке концепции выделяют и основные проблемы, уязвимости подобных структур. Среди самых волнующих общественность и исследователей первой называют проблему кибербезопасности.

Множество горожан и администраций муниципалитетов пока не готовы соответствовать принципу транспарентности на повседневной основе по этой причине. Вопрос о том, какая информация попадет в открытые источники, должен быть решен на множестве уровней. К тому же, даже при размещении информации на защищенных «облачных» хранилищах, гарантировать стопроцентную безопасность от взлома или хищения данных никто не может.

Информация может быть раскрыта самым неожиданным образом. Так, компания, запустившая развлекательное приложение «Strava», являющееся фитнес-трекером, в свое время опубликовало карту маршрутов, отметив их на карте мира. Данные, имевшие в оригинале созидательную и развлекательную направленность, а также олицетворяли достижения компании по сбору массивов информации, оказали негативное влияние. Благодаря тому, что военнослужащие США на засекреченных базах, использовали приложение, их привычные маршруты для бега стали известны миру, как и местоположение этих баз.

Информация о расположении транспортных развязок, жилищных коммуникаций, энергетических узлов, равно как и прочие данные об инфраструктуре города, расположенная в открытом доступе, может привлечь нежелательное внимание террористических организаций.

Утечка личных данных горожан, паспортных, биометрических или же историй кредитования, может повлечь за собой множественные акты мошенничества, а также более крупные незаконные деяния.

Многие страны именно по этим причинам развивают системы кибербезопасности заведомо, чтобы обезопасить участников информационного обмена.

Правительство Российской Федерации в 2019 году начало государственную программу «Цифровая экономика РФ», сроком до конца 2024 года. Данная программа рассчитана на создание информационно-технологической инфраструктуры, устойчивой

экосистемы, выстроенной вокруг новейших ИКТ. В рамках данной программы выделено 6 основных направлений:

- Регулирование.
- IT-инфраструктура.
- Кадры.
- Кибербезопасность.
- Технологии.
- Госуправление.

В России доля населения, проживающего в городах выше, чем в среднем по миру, и составляет 74%. При этом в РФ насчитывается 15 городов-миллионников.

Таким образом, для российских городов, являющимися объектами концентрации огромного количества ресурсов, материальных, финансовых и человеческих, крайне важно участие в мировом процессе цифровизации и оптимизации в формате внедрения технологий «smartcity».

Чтобы верно понимать, как применить эти технологии с наибольшей эффективностью, необходимо изучить уже полученный участниками этого масштабного эксперимента по трансформации общества практический опыт. В мире сравнительно недавно появилась концепция «умных городов». В странах третьего мира ее только начали рассматривать, а во многих развивающихся странах она применяется в той или иной форме не больше года или двух.

Наибольший интерес, таким образом, представляют города развитых стран и стран-лидеров в разрезе ИКТ. Сингапур – портовый город-государство, расположенный на множестве разрозненных океанических островов в Азии – с 2012 года имеет статус «умной нации»: программа «Smart Nation» была запущена премьер-министром Ли Сяньлуном, и вот уже несколько лет подряд этот город получает звание лучшего «smart city» на планете.

Так как Сингапур имеет статус города-государства, это дает ему некоторые преимущества политического характера – к примеру, упрощает процессы принятия решений властями, попутно снижая количество бюрократических проволочек и расходы бюджета.

Программа «умного государства» имеет четкую социальную направленность. Она подразделяется на множество проектов в различных сферах жизни: мобильность граждан, государственное управление, городское жилье и жизнедеятельность, здравоохранение, бизнес, разработка цифровых приложений.

На официальном портале программы размещены дорожные карты и уже принятые к осуществлению проекты, исходящие, как от правительственных структур, так и от горожан в лице бизнеса, научных

и некоммерческих организаций.

Самым масштабным и многообещающим для государства проектом можно назвать построение виртуальной модели всего Сингапура с учетом особенностей ландшафта, высотности и площади всех построек, а также водоемов и даже озеленения территорий. Эта 3D-модель разрабатывается для научных исследований, применения в бизнес-среде и для широкой публики. Среди множества возможных назначений модели приводятся следующие примеры:

- возможность моделирования поведения людей при ЧС или при строительстве новых маршрутов (или закрытии привычных);
- планирование строительства новых объектов;
- планирование маршрутов для людей с ограниченными возможностями с учетом ландшафта и затрачиваемого времени;
- моделирование эффективного размещения солнечных батарей на крышах зданий;
- коммуникация с гражданами по вопросам обустройства города.

По всему городу установлены тысячи камер видеонаблюдения, в том числе, с термодатчиками. Сделано это не только для нужд дорожных служб, но и с целью отслеживать правонарушения в общественных местах. Штрафы за курение в местах скопления людей в Сингапуре очень высоки в связи с реализуемой программой здравоохранения. Видео-регистрация с фиксированием температуры помогает отследить курильщика-нарушителя и привлечь к ответственности. Штрафы назначаются также за выброс мусора в неположенных местах и плевки на улицах. Таким образом, за счет «гигиенических» штрафов пополняется бюджет города и осуществляется важная социальная программа.

В сфере мобильности сингапурские власти и разработчики также достигли больших успехов. Уже сейчас в городе тестируются беспилотные средства передвижения, как на специальных полигонах, так и на улицах города. В государстве считают, что данный способ передвижения станет ключом к переменам в перевозках ближайшего времени и обладает огромным потенциалом. На сегодня местные университеты разработали и тестируют концепты общественного такси, ретрофиттинга грузовиков, а также целых беспилотных автобусов. Также в городе действует система бесконтактной оплаты транспорта, что разгружает потоки пассажиров и является важным элементом «безбарьерной среды».

В социальной сфере также проделана большая работа. Примечательным проектом является оборудование около 3000 квартир пожилых людей специальными датчиками движения. Этот проект позволяет родственникам пожилого человека удаленно получать

информацию на смартфон о его местонахождении. В случае долгого отсутствия движения в квартире на смартфон приходит специальное оповещение. Это может спасти множество жизней, позволить пожилым вести полноценную жизнь, а их близким быть спокойными.

Также жителям Сингапура доступна удаленная передача данных коммунальным организациям и единое приложение для муниципальных услуг. К тому же власти запустили приложение для семей – «Moments of life (Families)» – с возможностью регистрации рождения детей, записи их в дошкольные учреждения и получения соответствующей справочной информации. Линейка приложений «Moments of life» будет пополняться со временем.

Для нужд властей и для более эффективного предоставления услуг гражданам Сингапура была разработана комплексная система CODEX. Это цифровая платформа, объединяющая системы муниципальных приложений, баз данных, аналитических инструментов, а также, обеспечивающая кибербезопасность на всех уровнях.

В рамках CODEX, например, доступна единая система аутентификации – National Digital Identity – в рамках которой физические и юридические лица могут зарегистрироваться под индивидуальным кодом, облегчающим транзакции, оплату налогов и получение государственных услуг.

Для местных жителей электронная или бесконтактная оплата, использование датчиков и приложений уже не новость, а ежедневная привычка, упрощающая быт. К такому быту стремятся сегодня многие представители властей и горожане по всему миру.

Среди тех, кто способен соревноваться в уровне жизни и технологическом оснащении с Сингапуром, немного городов-«интеллектуалов» – самый яркий его конкурент – это Барселона. Европейский портовый город с богатым историческим прошлым, популярный среди туристов, нашел возможности цифровой трансформации с сохранением привычного жителям лица города.

Одним из самых интересных решений в этом городе является система утилизации твердых бытовых отходов. Помимо уже привычных для европейских стран цветных контейнеров для отдельного сбора мусора с последующей переработкой, существует Green Dots. Это пункты сбора мусора, который сложно подвергается переработке: аэрозольные баллоны, предметы бытовой техники, аккумуляторы и другие предметы сложной структуры или крупных габаритов. Но настоящей находкой для Барселоны стала пневматическая сеть, направляющая мусор, выброшенный в любой контейнер, подключенный к сети, в центр сбора. Данный центр может быть мобильным (мусор из центра затем вывозится грузовиками) или же

стационарным (заводом, где поступивший мусор и перерабатывается). Данная система предотвращает появление неприятных запахов, так как мусор не застаивается в контейнерах (это может быть критично для жителей в данной климатической зоне), а также снижает автомобильный трафик, так как мусоровозы для уборки мусора из центра города требуются теперь в меньшем объеме. Система доступна круглосуточно, что тоже немаловажно.

В Барселоне спроектированы целые кварталы, где пешеходы имеют приоритет перед автомобилистами: так называемые Superilles. Цель этих кварталов – восстановление озеленения, снижение шума и загрязнения воздуха – то есть решение основных проблем городских жителей. Эта инициатива также призвана снизить количество несчастных случаев и аварий на дорогах.

Bicing – еще один инструмент мобильности граждан – это система велопроката, стартовавшая в 2007 году. Сейчас она обзавелась мобильным приложением с возможностью сбора и передачи данных о доступности проката, построением оптимального маршрута и оплаты.

В Барселоне действуют CityOS и Sentilo – программные обеспечения (ПО), объединяющие различные приложения и базы данных в цифровые платформы для решения определенных задач. CityOS – это система позволяющая координировать решения муниципальных органов и служб. А Sentilo – это ПО, отслеживающее и осуществляющее сбор информации в режиме реального времени с 200 датчиков, установленных по всему городу. Датчики замеряют уровень шума, температуру, активность солнца и трафик на дорогах. Данные, собранные этой системой, открыты для сторонних наблюдателей[7].

Власти Барселоны руководствуются принципом транспарентности и предоставляют доступ к своим данным сторонним наблюдателям и исследователям. Open Data BCN – это база данных, где можно ознакомиться с некоторыми уже собранными индикаторами, рассмотреть интерактивные карты.

Многие проекты, реализуемые в Барселоне сегодня на постоянной основе, изначально имели статус коммерческих: это были небольшие стартапы с широким откликом или инициативы крупных местных производителей. Стоит отметить огромную роль жителей в принятии управленческих решений: в городе существует специализированный демократический центр, решения, принятые в котором выносятся на рассмотрение администрацией Барселоны.

В Амстердаме – еще одном «умном» городе Европы с богатой культурой и историей – практикуется циклическая экономика. Согласно этой концепции отходы не только могут быть переработаны, но и должны быть в обязательном порядке использованы повторно: либо в

форме горючего, либо в качестве вторсырья. По некоторым оценкам такая экономика способна будет создавать около 85 миллионов евро ежегодно и, возможно, более с использованием новых технологий.

Власти города поощряют стартапы в рамках «умных» технологий и предлагает площадку для них. Среди проектов можно назвать общую тенденцию к поиску альтернативных источников энергии, решение проблемы водоснабжения, а также жилищного вопроса.

Самый амбициозный проект – это предоставление возможности домохозяйствам продавать излишки электроэнергии, полученной с помощью собственных солнечных панелей, местным электростанциям. 25 домов Амстердама, оборудованных панелями, уже стали пилотами данного проекта. Основатели надеются таким образом сбалансировать спрос и предложение на электроэнергию в городе, а также популяризировать «зеленую» энергию среди жителей. Подобные проекты находят отклик у местных жителей, ведь заявки на участие может подписать любой желающий, обладающий солнечными батареями, как в этом случае.

В городе расположено огромное множество датчиков, выполняющих схожий с барселонскими функционал. Однако есть не только стационарные датчики, но и движущиеся – например, на почтовых грузовиках установлены системы сенсоров, измеряющих качество воздуха.

Еще один проект, знаковый для Амстердама, это освещение улиц. Освещение очень важно для туристического города, оно буквально способно «выставить его в лучшем свете». Однако привлекательными фасадами не решить проблему финансирования города, она скорее рождает целую категорию дополнительных затрат. На помощь «умным» городам приходит местная компания Philips, создав систему «умного» – в данном случае динамического – энергосберегающего LED-освещения. Система освещения может быть отрегулирована удаленно, либо способна реагировать на движение, снижая, таким образом, затраты на электроэнергию, когда никто в ближайшем окружении не нуждается в освещении или тусклого света достаточно в данной локации.

Цифровизация – а именно ее динамика и структура – может быть охарактеризована как самостоятельными, так и специфическими интегральными показателями на уровне мира и отдельных стран. Данные индикаторы оценивают как техническую оснащенность, так и оснащенность человеческим капиталом с определенными умениями и характеристиками.

В своей статье Кешелава А.В., Хае И.Л. предлагают для оценки цифровизации использовать 3 индикатора: Индекс сетевой готовности NRI (Networked Readiness Index) и Глобальный инновационный индекс

GII (Global innovation index), а также Индекс цифровизации экономики и общества DESI (Digital Economy and Society Index). Первые два показателя всемирные, а третий разработан специально для стран Евросоюза. В статье подробно описывается методика расчетов, и делаются некоторые выводы по теме[6].

Еще одним из показателей, оценивающих степень цифровой трансформации на уровне страны, является IDI – ICT Development Index – Индекс Развития ИКТ. Данный индекс рассчитывается подведомственной ООН структурой – International Telecommunication Union (ITU) или же Международным Союзом Электросвязи (МСЭ) с 2009 года, публикуется в свободном доступе с 2016 года.

Данный показатель является интегральным и рассчитывается по следующей методологии. Рассчитываются три субиндекса на основе 11 различных показателей, большая часть которых используется авторами как самостоятельные индикаторы развития ИКТ.

Первый – субиндекс доступа к ИКТ (access sub-index) – представляет собой среднее значение следующих 5 показателей:

- Количество стационарных подключений на 100 жителей
- Подписки на услуги сотовой связи на 100 жителей
- Международная пропускная способность Интернета на одного пользователя

- Доля домохозяйств, имеющих компьютер
- Доля домохозяйств, имеющих доступ к Интернету

Второй – субиндекс использования (use sub-index) – это среднее значение трех показателей:

- Доля лиц, пользующихся Интернетом
- Количество стационарных подключений на широкополосное соединение на 100 жителей – Количество активных мобильных подключений на широкополосное соединение на 100 жителей

Третий субиндекс – skills subindex – отражает косвенное влияние системы образования на развитие навыков в сфере ИКТ у граждан страны. Он рассчитывается как среднее значение трех показателей: среднее число лет обучения, валовое вовлечение граждан во вторую (школьное) и третью (университетское или среднее специальное) стадии образования раздельно.

6 показателей из используемых 11 согласно данной методологии варьируются по шкале с ограничением – «идеальным значением» – в 100 у.е., но оставшиеся 5 имеют другие шкалы. Данные необходимо нормировать – привести к единой шкале или общей единице измерения.

После нормирования данных и расчета значений субиндексам присваиваются веса: первый и второй равноценны и составляют в общем индексе каждый по 40%, а третий субиндекс по решению Союза

был наделен меньшим весом – 20% – так как он является опосредованным по отношению к развитию ИКТ. По итогам проведенного сбора информации о мировом опыте «умных городов» стало ясно, что внедрение методик и разработок имеет проектный характер.

Среди рассмотренных примеров городов каждый обладает специализированным комитетом или службой, ведущей деятельность по поиску, отбору, внедрению и мониторингу амбициозных и действенных проектов. Эти службы, «офисы» ведут комплекс работ по формированию цифровых платформ, форумов и мастер-классов для поиска новых готовых решений и идей для собственных городов.

Вместе с тем надо отметить, что пусть рассмотренные города имеют комплекс схожих черт, но процесс внедрения будет различаться. Не столько от региона к региону, сколько от города к городу. Даже отдельные районы одного и того же города требуют к себе индивидуального подхода. Ментальность, обычаи, средний возраст горожан, готовность обучаться новому – вот те факторы, которые могут значительно повлиять на попытку трансформации города.

Не только политический строй или тип экономики, а зачастую именно жители, домохозяйства и их привычное поведение определяют вектор развития города. Молодой город, построенный на высоких технологиях, такой как Сингапур легко станет «живой лабораторией» для любого проекта, упрощающего и улучшающего жизнь. В Амстердаме, где нехватка ресурсов и малая площадь страны – основные и извечные проблемы, жители с легкостью примут энергосберегающие технологии и идею жилья на воде. Барселона с ее привлекательным для туризма и обитания климатом будет стремиться поддерживать экосистему, проводя постоянный мониторинг и принимая соответствующие меры в режиме реального времени.

И будет неверным утверждать, что существует единый подход к реализации таких проектов. Поиск универсальных технологий упрощает задачу, но сопряжен с определенными рисками, может повлечь за собой негативные последствия.

Исходя из проведенного исследования, современный город, желающий стать «умным», должен обладать следующими чертами:

- готовность горожан к цифровой трансформации большинства сфер жизнедеятельности;
- вовлеченность граждан в процесс принятия решений, преобразующих городскую среду;
- наличие инновационных лабораторий и стартапов;
- наличие инфраструктурных возможностей;
- вовлеченность правительственных организаций в диалог с

представителями бизнеса;

– развитой системой некоммерческих организаций.

В России данные черты стали проявляться сравнительно недавно, начиная с крупных промышленных и культурных центров – Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Екатеринбурга и некоторых других городов. На данный момент в ведомственном проекте «Умный город» по одобренным заявкам насчитывается 28 городов, а именно: Москва, Санкт-Петербург, Пермь, Новосибирск, Екатеринбург, Нижний Новгород, Воронеж, Уфа, Ростов-на-Дону, Котовск, Глазов, Таганрог, Великий Новгород, Ижевск, Сарапул, Томск, Владикавказ, Евпатория, Магас, Иннополис, Обнинск, Саров, Сосновый Бор, Дубна, Новоуральск, Тольятти, Сатка и Елабуга.

Проект базируется на данных ключевых принципах: ориентация на человека; технологичность городской инфраструктуры; повышение качества управления городскими ресурсами; комфортная и безопасная среда; акцент на экономической эффективности, в том числе, сервисной составляющей городской среды.

Среди перечисленных городов наблюдаются как промышленные и финансовые центры регионов – города-миллионники, так и города с населением менее миллиона, но более 100 тысяч жителей, а также небольшие моногорода, курорты, наукограды. Таким образом, участники программы обладают не только широкой географией размещения, но и широким спектром специализации хозяйственной деятельности.

Помимо того, среди заявленных участников выделяется Магас – столица республики Ингушетии – ведь этот город начал строиться с нуля, около 25 лет назад, специально для выполнения функции столицы региона. Его население составляет всего 9000 жителей. Данный город обладает большим потенциалом с точки зрения возможностей внедрения инновационных инфраструктурных решений.

Иннополис – город-спутник Казани – также является весьма примечательным. Этот город обладает статусом особой экономической зоны, его основная направленность информационно-коммуникационные технологии. Городская среда искусственно создается с помощью привлечения в первую очередь кадров: профильных специалистов, заинтересованных предпринимателей, абитуриентов местного ВУЗа. Этот город уже сейчас является моделью «умного» города, однако за счет количества жителей, характера организации и территориальных размеров продолжит оставаться именно моделью довольно долго.

Сатка, Тольятти и Елабуга – это так называемые моногорода, то есть города, специализирующиеся на добыче определенного сырья или его обработке. Население таких городов «стареет», так как молодежь

стремится в центры с лучшей инфраструктурой, экологией и более высокими зарплатами. Осуществление проекта на территории этих городов поможет не только остановить пугающую миграцию, а, возможно, привлечь новые кадры из прилежащих регионов.

Города-миллионники также осуществляют важную роль для развития страны. Им предстоит стать конкурентами прочих «smart city» на мировой арене, площадками для обмена международным опытом, потребителями импортных технологий и методик для последующей интерпретации и распространения по России. Для формирования устойчивой городской и цифровой среды необходимо поддержание постоянных связей между всеми группами субъектов. Эта задача решается, как это показывает нам мировой опыт, и энтузиазм каждого отдельного человека формирует комплекс решений для «умного» города.

То, как горожане реагируют на внедрение «интеллектуальных» технологий и методик, определяет успех проекта и концепции в целом. Таким образом, будущее российских «умных» городов находится целиком и полностью в руках их жителей. Таким образом, в данной работе мной были исследованы процесс цифровизации, предпосылки появления «умных» городов, выделены основные подходы к пониманию концепции и, как следствие, различные определения таких формирований. Среди предпосылок, повлиявших на появление концепции самыми значимыми, по моему мнению, являются ускоренное развитие ИКТ, рост городского населения и его роли в экономике, а также необходимость повышения уровня жизни людей в городской среде.

В ходе данной работы фокус был направлен на рассмотрение международного опыта создания и организации «умных» городов. В связи с тем, что процесс цифровизации и строительства городов на основе «интеллектуальных» технологий, как таковой, появился и рассматривается лишь с начала этого десятилетия, необходим новый инструментарий для оценки его эффективности. Такой инструментарий представляется возможным разработать при изучении уже увенчавшихся успехом инициатив по всему миру.

Список литературы:

1. Аналитический отчет «Цифровизация в малых и средних городах России» // [Электронный источник] URL: https://www.hse.ru/data/2018/06/06/1149766040/2018-06-GSU-HSE_pres_v6.pdf (дата обращения: 08.06.2019).
2. Головина Т.А. Промышленный франчайзинг как фактор развития воспроизводственного потенциала экономических систем /

Т.А.Головина, Полянин А.В., Авдеева И.Л.// Вестник Академии знаний. 2020. № 1 (36). С. 61-68.

3. Докукина И.А. Организация децентрализованного управления на основе цифровых платформ распределенного реестра / И.А. Докукина, А.В. Полянин // Естественно-гуманитарные исследования. 2020. № 1 (27). С. 76-80.

4. Докукина И.А. Применение публичной сети ethereum для разработки децентрализованных приложений // В сборнике: Цифровой регион: опыт, компетенции, проекты Труды II Международной научно-практической конференции. 2019. С. 261-264.

5. Капранова Л. Д. Цифровая экономика в России: состояние и перспективы развития // [Электронный источник] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-ekonomika-v-rossii-sostoyanie-i-perspektivy-razvitiya> (дата обращения: 08.06.2019).

6. Кешелава А.В., Хаев И.Л. Предмет цифровой экономики и роль цифровых инструментов // [Электронный источник] URL: http://spkurdyumov.ru/digital_economy/predmet-cifrovoy-ekonomiki-i-rol-cifrovux-instrumentov/ (дата обращения: 08.06.2019).

7. Липина О. И. Чем отличается цифровизация от информатизации? // [Электронный источник] URL: <http://ryazankray.ru/2018/08/17/чем-отличается-цифровизация-от-инфор/> (дата обращения: 08.06.2019).

8. Мякишев А. А. Цифровая экономика – единственная экономика современности // [Электронный источник] URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35381080> (дата обращения: 08.06.2019).

9. Якутин Ю.В. Российская экономика: стратегия цифровой трансформации (к конструктивной критике правительственной программы «Цифровая экономика Российской Федерации») // [Электронный источник] URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32284874> (дата обращения: 08.06.2019).

10. Якушенко К. В., Шиманская А. В. Цифровая трансформация информационного обеспечения управления экономикой государств – членов ЕАЭС // [Электронный источник] URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29423814> (дата обращения: 08.06.2019).

11. Initiatives – SmartNationSingapore // [Электронный источник] URL: <https://www.smartnation.sg/what-is-smart-nation/initiatives> (дата обращения: 08.06.2019).

12. Virtual Singapore – National Research Foundation // [Электронный источник] URL: <https://www.nrf.gov.sg/programmes/virtual-singapore> (дата обращения: 08.06.2019).

Раздел 6

УЛУЧШЕНИЕ КАЧЕСТВА УПРАВЛЕНИЯ В ОРГАНИЗАЦИЯХ ПУБЛИЧНОГО СЕКТОРА: МОДЕЛЬ САГ

Кириянов А.Е. к.э.н., доцент

ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»,
АУДО Центр технического творчества «Новация», г. Иваново

Маслов Д.В., к.э.н., ведущий научный сотрудник

Научно-исследовательская лаборатория «Современные технологии в
государственном управлении» Высшей школы государственного
управления ФГБОУ ВО «РАНХиГС», г. Москва, научный
сотрудник Ивановского филиала РАНХиГС, г. Иваново

Масюк Н.Н., д.э.н., профессор

ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса», г. Владивосток

Процесс оцифровки государственного управления является частью стратегии, которая направлена на улучшение доступа к товарам и услугам по всей Европе, как для граждан, так и для предприятий, но также направлена на использование потенциала информационно-коммуникационных технологий для продвижения инноваций, устойчивости, экономического роста и прогресса.

Глобальная модернизация сферы государственного управления в последней четверти XX века характеризовалась переходом организаций публичного сектора к управлению на основе бизнес-методов и преобразованием иерархических систем в процессные, ориентированные на потребителя – гражданина. Причем экспорт технологий управления из частного сектора в публичный сопровождался фундаментальным пересмотром американскими и европейскими корпорациями традиционного функционального менеджмента в пользу менеджмента качества, позволившего в середине второй половины XX века японским компаниям стремительно захватить мировые рынки.

Трансформация системы государственного управления России проходила под сильным влиянием подходов «Нового государственного управления» (NewPublicManagement, далее – NPM) и вошла в активную фазу в начале 2000-х гг., когда руководство страны сделало ряд шагов в сторону «предпринимательской» сервисной модели, в центре которой находится гражданин с его нуждами и ожиданиями, а само государство выступает в роли производителя услуг, стремясь максимально удовлетворить потребности граждан при минимальных затратах.

Новая система государственного управления NPM также

предложила более децентрализованный контроль ресурсов и изучение других моделей предоставления услуг для достижения лучших результатов, включая квазирыночную структуру, в которой государственные и частные поставщики услуг конкурировали друг с другом в попытке предоставить более качественные и более быстрые услуги. Например, в Великобритании закупка и предоставление медицинского обслуживания были разделены между национальными службами здравоохранения или государственными держателями грантов, финансируемыми правительством и Национальной службой здравоохранения, что повысило эффективность, поскольку теперь больницам необходимо было предоставлять недорогие процедуры для привлечения пациентов и средств.

Однако в России многие механизмы нового государственного управления так и не были запущены в силу сохранения доминанты функциональной вертикально ориентированной системы государственного управления, не позволяющей административным реформам новейшей истории страны достичь желаемого результата.

После продолжительного периода инерционного проведения изменений, модернизация отечественной государственной машины начинает смещаться в новое русло. При этом меняются не только направление и приоритеты, но и когнитивные практики в рамках которых идет освоение новых идей и их практическое применение. Если принципы NPM достаточно гармонично вписывались в реформы стран англосаксонского мира (США, Великобритании, Канады, Австралии, Новой Зеландии и др.), то в континентальной Европе и в России, где в основе правовой системы лежит римское право, эта модель сталкивается с культурными, политическими и этическими барьерами, не позволяющими полностью раскрыть потенциал NPM. Не случайно в конце 1990-х – начале 2000-х годов в континентальной Европе обозначился разворот к вебериянской модели, но с более четким видением его этической природы. Неовебериянская парадигма становится альтернативой (в определенной мере консервативной) новому государственному управлению. Она, по сути, предполагает отказ от «предпринимательского» государства в пользу профессиональной бюрократии с «человеческим лицом».

Другая альтернатива NPM являет собой эволюционный тренд развития нового государственного управления – общественно-государственного управление (GoodGovernance – GG). Общественно-государственное («благое») управление - это подход к правительству, который стремится создать систему, основанную на справедливости и мире, которая защищает права человека и гражданские свободы человека. Оно строится на сетевых взаимосвязях между государством,

гражданами и обществом (общественными организациями), которые совместно принимают решения и разделяют ответственность.

По данным ООН, благое управление измеряется восемью факторами участия: верховенства закона, прозрачности, отзывчивости, ориентированности на консенсус, справедливости и инклюзивности, действенности, эффективности и подотчетности. Для участия необходимо, чтобы все группы граждан, особенно наиболее уязвимые, имели прямой или репрезентативный доступ к системам управления, а также обладали цифровыми навыками. В этом случае предполагается создание сильного гражданского общества, в котором живут граждане со свободой ассоциации и выражения мнений.

Обе альтернативы новому государственному управлению, консервативное неовеберианство и неолиберальное GG, зародились на рубеже тысячелетий, и этот рубеж мог бы стать точкой бифуркации, но выбора новой парадигмы государственного управления не произошло. Концепция NPM до сих пор преобладает в административных реформах многих странах. Другие альтернативы активно обсуждаются, поскольку NPM все меньше рассматривается в качестве универсального решения для всего круга проблем государственного сектора. Третья реформаторская волна в сфере государственного управления, нагнетаемая проблемами глобализации, сетевого взаимодействия, технологического развития, прозрачности и доверия за 20 лет не набрала надлежащую силу, чтобы стать новым мощным течением. Вместе с тем, дивергенция бизнес-практик в государственном секторе поднимает дискуссии о смерти нового государственного управления [1, 2] и возможном наступлении эпохи «пост-NPM» [3, 4].

Модель по Максиму Веберу и современные неовеберианские подходы – это вертикальное функциональное государственное управление «от производителя», где миссия государства «делать вещи правильно». Модель NPM – это горизонтальное процессное государственное управление «от потребителя» (в первую очередь, от гражданина-потребителя), где государство стремится «делать правильные вещи». Модель Good Governance предполагает участие граждан в государственном управлении, сетевые платформенные модели взаимодействия государства и общества, распределение полномочий и ответственности между гражданами и государством. Реформирование в фарватере общественно-государственного управления предполагает «делать правильные вещи правильно».

Несмотря на эволюционный характер появления новых моделей государственного управления, они не сменяют последовательно друг друга, а продолжают существовать параллельно. Текущую неопределенность можно охарактеризовать, с одной стороны, как

кризис государственного управления [5], с другой стороны, объяснить разнообразием: стартовых позиций государств, проводящих реформы; правовых традиций; политического и исторического контекста; темпов реформирования.

В риторике отечественных преобразований государственного управления последние полтора десятилетия преобладали следующие ориентиры:

- курс на рыночный тип государства, нацеленный на снижение бюрократии;
- повышение эффективности государственных институтов;
- переход от финансирования бюджетных учреждений к финансированию предоставления государственных и муниципальных услуг;
- уход от противопоставления «государства» и «граждан» как «управляющих» и «управляемых»;
- создание сервисного государства.

В современной реформаторской повестке вновь появляется интерес к широкому применению бизнес практик управления в публичной сфере, однако отличающийся подходы к реализации несколько отличаются от предыдущих. От движения «сверху вниз», отправной точкой которого служит усвоенная идеологическая парадигма и попытки широкого внедрения связанных с ней практических решений (таких как управление и бюджетирование по результатам), наблюдается переход к движению «снизу вверх». Оно выражается в деидеологизированном, эклектичном и осторожном поиске и экспериментальной отработке управленческих решений, заимствуемых из бизнеса, без попыток их быстрого внедрения «широким фронтом», например, внедрение бережливых технологий [6]. В основе этого подхода лежит прагматичный трансфер на основе проб и ошибок успешных практик из корпоративного сектора. Он опирается на сложившуюся к настоящему времени критическую массу опыта и компетенций по применению современных методов управления в корпоративном секторе, которая отсутствовала в начале 2000-х годов. В системе государственного управления и организация бюджетной сферы постепенно формируется корпус сотрудников с опытом работы в корпоративном секторе, которые уже не понаслышке, а на практике успели познакомиться с современными методами управления и убедились в их преимуществах.

Трансфер бизнес-методов в публичный сектор

В середине XX века задачи модернизации государственного управления относились скорее к техническим или юридическим, чем к

политическим или экономическим вопросам, решение которых требовало механических организационных и процедурных изменений государственного аппарата. Как правило, административные реформы не были предметом дебатов политических лидеров или шумного обсуждения в средствах массовой информации. По существу, каждое государство решало задачи реформирования административного управления, основываясь исключительно на внутренних потребностях и традициях [7, С. 5-6].

В 1960-70-е годы на волне научно-технического прогресса в сочетании с ростом интереса к социальным наукам вопросы рационализации механизмов государственного управления получили экономическую окраску – на западе наступила «золотая эра планирования», а административные реформы начали выходить за рамки национальной повестки, сначала в США, затем в Великобритании, Франции и далее.

Глобальные экономические потрясения 1970-х годов вызвали вторую волну переосмысления работы государственного аппарата, сопровождавшуюся распространением убеждений, что правительства слишком «перегружены», а развитые западные государства становятся неэффективными и чрезмерно ограничивают, как работодателей, так и граждан. Если в 1960-х годах стимулом к реформам был модернистский оптимизм, то в 1970-х главный драйвер – желание предотвратить финансовый кризис и избавиться от излишнего вмешательства государства. Ответом на новые вызовы стало стремление создать модель «предпринимательского государства», в основе которой лежит бизнес-философия, позволяющая правительству экономить деньги, повышать эффективность и одновременно действовать более ответственно перед своими гражданами. В 1980-е годы в Великобритании и США параллельно началась реализация масштабных программ реформирования государственного (публичного) сектора. Эта вторая волна, начинавшаяся во времена глобального экономического спада и продолжившаяся затем в период подъема, получила широкое распространение в развитых странах, а в 1990-е годы начала охватывать государства постсоветского пространства Центральной и Восточной Европы [8]. На смену веберинской (Weberian) модели государственного управления пришла парадигма «Нового государственного управления» (New Public Management – NPM) или американская перестройка в режиме переизобретения правительства – Re-inventing Government, где государство представляет собой систему сервисов, настроенную на оказание государственных услуг.

Новое государственное управление катализировало диффузию бизнес-методов в публичный сектор. К. Поллитт и Г. Букарт определили

характерные черты практического внедрения NPM следующим образом [7, С. 10]:

- акцент на эффективность, в первую очередь через измерение результатов деятельности;
- преобладание экономичных, горизонтальных, компактных, специализированных организационных форм над громоздкими, многофункциональными формами;
- отказ от иерархических механизмов координации деятельности;
- повсеместное внедрение рыночных методов, включая конкурсные процедуры, эффективный контракт и т.д.;
- потребитель государственных услуг рассматривается как «клиент», развиваются системы улучшения качества, например на основе принципов всеобщего менеджмента качества (Total Quality Management, TQM).

В 1990-е годы в практику государственного управления в той или иной степени были интегрированы почти все бизнес-модели, начиная от инструментов стратегического менеджмента, управления по результатам и KPI до методов организационной самооценки, технологий лидерства, тайм-менеджмента и брендинга.

В конце 1970-х начале 1980-х годов (то есть в период зарождения NPM) менеджмент корпораций ведущих экономик мира, таких как США и Великобритания, нуждался в перезагрузке [9] под давлением японских компаний, которые еще в 1950-х годах сделали ставку на менеджмент качества, где ключевым фактором успеха в конкурентной борьбе является способность максимально полно удовлетворить нужды и ожидания потребителя. Таким образом, парадигма нового государственного управления формировалась параллельно с новыми бизнес-методами и моделями, которые практически сразу (или с небольшим отставанием от частного сектора) были интегрированы в практику государственного управления. По мере того, как американские корпорации осваивали японские методы: всеобщий менеджмент качества TQM [10], производственную систему Toyota TPS [11], Кайдзен [12]; появлялись адаптированные к западному стилю менеджмента модели, методы, инструменты: бережливое производство Lean [13], шесть сигм [14], реинжиниринг бизнес процессов BPR [15], бенчмаркинг [16], модели премий по качеству [17] и EFQM [18], сбалансированная система показателей BSC [19]. Эти управленческие подходы, получившие распространение в 1990-х годах сначала в частном, а затем и публичном секторе, опираются на следующие базовые принципы:

- ориентация на потребителя;

- процессный подход;
- принятие решений на основе фактов;
- лидерство;
- вовлечение работников;
- непрерывное совершенствование деятельности.

Перечисленные принципы согласуются с принципами менеджмента качества, формирующими основу международных стандартов на системы менеджмента качества ISO серии 9000 (ГОСТ Р ИСО 9001-2015) [20].

Развитие процессных подходов в англосаксонских странах повлекло за собой и новую волну экспериментов в бюджетировании. В Великобритании, Южной Африке и ряде других стран Британского содружества начали применяться методы управленческого учета затрат по видам деятельности (Activity Based Costing - ABC), а также бюджетирование и менеджмент по видам затрат (Activity Based Budgeting - ABB и Activity Based Management – ABM).

Развитие информационных технологий подтолкнуло государственный аппарат многих стран к имитации и адаптации к потребностям государственного управления новых технологических решений из сферы бизнеса. Прежде всего это касается широкого применения больших данных, автоматизированных обучающих систем и облачных технологий, включая облачные цифровые платформы. Применение сходных цифровых решений в государственной администрации и в корпоративном секторе подталкивает к дальнейшему сближению управленческих практик. Новые информационные технологии задают вполне определенный набор совместимых с ними управленческих методов и препятствуют воспроизводству устаревших административных практик, например, межведомственных и внутриведомственных взаимодействий, унаследованных от эпохи бумажного документооборота.

Заимствования коснулись и кадровых технологий. Внедрение в систему государственного управления полного HR-цикла привело к заметному сближению практик управления человеческими ресурсами в государственных органах и крупных компаниях [21]. Одним из развивающихся направлений HR-цифровизации является цифровой рекрутинг, предполагающий использование чат-ботов для оптимизации процессов отбора персонала, которые при большом наплыве кандидатов являются достаточно трудоемким процессом [22].

Эта «ползучая конвергенция» управленческих практик государства и бизнеса движима отнюдь не идеологическими установками, а технологическим прагматизмом и очевидными, доказанными на практике преимуществами новых технологий. В сфере

государственного управления, также, как и в бизнесе, их внедрение открывает новые, ранее недоступные возможности роста производительности, ускорения работы и повышения результативности.

CAF: модель качества для организаций публичного сектора
Европейская «Общая схема оценки»
(CommonAssessmentFramework, далее модель CAF) – это инструмент всеобщего менеджмента качества для проведения организационной самооценки, разработанный для публичного сектора непосредственно специалистами публичного сектора.

Модель CAF появилась в 2000 году и явилась результатом взаимодействия министров стран Европейского союза руководителей, отвечающих за вопросы государственного управления в государствах-членах ЕС, Европейской комиссии и странах-наблюдателях, которые в тесном контакте с лучшими организациями публичного сектора Европы работают в рамках Европейской сети государственного управления (EUPAN).

CAF – бесплатная и доступная организациям публичного сектора модель для улучшения деятельности. Она была создана для использования в любых областях сферы публичной сферы и применима на национальном/федеральном, региональном и местном уровнях. Хотя CAF разработана в европейском контексте, модель подходит для публичных организаций по всему миру, в том числе в России. На начало 2020 года насчитывалось около 4100 пользователей CAF в 59 странах мира³⁴.

CAF принадлежит к семье моделей всеобщего менеджмента качества TQM и изначально опиралась на модель совершенства Европейского фонда менеджмента качества EFQM Excellence Model. Это модель управления эффективностью, работающая как «компас» для руководителей, ищущих пути к совершенству. Графическое представление модели (рис. 1) объясняет причинно-следственную связь между имеющимися возможностями организации и достигнутыми результатами.

В основе CAF лежит установка, что наилучшие показатели деятельности организации, удовлетворенности граждан/потребителей, работников и общества могут быть достигнуты при сильном лидерстве, способном воплощать стратегию и планирование, раскрывать человеческий потенциал, устанавливать надежные партнерские связи, распоряжаться ресурсами и эффективно выстраивать процессы

³⁴ По данным Европейского ресурсного центра CAF www.eipa.eu/european-caf-resource-centre/

организации. Модель позволяет смотреть на организацию одновременно под различными углами, обеспечивая системный подход к оценке эффективности деятельности.

CAF 2020 является пятой версией модели [23]. Ядро модели остается прежним и основано на первой модели CAF, запущенной в 2000 году. CAF – это универсальная, понятная, доступная и простая в использовании модель для всех организаций государственного сектора. Она охватывает все аспекты организационного совершенства и способствует постоянному улучшению деятельности. Модель CAF в очередной раз пересмотрена и доработана, чтобы лучше отражать развитие и эволюцию государственного управления и общества. Обновления в новой версии CAF 2020 в основном касаются вопросов цифровизации, гибкости, устойчивости и многообразия.

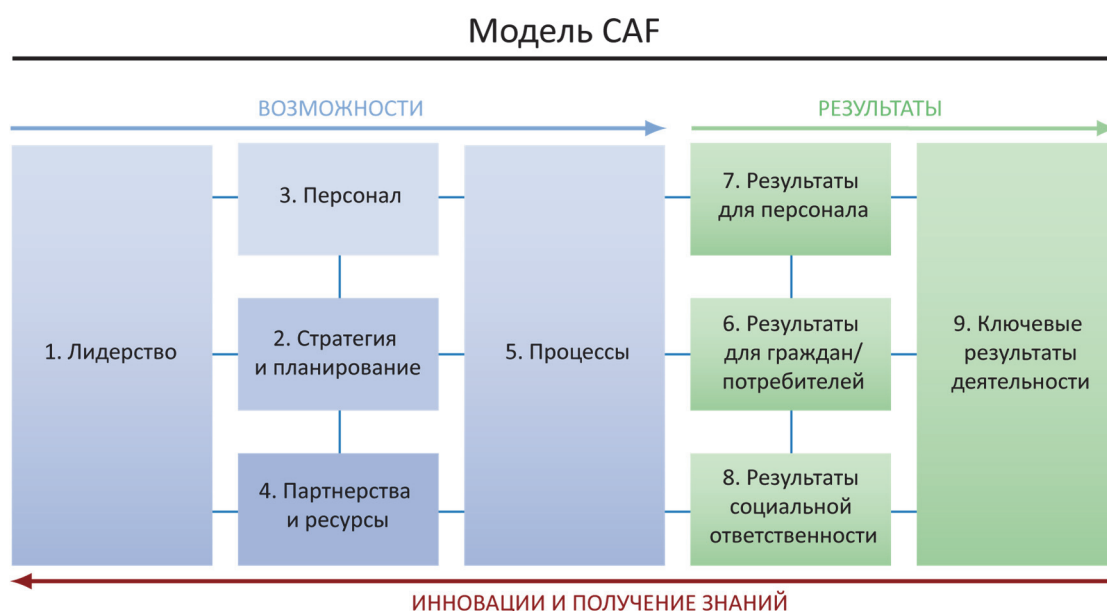

Рисунок 1 – Модель CAF

Девять критериев модели CAF соответствуют основным направлениям, которые принимаются во внимание при анализе любой организации. Критерии 1-5 («Возможности») имеют отношение к управленческой практике. Они характеризуют подходы, используемые организацией, для достижения желаемых результатов. Критерии 6-9 – «Результаты», достигнутые в отношении граждан/потребителей, персонала, социальной ответственности и ключевых показателей, и измеряемые через показатели восприятия и показатели эффективности.

Каждый критерий модели CAF разбит на подкритерии. 28 подкритериев охватывают главные направления, которые необходимо принять во внимание при оценке организации. Каждый подкритерий

проиллюстрирован примерами, раскрывающими его содержание детально и предлагающими области для анализа того, насколько организация удовлетворяет требованиям подкритерия (рис. 2).

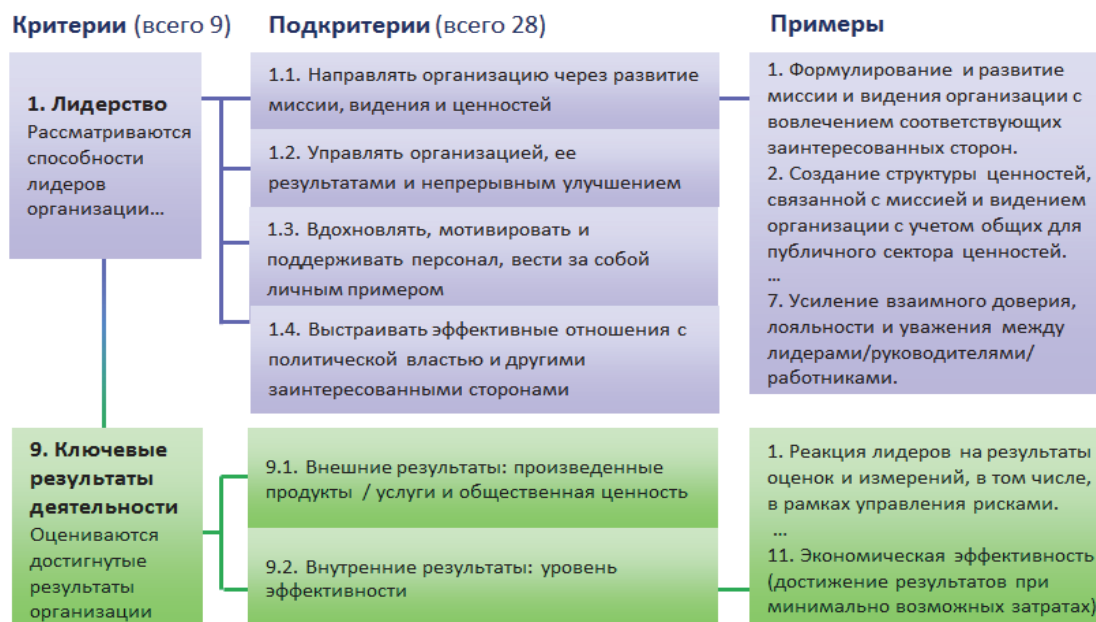

Рисунок 2 – Структура критериев модели САФ

Примеры представляют собой успешную практику европейских организаций. Не все примеры применимы к любой организации, но многие могут быть приняты к рассмотрению при проведении самооценки. Интеграция выводов, полученных в ходе оценки критериев возможностей и результатов, в управленческую практику представляет собой непрерывный цикл инноваций и получения знаний, что является отправной точкой организации на пути к совершенству.

Не изменяя структуру модели, а просто адаптируя примеры и язык, были разработаны секторальные версии модели, чтобы сделать применение САФ еще более доступным и эффективным для каждой организации. Европейская версия «САФ Образование» существует с 2013 года, как и многие другие версии для отдельных секторов, разработанные на национальном уровне разных стран (например, для органов юстиции, университетов, муниципалитетов).

Модель САФ нацелена на запуск процесса улучшений в организации. Цель – улучшение услуг для граждан, поскольку применение САФ помогает повысить качество услуг для потребителей, повышая тем самым удовлетворенность граждан:

Модель помогает организациям публичного сектора:

1. Ввести в сферу государственного управления культуру

совершенствования;

2. Постепенно интегрировать в деятельность логику непрерывного совершенствования PDCA (PLAN – Планируй, DO – Делай, CHECK – Проверь, ACT – Воздействуй);

3. Обеспечить процесс самооценки, позволяющий дать комплексную оценку организации;

4. Поставить диагноз, в котором указаны сильные стороны и области улучшения, помогающий определить действия по улучшению.

Кроме того, многие пользователи модели признают следующие преимущества САФ:

- Модель специально разработана для публичного сектора: это европейская модель управления качеством, разработанная специалистами публичного сектора для организация публичного сектора.

- Общий язык: позволяет сотрудникам и руководителям конструктивно обсуждать организационные вопросы. Он способствует диалогу и бенчленингу между организациями публичной сферы.

- Вовлечение людей: процесс самооценки является основой для систематического вовлечения людей в улучшение деятельности организации.

- Улучшение на основе фактических данных: стимулирование организации публичного сектора собирать и эффективно использовать информацию и данные.

- Никаких внешних затрат: САФ предоставляется бесплатно при содействии Европейского ресурсного центра САФ и сети национальных корреспондентов САФ.

- Доступна внешняя обратная связь: в 2009 году сеть пользователей САФ определила общую процедуру для предоставления рекомендаций со стороны субъектов внешней обратной связи (ExternalFeedbackActors) для дальнейшего развития организации и признания ее в качестве эффективного пользователя САФ.

В России модель САФ была впервые представлена 2008 году и под эгидой Всероссийской организации качества (ВОК). Затем первые практические проекты по внедрению САФ были предприняты в рамках проекта IQAUL Программы развития ООН в 2009-2010 года [24]. В 2012-2014 годах полигоном для САФ стала Республика Татарстан, где проводилось активное обучение чиновников различных уровней методологии САФ[25]. В 2016-2017 годах модель САФ рассматривалась Центром стратегических разработок, как один из инструментов модернизации системы государственного управления России в 2018-2024 гг. [26]. В 2018 году Всемирный банк порекомендовал Правительству РФ обратить внимание на модель САФ при создании

эффективной система оценки качества государственного управления³⁵.

В январе 2020 года стартовал проект РАНХиГС «Совершенствование деятельности органов и организаций публичной сферы в России посредством внедрения европейской модели совершенствования качества (SAF)», нацеленный на разработку практической методики развертывания САФ в России. Пилотными площадками выступили муниципальное автономное учреждение дополнительного образования Центр технического творчества «Новация» г. Иваново, местная администрация Суздальского городского поселения Владимирской области и аппарат Законодательного Собрания Владимирской области.

Проведение самооценки по САФ

Модель САФ – это модель организационной самооценки. Базовая методология самооценки по САФ включает десять шагов, представленных на рис. 3[27].

Рисунок 3 – Процесс самооценки по САФ

³⁵ Регионам нужна система оценки качества государственного управления / Аналитический центр при Правительстве РФ. 03.12.2018 URL: <https://ac.gov.ru/news/page/regionam-nuzna-sistema-ocenki-kacestva-gosudarstvennogo-upravlenia-19804>

Процесс самооценки по САФ предполагает создание в организации группы по самооценке, обучение членов данной группы, проведение нескольких самооценочных сессий по критериям модели и написание итогового отчета с предложениями по улучшениям.

Репрезентативность является главным условием при формировании команды оценщиков, т.е. в группе по самооценке должны присутствовать представители всех уровней управления, функциональных подразделений, разного пола и возраста, а также с различным опытом работы в организации.

Как правило, руководитель организации не входит в группу по самооценке и не участвует в ее деятельности, чтобы сделать рабочую атмосферу команды максимально открытой. В зависимости от размеров организации численность группы по самооценке варьируется от 5 до 20 человек; оптимальная же команда, как правило, составляет 7–11 человек.

Группа по самооценке должна владеть принципами самооценки по САФ, знать и понимать структуру модели. Если руководитель соответствующего проекта в организации обладает этими знаниями, то он может сам провести обучение.

Наряду с теоретическими положениями в процесс обучения должны быть включены практические задания, позволяющие освоить инструментарий самооценки и понять принципы всеобщего управления качеством. В компетенцию эксперта входит умение проводить оценку подкритериев возможностей и результатов на основе анализа фактов, подтверждающих деятельность и достижения по тому или иному направлению, а также определять области, где необходимы первоочередные улучшения. Как правило, для освоения базовых принципов самооценки по САФ достаточно одно-двухдневного семинара.

Классический подход к проведению самооценки по САФ предполагает несколько (от четырех до восьми) сессий группы по самооценке, которые могут проходить раз в неделю (тогда процесс растягивается на полтора-два месяца), либо в режиме мозгового штурма в течение нескольких дней подряд (как правило, в выездном формате).

Группа по самооценке последовательно рассматривает каждый из 28 подкритериев модели САФ, отмечая сильные стороны, области для улучшений и предлагая необходимые действия, используя форму, представленную на рис. 4. По каждому подкритерию выставляется оценка в баллах с использованием соответствующих таблиц для группы возможностей (таблица 1) и группы результатов (таблица 2).

Критерий САФ: _____ Подкритерий: _____	
Сильные стороны: 1. ...	Области для улучшений (что необходимо улучшить?): 1.
Предлагаемые действия по улучшению (что конкретно сделать, разработать, принять, провести?): 1.	Оценка, балл

Рисунок 4 – Форма для самооценки САФ

Таблица 1– Шкала оценки возможностей

Стадии	Характеристики управленческой практики	Баллы
–	Мы не ведем деятельности по данному направлению, информации недостаточно	0–10
Р: планируй	Мы планируем развивать данное направление	11–30
Д: делай	Мы ведем деятельность по данному направлению	31–50
С: проверяй	Мы оцениваем / анализируем, то, что делаем в данном направлении	51–70
А: воздействуй	На основе оценки и анализа мы проводим корректировку, где это необходимо	71–90
PDCA	Мы планируем, выполняем, контролируем и регулярно корректируем деятельность в данном направлении, мы учимся у других и непрерывно совершенствуем наши подходы	91–100

В результате проведения нескольких сессий самооценки группа вырабатывает 28 страниц развернутого описания текущего и желаемого состояния организации с предложениями по улучшению деятельности. Эта информация становится основой отчета по самооценке, который группа представляет руководству.

Отчет по самооценке, являясь итоговым продуктом нескольких дней (недель) работы группы по самооценке, содержит от 100 до 150 конкретных предложений по улучшению. Задача руководства при принятии управленческих решений относительно направлений совершенствования заключается в выборе приоритетных мер, которые будут реализованы по итогам самооценки. Модель САФ не предписывает строгих правил установления приоритетов. Вместе с тем

многие организации государственного сектора используют типовую методику EIPA, разработанную в первую очередь на основе опыта CAF.

В рамках методологии CAF участники группы по самооценке должны формулировать действия по улучшению в формате SMART, т.е. целевые ориентиры, определенные в отчете по самооценке, должны быть конкретными (specific), измеримыми (measurable), достижимыми (achievable), актуальными (relevant) и иметь временные рамки (time-bound).

Таблица 2– Шкала оценки результатов

Характеристики управленческой практики	Баллы
Нет измеримых результатов и/или достоверной информации	0–10
Результаты измеряются и показывают негативные тенденции и/или не соответствуют поставленным целям	11–30
Результаты показывают слабые тенденции к росту и/или то, что некоторые цели достигнуты	31–50
Результаты показывают тенденции к улучшению и/или то, что большинство целей достигнуто	51–70
Результаты показывают устойчивый прогресс и/или то, что все поставленные цели достигнуты	71–90
Достигнуты наилучшие результаты. Все цели достигнуты. Ключевые результаты лучше, чем у других организаций	91–100

На этапе определения приоритетов сотрудничество между руководством и членами группы по самооценке, представляющими в данном случае весь персонал организации, очень важно.

Если высший менеджмент не был представлен в группе по самооценке, то для руководителей верхнего звена важно услышать мнение коллектива о положении дел в организации и мотивировать людей непрерывно находить резервы эффективности в своей работе. В то же время для большинства членов группы по самооценке – это часто первая реальная возможность обсудить с руководителями высшего звена стратегические вопросы развития организации.

Очевидно, что руководство не сможет реализовать все инициативы, предложенные группой по самооценке, поэтому необходимо провести расстановку приоритетов («приоритизацию») и выделить те действия, которые впоследствии будут включены в план улучшений.

Фильтр приоритизации, согласно методике EIPA, включает два показателя, по сумме которых составляется рейтинг всех действий по улучшению: стратегический вес (СВ) и реалистичность (РЕ). Структура

каждого показателя объединяет по три оценочных элемента.

$$CB = B3C + BPO + BI, \text{ где}$$

- *B3C* – влияние на заинтересованные стороны: потребителей, акционеров, партнеров, персонал, общество (1 балл – минимальное влияние, 4 балла – максимальное влияние);
- *BPO* – влияние на результаты организации (1 балл – минимальное, 4 балла – максимальное);
- *BI* – видимость внешняя и внутренняя (1 балл – минимальный видимый эффект, 4 балла – максимальный).

•

$$PE = UC + PP + CP, \text{ где}$$

- *UC* – уровень сложности (1 балл – сложно реализовать, 4 балла – легко реализовать); в совокупности оцениваются:
 - охват (действие по улучшению касается всей организации или ее части);
 - глубина внедрения (во всей организации или в рамках пилотного проекта);
 - уровень межфункциональности (требуется ли вовлечение различных функциональных подразделений);
 - уровень специализации (требуется ли специальная подготовка перед реализацией).
- *PP* – потребность в ресурсах (1 балл – требует больших затрат, 4 балла – затрат не требует); в совокупности оцениваются:
 - внутренние ресурсы (с дополнительным обучением или без него);
 - необходимость привлечения к реализации третьей стороны;
 - финансовые ресурсы;
 - технические средства.
- *CP* – сроки реализации:
 - долгосрочный проект (два года) – 1 балл;
 - среднесрочный проект (один год) – 2 балла;
 - краткосрочный проект (шесть месяцев) – 3 балла;
 - быстрый результат (три месяца) – 4 балла.

Максимальная итоговая оценка $CB + PE$ может составлять 24 балла, минимальная – 6 баллов.

На основе итоговой оценки проводится приоритизация списка

действий по улучшению. Определяются «быстрые победы» (quickwins) – действия, получившие 20 и более баллов, которые можно быстро реализовать и добиться позитивного эффекта. Быстрые улучшения обеспечивают кредит доверия инициативам, связанным с самооценкой, и станут стимулом к успешному развертыванию дальнейших программ улучшений.

Первые 10–12 позиций в списке приоритетов отражают перечень действий для включения в планы по улучшению. Формирование и согласование этого перечня является заключительным этапом работы группы по самооценке. Правильным шагом со стороны руководства будет привлечение членов группы по самооценке к реализации действий по улучшению. Это позволит сформировать профессиональную команду для дальнейшего развития организации на основе самооценки.

Модернизация системы государственного управления России остается актуальной задачей на ближайшие годы, и поиск эффективных методов и моделей, позволяющих обеспечить высокий уровень качества жизни граждан при эффективном использовании имеющихся ресурсов, продолжается. 20-летний опыт применения Европейской модели САФ позволил ей стать стандартом качества для тысяч организаций публичного сектора.

В России имеется определенный методологический и практический багаж применения модели САФ, данная методология может быть интересна органам власти различных уровней, а также многочисленным организациям публичного сектора, в том числе для модернизации системы управления начального, среднего и дополнительного образования в России.

Список литературы:

1. Dunleavy P., Margetts H., Bastow S., Tinkler J. New Public Management is Dead – Long Live Digital-Era Governance // *Journal of Public Administration Research and Theory* 2006. Vol. 16. № 3. P. 467–494.
2. De Vries J. Is New Public Management Really Dead? // *OECD Journal on Budgeting*. 2010. Vol. 1.
3. De Vries M., Nemec J. Public sector reform: an overview of recent literature and research on NPM and alternative paths // *The International Journal of Public Sector Management*. 2013. Vol. 26. No. 1. P. 4–16.
4. Christensen T. Post-NPM and Changing Public Governance // *Meiji Journal of Political Science and Economics*. 2012. No. 1. P. 1–11.
5. Барабашев А.Г. Кризис государственного управления и его влияние на основные административные парадигмы государства и

бюрократии // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2016. – № 3. – С. 163–194.

6. Дмитриев М., Крапиль В., Маслов Д. Может ли государство стать бережливым? // Стандарты и качество. – 2020. – №2. – С. 66–70.

7. Pollitt C., Bouckaert G. Public Management Reform: A Comparative Analysis – New Public Management, Governance, and the Neo-Weberian State. Oxford: Oxford University Press, 3d ed. 2011.

8. The Past, Present and the Future of Public Administration in Central and Eastern Europe / Eds: M.Vintar et al. Bratislava: NISPAcee Press. 2013.

9. Деминг Э. Выход из кризиса. Новая парадигма управления людьми, системами и процессами. – М.: Альпина Паблишер, 2012.

10. Shiba S., Graham A., Walden D. A New American TQM: Four Practical Revolutions in Management. Portland: Productivity Press. 1993.

11. Оно Т. Производственная система Тойоты: уходя от массового производства. – М: Издательство ИКСИ, 2012.

12. Имаи М. Кайдзен. Ключ к успеху японских компаний. – М.: Альпина Паблишер, 2011.

13. Вумек Д.П., Джонс Д.Т. Бережливое производство. Как избавиться от потерь и добиться процветания вашей компании. – М.: Альпина Паблишер, 2011.

14. Джордж М.Л. Бережливое производство + шесть сигм. Комбинируя качество шести сигм со скоростью бережливого производства. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2005.

15. Хаммер М., Чампи Дж. Реинжиниринг корпорации: Манифест революции в бизнесе. – СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1997.

16. Camp R.C. Benchmarking. The Search for Industry Best Practices That Lead to Superior Performance. Milwaukee, Wisconsin, ASQC Industry Press, 1989.

17. Маслов Д.В., Белокоровин Э.А. Сравнительный анализ мировых премий по качеству // Стандарты и качество. – 2005. – № 5. – С. 88–94.

18. Маслов Д.В. От качества к совершенству. Полезная модель EFQM. – М: РИА «Стандарты и качество», 2008.

19. Каплан Р., Нортон Д. Сбалансированная система показателей. От стратегии к действию. – М.: Олимп-бизнес, 2003.

20. ГОСТ Р ИСО 9001-2015 «Системы менеджмента качества. Требования». – М.: Стандартинформ, 2015.

21. Масюк Н.Н., Панькова О.С. Рынок труда и ключевые компетенции цифровой экономики // Цифровой регион: опыт, компетенции, проекты: сборник статей Международной научно-

практической конференции (г. Брянск, 19 ноября 2019 г.) [Электронный ресурс]. Брянск: Брян. гос. инженерно-технол. ун-. 2019. С.467-471.

22. Masyuk, N.N, Pankova O.S. Staff Recruitment in the Digital Era // Proceedings of the 35nd International Business Information Management Association Conference (IBIMA), Seville, Spain, 1-2 April, 2020.

23. CAF 2020. Common Assessment Framework: The European Model for Improving Public Organisations through Self-Assessment. Maastricht: European CAF Resource Centre. EIPA, 2019. – 96 p.

24. Common Assessment Framework Good Practice Book / Adv. Dmitry Maslov. Regional Centre for Public Administration Reform of UNDP Bratislava Regional Centre, 2011.

25. Общая схема оценки Common Assessment Framework (CAF). Совершенствование организаций публичного сектора через самооценку / под ред. Д.В. Маслова // European Institute of Public Administration (EIPA) CAF Resource Centre. 2012, Казань: Издательство Казанского университета, 2013.

26. Маслов Д.В., Дмитриев М.Э., Айвазян З.С. Отдельные аспекты трансформации государственного управления: процессы и качество: Аналитический обзор. – М.: Центр стратегических разработок, 2018. – 60 с.

27. Маслов Д.В., Стаес П., Тийес Н. Модель CAF в государственном управлении: практика улучшений по результатам самооценки // Менеджмент качества – 2017 – №2. – С.112–122.

Раздел 7
РАНЖИРОВАНИЕ СУБЪЕКТОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА РОССИИ ПО ДОСТИГНУТОМУ
УРОВНЮ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Кулагина Н.А., д.э.н., профессор
ФГБОУ ВО «Брянский государственный
инженерно-технологический университет»

Лысенко А.Н., к.э.н.
ФГБОУ ВО «Брянский государственный
инженерно-технологический университет»

Бочкин Е.С.
ФГБОУ ВО «Брянский государственный
инженерно-технологический университет»

В современных динамично меняющихся условиях функционирования отдельных региональных социально-экономических систем исходной точкой при разработке стратегических вариантов развития является оценка ее текущего состояния. Одна из ведущих ролей в данном случае отводится человеческому капиталу как важнейшему ресурсу для дальнейшего развития регионов и необходимому условию достижению целевых показателей федеральных и региональных проектов, особенно при повсеместных процессах цифровизации общества.

Человеческий капитал в современных трактовках авторов представляется традиционно:

- «как совокупность навыков, знаний, умений отдельного индивидуума, которые используются, как в потребительных, так и производственных целях» [6, с.67]³⁶;

- «в виде результата инвестиций и накопления навыков, здоровья, знаний, мотиваций, способностей, которые способствуют повышению производительности труда» [2, с.15]³⁷;

- «как синтетический фактор, объединяющий психологические, социально-экономические и прочие важнейшие параметры» [13, с.77]³⁸.

36 Капелюшников Р. Человеческий капитал России: эволюция и структурные особенности / Р. Капелюшков // Вестник общественного мнения. – 2005. – № 4. – С. 37– 44.

37 Добрынин А. Н., Дятлов С. А. Человеческий капитал. – М.: Издательство «Экзамен», 2002.

38 Хоконов А. А. К вопросу о значении фактора человеческий капитал в инновационном развитии страны // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2015. – № 1 (21). – С. 76–80.

В современных условиях цифровой трансформации, пронизывающих все отрасли и сферы деятельности необходимо, на наш взгляд, внести некоторые коррективы и расширить понятие человеческого капитала за счет возможности отдельного индивидуума к самообразованию, освоению новых компетенций для работы в цифровой экосреде.

То есть в данном случае, речь идет не только о том потенциале, запасе знаний, умений, навыков, способностей который отдельный индивидуум накопил к текущему моменту времени, а также об их приращении и использовании для обеспечения конкурентных преимуществ:

- индивидуума на рынке труда в текущий момент времени;
- компании, в которой данный сотрудник выполняет свои должностные обязанности и способствует производству уникальной продукции, работ, услуг;
- региона, в котором эффективное использование человеческого капитала способствует активным воспроизводственным процессам и обеспечивает рост экономики в важнейших отраслях.

Таким образом, речь идет об иерархической структуре человеческого капитала, которую, по мнению Цимбаленко Н.В., можно представить в виде пяти основных уровней:

- индивидуальный (потенциал отдельно взятой личности);
- микроуровень (совокупность ресурсов отдельной организации);
- мезоуровень (человеческий капитал отдельной региональной системы);
- макроуровень (совокупный человеческий капитал государства);
- глобальный уровень (наднациональный человеческий капитал)

[14, с. 157].³⁹

В исследованиях Забелиной О.В., Козловой Т.М., Романюк А.В. рассмотрены уровни человеческого капитала от индивидуального до глобального, в связи с чем, выделен человеческий капитал семьи, отрасли, региона, федерального округа и страны в целом. С точки зрения управления на мезоуровне, региональный и окружной уровни человеческого капитала являются наиболее важными [4, с.54]⁴⁰.

³⁹ Цимбаленко Н.В. Оценка персонала в системе управления человеческим капиталом предприятия // Россия на пути выхода из экономического кризиса. Сборник научных статей, Вып.8 / Под общей редакцией проф. В.В. Тумалева. – СПб.: НОУ ВПО Институт бизнеса и права, 2010.- 330 с.

⁴⁰ Забелина О. В., Козлова Т.М., Романюк А.В. Человеческий капитал региона: проблемы сущности, структуры и оценки // Статистика и экономика, 2013.- №4, С. 52–57.

Одним из сложных моментов, на сегодняшний день, по-прежнему остается вопрос адекватной оценки человеческого капитала на всех уровнях управления экономикой. Много дискуссий разворачивается относительно структурных аспектов человеческого капитала (образовательный, трудовой, социокультурный, капитал здоровья и т.д.), системы показателей для адекватной оценки и интерпретации результатов анализа, учета цифровизации на основные тенденции политики в области развития человеческого капитала.

Например, Носкова К.А. условно выделяет три основные направления оценки человеческого капитала: с позиции доходов, инвестиций, а также амортизации, а также согласимся с ее мнением, необходимо использовать многоуровневый подход в зависимости от поставленных целей [8].⁴¹

Серебрякова Н.А., Волкова С.А., Волкова Т.А. при оценке человеческого капитала региона предлагают интегральный показатель, а также выделяют демографическую, трудовую, образовательную, научно-исследовательскую и социокультурную составляющие. Ученые детально раскрывают авторский подход к оценке и дают рекомендации по методологии исследования [11, с.375].⁴²

Каппушева А.Р. в качестве укрупненных составляющих выделяет здоровье, образование, культуру и инновационную активность. При этом уровень развития человеческого капитала предлагается оценивать по 7 показателям, каждый из которых характеризует структурный элемент. Например, инновационную активность автор предлагает оценивать через два показателя: количество выданных патентов на 1 000 человек населения и доля организаций, осуществляющих инновации в общем числе обследованных. На наш взгляд, данный подход требует дополнений и отдельных уточнений [7, с.185].⁴³

Представляет особый интерес предложенный Грачевым С.А. многокритериальный подход к оценке человеческого капитала на региональном уровне. Автор выделил три группы показателей, которые схематично представлены на рисунке 1.

Расчет уровня человеческого капитала региона автор в дальнейшем выполняет через процедуру нормализации, которая позволила привести

⁴¹ Носкова К.А. Многоуровневая система оценки человеческого капитала // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2014. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <http://ekonomika.snauka.ru/2014/04/4842> (дата обращения: 04.04.2020).

⁴² Серебрякова Н.А., Волкова С.А., Волкова Т.А. Методика интегральной оценки человеческого капитала региона. // Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий, 2019.- №3(81), с. 375-380.

⁴³ Каппушева А.Р. Тенденции развития человеческого капитала в регионах России // Фундаментальные исследования, 2017.- № 9 (часть 1), с. 184-188.

равноименные показатели в сопоставимый вид [3, с. 47].⁴⁴

Рисунок 1 – Критерии оценки уровня человеческого капитала региона

Методический подход к оценке уровня человеческого капитала, предлагаемый коллективом авторов Аничиным В.Л., Дорофеевым А.Ф. и Ващейкиной Ю.Ю., основан на тождестве окупаемости предпринимательского капитала и окупаемости человеческого капитала, вложенных в общее дело. Алгоритм расчета предполагает комплекс последовательных действий, представленный на рисунке 2.

Анализ требований к управлению доказывает, что для принятия управленческих эффективных решений в сфере человеческого капитала необходимо определить 10-15 показателей, на основе которых и проводится расчет уровня развития человеческого капитала на

⁴⁴ Грачев С. А. Оценка величины человеческого капитала регионов на основе многокритериального подхода// Вопросы управления, 2018.- №2 (32), с. 46 – 53.

региональном уровне [9, с.49].⁴⁵

Рисунок 2 – Последовательность стоимостной оценки человеческого капитала [1, с.91]⁴⁶

Таким образом, можно сделать вывод о том, что предлагаемые различными авторами показатели при оценке уровня развития

⁴⁵ Рахмеева И.И. Управляемые параметры системы оценки регулирующего воздействия региона// Управленец, 2018. №5 (90), с. 48-57.

⁴⁶ Аничин В.Л., Дорофеев А.Ф., Ващейкина Ю.Ю.// Стоимостная оценка человеческого капитала. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика, 2017. - № 43(16 (265), с.90 – 96

человеческого капитала делятся на укрупненные составляющие, однако, точки зрения к процедуре оценки отличаются. Часто исследователи делают акцент на отдельных характеристиках человеческого капитала, что не дает полного представления об уровне его развития. Например, авторы, занимающиеся исследованиями в области проблем оценки и развития человеческого капитала на различных уровнях экономики, часто связывают его с социально-экономическим развитием [10, с.122]⁴⁷, [13, с.31]⁴⁸.

Казаков О.Д. и Азаренко Н. отмечают, что в условиях активного использования цифровых технологий человеческий капитал обретает новые характеристики, которые они учитывают в предлагаемой модели управления человеческим капиталом в условиях цифровой трансформации экономики (рисунок 3) [5, с.292].⁴⁹

Одной из проблем при определении уровня развития человеческого капитала на региональном уровне является отсутствие точного, обоснованного с точки зрения науки необходимого и достаточного количества показателей для оценки.

В основе предлагаемого методического инструментария оценки уровня развития человеческого капитала региона находятся показатели, которые характеризуют трудовой, образовательный капитал, капитал здоровья, социальный и культурный капитал, а также результирующие показатели.

Предлагаемый метод оценки человеческого капитала на региональном уровне представлен при помощи 14 показателей, при этом учитывается специфика данных, предоставляемых Федеральной службой государственной статистики Российской Федерации.

⁴⁷ Родина Т.Е. 2010. Социальные ресурсы и методы их увеличения. // Ученые записки Российского государственного социального университета, 2010, -№ 5, с.120-126.

⁴⁸ Фалько С.Г., Яценко В.В. Архитектура компетенций персонала высокотехнологичных предприятий // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика, 2019.- №1,- с.29-39.

⁴⁹ Казаков О.Д., Азаренко Н.Ю. Модель управления человеческим капиталом в системах принятия решений // Вестник ВГУИТ. 2019. Т. 81. № 3. С. 290–298. doi:10.20914/2310-1202-2019-3-290-298

Рисунок 3 – Характеристики человеческого капитала в условиях цифровой экономики

Также авторы предлагают свой подход в выделении уровней оценки эффективности развития человеческого капитала (таблице 1), а также в результате построения модели машинного обучения на основе алгоритма Random Forest и общедоступной информации получили правила классификации.

Таблица 1– Уровни оценки эффективности развития человеческого капитала и их качественная характеристика [5, с. 293]

Уровень оценки эффективности развития человеческого капитала	Качественная характеристика
1 класс	человеческий капитал с высокой социальной составляющей (высокая производительность труда, высокие управленческие расходы), но невысокой стоимостью нематериальных активов
2 класс	человеческий капитал с высокой инновационной составляющей (количество РИД, стоимость нематериальных активов)
3 класс	человеческий капитал со средним уровнем развития социальной составляющей, но как с высоким, так и низким уровнем развития инновационной составляющей

Преимуществом предлагаемого метода оценки человеческого капитала является также то, что все данные, необходимые для расчета имеются в ежегодных статистических сборниках, находящихся в

свободном доступе. Это позволяет оперативно произвести оценку интересующих субъектов Российской Федерации.

Показатели, входящие в расчет уровня развития человеческого капитала региона, представляют собой региональные индексы. Расчет таких индексов производится следующим образом: выбирается наибольшее значение показателя по рассматриваемым регионам, на которое делятся показатели остальных регионов.

Каждый из рассматриваемых показателей мы отнесли к одному из видов капитала:

- образовательный капитал (Численность студентов бакалавриата, специалитета, магистратуры на 10 тыс. человек населения; Численность персонала, занятого исследованиями и разработками на 10 тыс. человек населения);

- трудовой капитал (Уровень экономической активности населения, Уровень безработицы, Доля населения с высшим образованием, Удельный вес инновационных товаров в общем объеме отгруженных товаров);

- капитал здоровья (Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, Заболеваемость на 1000 человек населения);

- социально-культурный капитал (Доля населения, использующего интернет, Число спортивных сооружений на 10000 человек населения, Численность зрителей театров на 1000 человек населения);

- результативный капитал (Среднедушевые денежные доходы населения, ВРП на душу населения, Инвестиции на душу населения).

Следует отметить, что каждый вид капитала при оценке уровня развития человеческого капитала региона имеет равновеликую важность. В тоже время, для определения весового значения показателей, входящих в уровень развития человеческого капитала региона, был использован экспертный метод.

Предлагаемый перечень показателей, которые необходимы для расчета уровня развития человеческого капитала региона, а также полученные их удельные веса представлены в таблице 2.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что предлагаемая система показателей для оценки уровня развития человеческого капитала региона позволит не только определить его уровень в определенный момент времени, но и учитывать изменения в динамике. При этом важным является прогнозирование значений показателей на основе изменений социально-экономической политики региона.

При положительных тенденциях в развитии человеческого капитала следует продолжать проводимую политику в области развития человеческого капитала.

Таблица 2 – Предлагаемый перечень показателей для расчета уровня развития человеческого капитала региона

№	Показатель	Обозначение	Вид капитала	Удельный вес показателя, %
1	Численность студентов бакалавриата, специалитета, магистратуры на 10 тыс. человек населения	P ₁	Образовательный	10
2	Численность персонала, занятого исследованиями и разработками на 10 тыс. человек населения	P ₂	Образовательный	10
3	Уровень экономической активности населения	P ₃	Трудовой	5
4	Уровень безработицы	P ₄	Трудовой	3
5	Доля населения с высшим образованием	P ₅	Трудовой	7
6	Удельный вес инновационных товаров в общем объеме отгруженных товаров	P ₆	Трудовой	5
7	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении	P ₇	Капитал здоровья	10
8	Заболеваемость на 1000 человек населения	P ₈	Капитал здоровья	10
9	Доля населения, использующего интернет	P ₉	Социально-культурный	7
10	Число спортивных сооружений на 10000 человек населения	P ₁₀	Социально-культурный	7
11	Численность зрителей театров на 1000 человек населения	P ₁₁	Социально-культурный	6
12	Среднедушевые денежные доходы населения	P ₁₂	Результативный	7
13	ВРП на душу населения	P ₁₃	Результативный	7
14	Инвестиции на душу населения	P ₁₄	Результативный	6
Итого		P=14	-	100

Формула для расчета уровня развития человеческого капитала

региона с учетом удельных весов показателей имеет вид:

$$I = 7,14(P_1+P_2+P_7+P_8)+3,57(P_3+P_6)+2,14P_4+5(P_5+P_9+P_{10}+P_{11}+P_{13})+4,29(P_{12}+P_{14}), \quad (1)$$

где I – уровень развития человеческого капитала региона;
 P_i – региональный индекс.

В итоге расчета уровня развития человеческого капитала максимально возможное его значение может составить 71,42.

При этом интервалы значений различаются по следующим уровням:

Таблица 3- Характеристика уровней развития человеческого капитала региона

Диапазон полученных значений	Уровень развития человеческого капитала региона
[0; 14,284]	критический уровень развития человеческого капитала
[14,284; 28,568]	низкий уровень развития человеческого капитала
[28,568; 42,852]	средний уровень развития человеческого капитала
[42,852; 57,136]	высокий уровень развития человеческого капитала
[57,136; 71,42]	в регионе максимальный уровень развития человеческого капитала

Если же отмечаются отрицательные тенденции в развитии человеческого капитала региона, то руководству необходимо внести соответствующие корректировки в разрезе критически полученных значений показателей.

На основе статистических данных произведем расчет достигнутого уровня развития человеческого капитала и проведем ранжирование регионов Центрального федерального округа на основе фактически полученных значений за 2018 год. Исходная информация для расчетов в разрезе субъектов ЦФО по предлагаемым показателям представлены в таблице 4.

Далее на основе региональных индексов, по формуле определен уровень развития человеческого капитала регионов Центрального федерального округа, а также место каждого из них по исследуемому показателю, что представлено в таблице 5.

По результатам расчетов можно сделать следующие выводы.

Таблица 4- Региональные индексы, входящих в уровень развития человеческого капитала по регионам ЦФО

Регион ЦФО	P ₁	P ₂	P ₃	P ₄	P ₅	P ₆	P ₇	P ₈	P ₉	P ₁₀	P ₁₁	P ₁₂	P ₁₃	P ₁₄
Белгородская область	0,55	0,06	0,72	0,97	0,64	1,00	0,95	0,60	0,82	0,78	0,22	0,45	0,40	0,45
Брянская область	0,38	0,03	0,64	0,97	0,61	0,22	0,92	0,48	0,80	0,52	0,31	0,39	0,20	0,26
Владимирская область	0,36	0,23	0,69	0,96	0,55	0,24	0,92	0,16	0,90	0,56	0,24	0,34	0,24	0,28
Воронежская область	0,66	0,29	0,70	0,97	0,66	0,40	0,94	0,98	0,92	0,71	0,27	0,44	0,29	0,62
Ивановская область	0,45	0,04	0,66	0,97	0,59	0,04	0,92	0,18	0,86	0,46	0,41	0,36	0,14	0,15
Калужская область	0,33	0,55	0,73	0,97	0,63	0,18	0,92	0,45	0,82	0,48	0,29	0,43	0,33	0,44
Костромская область	0,30	0,01	0,66	0,97	0,52	0,50	0,92	0,54	0,88	0,50	0,53	0,35	0,20	0,18
Курская область	0,61	0,14	0,68	0,97	0,71	0,81	0,92	1,00	0,79	0,49	0,31	0,40	0,27	0,56
Липецкая область	0,33	0,03	0,73	0,97	0,62	0,52	0,93	0,70	0,74	0,67	0,24	0,44	0,34	0,58
Москва	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	0,20	1,00	0,73	1,00	0,36	1,00	1,00	1,00	1,00
Московская область	0,19	0,70	0,65	0,98	0,83	0,89	0,94	0,62	0,96	0,18	0,24	0,65	0,40	0,61
Орловская область	0,73	0,06	0,63	0,96	0,73	0,07	0,92	-0,07	0,81	0,44	0,40	0,36	0,23	0,34
Рязанская область	0,49	0,14	0,66	0,97	0,62	0,39	0,94	0,57	0,74	0,50	0,38	0,37	0,25	0,26
Смоленская область	0,41	0,06	0,69	0,96	0,62	0,15	0,91	0,57	0,90	0,69	0,18	0,38	0,23	0,39
Тамбовская область	0,49	0,06	0,68	0,97	0,57	0,62	0,94	0,78	0,75	1,00	0,33	0,39	0,23	0,47
Тверская область	0,35	0,18	0,69	0,97	0,50	0,30	0,91	0,18	0,71	0,69	0,38	0,37	0,23	0,42
Тульская область	0,40	0,17	0,71	0,97	0,62	0,82	0,92	0,59	0,89	0,38	0,43	0,40	0,29	0,54
Ярославская область	0,43	0,30	0,74	0,96	0,63	0,86	0,93	0,19	0,82	0,42	0,41	0,40	0,32	0,33

Таблица 5 – Значение уровня развития человеческого капитала регионов Центрального федерального округа

Регион ЦФО	Значение I	Место в ЦФО
Белгородская область	41,7996	5
Брянская область	33,0576	15
Владимирская область	32,4081	16
Воронежская область	45,2920	2
Ивановская область	30,4153	18
Калужская область	37,8718	9
Костромская область	34,3316	13
Курская область	43,4276	4
Липецкая область	38,1727	8
Москва	63,4362	1
Московская область	43,5434	3
Орловская область	32,3160	17
Рязанская область	36,2566	11
Смоленская область	35,3795	12
Тамбовская область	41,0140	6
Тверская область	33,1160	14
Тульская область	39,4717	7
Ярославская область	37,1071	10

Традиционно, 1 место в рейтинге по уровню развития человеческого капитала занимает Москва, 2 место – Воронежская область и 3 место – Московская область. В числе аутсайдеров можно назвать Владимирскую, Орловскую и Ивановскую области.

Более детальное распределение регионов Центрального федерального округа по достигнутому уровню развития человеческого капитала на основе предлагаемой градации показателей представлено в таблице 6.

Таблица 6 – Распределение регионов Центрального федерального округа по уровню развития человеческого капитала

Уровень развития человеческого капитала региона	Регионы Центрального федерального округа
Регионы с максимальным уровнем развития человеческого капитала	г. Москва

Продолжение таблицы 6

Уровень развития человеческого капитала региона	Регионы Центрального федерального округа
Регионы с высоким уровнем развития человеческого капитала	Воронежская область Курская область Московская область
Регионы со средним уровнем развития человеческого капитала	Белгородская область Брянская область Владимирская область Ивановская область Калужская область Костромская область Липецкая область Орловская область Рязанская область Смоленская область Тамбовская область Тверская область Тульская область Ярославская область
Регионы с низким уровнем развития человеческого капитала	-
Регионы с критическим уровнем развития человеческого капитала	-

Таким образом, можно сделать вывод о том, что к регионам, имеющим максимальный уровень развития человеческого капитала относятся: г. Москва. Воронежская, Курская и Московская области имеют высокий уровень развития человеческого капитала.

Остальные регионы Центрального федерального округа отнесены к регионам со средним уровнем развития человеческого капитала. При этом, ни один из регионов, в соответствии с предлагаемой градацией рассчитанного итогового показателя, не относится к группе с низким и с критическим уровнем.

Улучшение позиции в рейтинге и увеличение уровня развития человеческого капитала свидетельствует об эффективности принимаемых управленческих решений, затрагивающих комплексно социально-экономические аспекты политики относительно человеческого капитала региона.

Резюмируя выше представленную информацию можно говорить о том, что предлагаемый методический подход для оценки человеческого капитала региона, включающий последовательный расчет 14 региональных показателей, которые интегрируются в комплексный

показатель уровня развития человеческого капитала, позволяет ранжировать регионы Российской Федерации в зависимости от полученных значений и выработать эффективные инструменты социально-экономической политики, направленные на те или иные «болевые» точки.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что важное место среди приоритетов социально-экономического развития региона должно отводиться оценке и развитию человеческого капитала.

При этом основными направлениями развития человеческого капитала региона должны быть:

- увеличение показателей качества подготовки студентов в средних и высших учебных заведениях региона;
- развитие системы переподготовки и повышения квалификации на региональном уровне;
- рост объема инвестиций в образовательную сферу региона;
- увеличение показателей рождаемости и снижение показателей смертности населения региона;
- снижение показателей миграционной убыли населения;
- обеспечение занятости населения;
- развитие системы здравоохранения региона;
- позиционирование здорового образа жизни среди населения региона.

Развитие человеческого капитала позволит регионам выйти на новый уровень социально-экономического развития.

Список литературы:

1. Аничин В.Л., Дорофеев А.Ф., Ващейкина Ю.Ю.// Стоимостная оценка человеческого капитала. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика, 2017 .- № 43(16 (265), с.90 – 96.
2. Добрынин А. Н., Дятлов С. А. Человеческий капитал. – М.: Издательство «Экзамен», 2002.
3. Грачев С. А. Оценка величины человеческого капитала регионов на основе многокритериального подхода// Вопросы управления, 2018.- №2 (32), с. 46 – 53.
4. Забелина О. В., Козлова Т.М., Романюк А.В. Человеческий капитал региона: проблемы сущности, структуры и оценки // Статистика и экономика, 2013.- №4, С. 52–57.
5. Казаков О.Д., Азаренко Н.Ю. Модель управления человеческим капиталом в системах принятия решений // Вестник ВГУИТ. 2019. Т. 81. № 3. С. 290–298. doi:10.20914/2310-1202-2019-3-290-298.

6. Капелюшников Р. Человеческий капитал России: эволюция и структурные особенности / Р. Капелюшков // Вестник общественного мнения. – 2005. – № 4. – С. 37– 44.
7. Каппушева А.Р. Тенденции развития человеческого капитала в регионах России // Фундаментальные исследования, 2017.- № 9 (часть 1), с. 184-188.
8. Носкова К.А. Многоуровневая система оценки человеческого капитала // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2014. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <http://ekonomika.snauka.ru/2014/04/4842> (дата обращения: 04.04.2020).
9. Рахмеева И.И. Управляемые параметры системы оценки регулирующего воздействия региона// Управленец, 2018. №5 (90), с. 48-57.
10. Родина Т.Е. 2010. Социальные ресурсы и методы их увеличения. // Ученые записки Российского государственного социального университета, 2010, -№ 5, с.120-126.
11. Серебрякова Н.А., Волкова С.А., Волкова Т.А. Методика интегральной оценки человеческого капитала региона. // Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий, 2019.- №3(81), с. 375-380.
12. Фалько С. Г., Яценко В. В. Архитектура компетенций персонала высокотехнологичных предприятий // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика, 2019.- №1,- с.29-39.
13. Хоконов А. А. К вопросу о значении фактора человеческий капитал в инновационном развитии страны // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2015. – № 1 (21). – С.76–80.
14. Цимбаленко Н.В. Оценка персонала в системе управления человеческим капиталом предприятия // Россия на пути выхода из экономического кризиса. Сборник научных статей, Вып.8 / Под общей редакцией проф. В.В. Тумалева. – СПб.: НОУ ВПО Институт бизнеса и права, 2010.- 330 с.

Раздел 8
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЛОГИСТИКИ В УСЛОВИЯХ
ГЛОБАЛЬНОЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ И
ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

Курбанов А. Х., д.э.н., профессор

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»,
г. Курск

Плотников В. А. д.э.н., профессор

ФБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический
университет», г. Санкт-Петербург

Динамичные изменения, происходящие в настоящее время в мировой экономической системе в совокупности с социальными процессами, обуславливают развитие логистики, трансформацию классической цепи поставок продукции и усиление роли домохозяйств в логистических процессах, которые, в свою очередь, приобретают все более системный и интеграционный характер. При этом базой логистики будущего является единая цифровая платформа с минимальным количеством посредников, объединяющая производителей и потребителей.

Футурологические прогнозы, которые ранее воспринимались, как возможные варианты развития человеческой цивилизации, начали сбываться. И происходит это не в далеком будущем, а именно сейчас. Изменения, безусловно, затронут все сферы жизни человека. Их реальный масштаб будет зависеть от того, какие меры будут приняты мировым сообществом после событий, триггером которых выступил Covid-19 (потенциально тяжёлая острая респираторная инфекция, вызываемая коронавирусом).

Как известно, перед нашей страной уже на протяжении нескольких лет стоит задача перехода к цифровой экономике [3, 7]. Отдельные проекты были реализованы (полностью или фрагментарно) в сфере государственного управления, образования, медицины, производства и логистике [1, 2, 4]. Однако интеграция всех цифровых платформ в единую до 2020 года представлялась, как весьма отдалённая перспектива. При этом, малый и средний бизнес, не имея для цифровизации достаточных возможностей (речь прежде всего идет о развитии инфраструктурной составляющей, приобретении оборудования, разработке программного обеспечения и обучении персонала, способного гармонично встраиваться в киберфизические логистические системы) не уделял этому должного внимания. В результате известные события поставили его на грань банкротства,

поскольку физическая среда, подразумевающая непосредственный контакт продавца и покупателя, была временно заблокирована на государственном, а некоторых случаях и межгосударственном уровне.

Прежде чем приступить, к анализу возможных перспектив развития логистики в условиях трансформации экономики и социальной сферы следует понять, какова именно та реальность, в которой предстоит жить людям, после её трансформации. То, что трансформация происходит сомнений быть не может.

Обозримое будущее предполагает глобальную цифровизацию всех процессов, которые призваны обеспечивать жизнедеятельность людей. И это не только логистика, о которой далее пойдет речь. На каждой стадии жизни человек будет являться частью общей системы, управляемой при помощи искусственного интеллекта по специальным алгоритмам на основе данных, которые будут собираться и обрабатываться в автоматическом режиме. На эту тему есть достаточно много исследований и публикаций, и останавливаться подробно на этом нет необходимости [см., например, 8]. В любом случае эпоха глобального потребления подошла к концу, избыточное производство и неконтролируемая продажа продуктов питания, одежды и обуви, бытовых приборов, мебели, автомобилей и даже объектов недвижимости прекратиться. Значительным изменениям будет подвержена и сфера услуг – государственных, образовательных, медицинских, логистических и др. Происходящий процесс их трансформации с каждым годом набирает обороты.

Будущим поколениям предстоит жить в другой реальности, отличие которой от настоящего времени будет явным и глобальным, а сам переход к ней – необратимым. В рамках данной статьи мы постараемся заглянуть за горизонт предстоящих событий и представить то, какой будет логистика? Как именно будет связан между собой конечный потребитель и производитель? Как будет выглядеть «последняя миля доставки»? Что будет обязательным в поведении людей, а что вариативным, если речь идет об удовлетворении их потребностей в материальных ценностях? Решение этих и ряда других вопросов в настоящее время представляется крайне актуальным.

Первое, что хотелось бы прояснить, предстоит глобальная трансформация производства и цепей поставок, вывод их на новый уровень развития (собственно, этот процесс в некоторых странах уже запущен давно). Классическая цепь поставок представлена на рисунке 1. Её функционирование определяется общепринятыми рыночными законами, которые хотя и носят в основном регулятивный характер, зависят от обеспеченности потребительского спроса и уровня жизни населения.

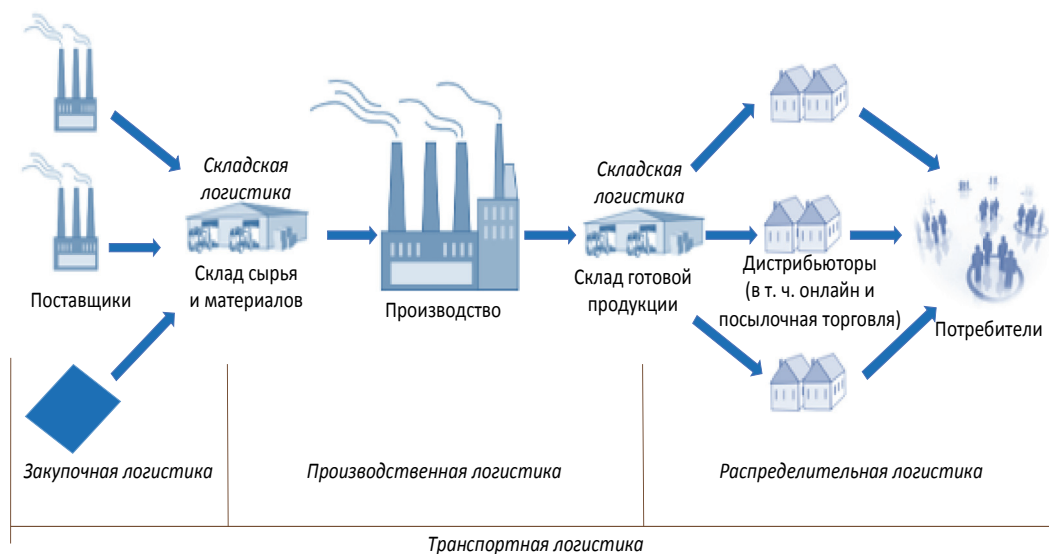

Рисунок 1 – Классическая цепь поставок продукции источник: разработано авторами.

Классическая цепь поставок продукции функционировала, на протяжении многих веков. В настоящее время в ней в той или иной степени просматриваются все возможные форматы торговли – начиная от рынка, где встречаются продавец и покупатель продукции и непосредственно осуществляют товарно-денежный обмен, до маркетплейсов – многочисленных платформ электронной коммерции, онлайн-магазин электронной торговли, предоставляющий информацию о продукте или услуге третьих лиц, чьи операции обрабатываются оператором маркетплейса. Степень использования того или иного формата во многом зависит от уровня информационно-технического обеспечения общества, наличия соответствующих гаджетов (компьютеров, смартфонов и др.) и высокоскоростного интернета.

Основным направлением дальнейшей трансформации цепи поставок является её цифровизация [5]. То, что уже сейчас произошло с логистикой существенным образом влияет на домохозяйства,⁵⁰ позволяет им выступать активным элементом логистических систем, принимающим участие в изменении их архитектуры. Кроме цифровизации процесс вовлечения домашних хозяйств в логистические цепочки поставок связан с изменением образа жизни людей (особенно в крупных городах), наличием постоянного выхода в интернет и ряда других факторов (рисунок 2).

⁵⁰ Домохозяйство (англ. household) – обособленная ячейка общества, в рамках которой происходит производство общественного продукта, его потребление, а также воспроизводство рабочей силы, то есть самого человека. Может состоять из одного или более человека, а также может состоять из одной семьи или другой группы людей.

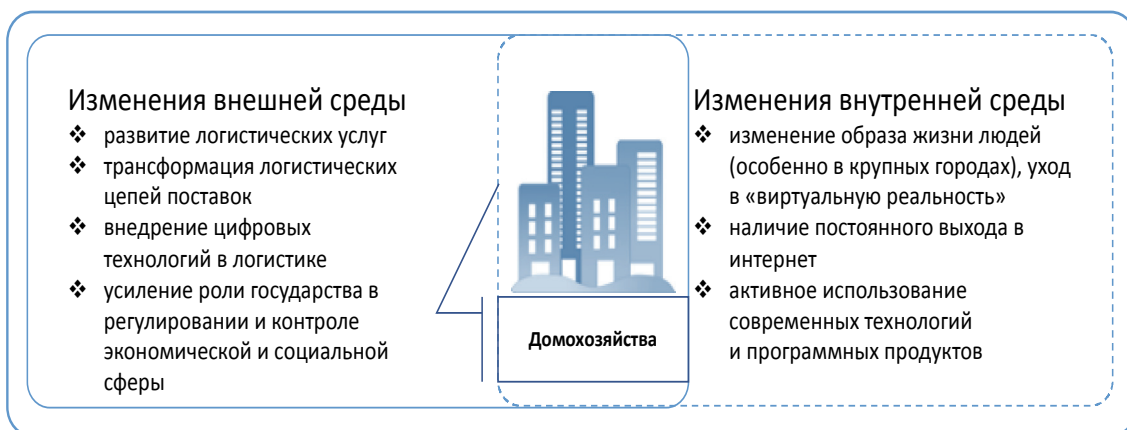

Рисунок 2 – Изменения внешней и внутренней среды, оказывающие влияние на развитие логистики домохозяйств.

Источник: разработано авторами.

До недавнего времени принято было считать, что принципы логистики к организации домашнего хозяйства неприменимы, а участники домашних хозяйств руководствуются только житейским подходом. Однако, анализ мирового и отечественного опыта свидетельствует, что домашним хозяйствам в той или иной степени присущи все функциональные области логистики (логистика снабжения, транспортная логистика, логистика производства, складская логистика, логистика сбыта, возвратная логистика).

В недалеком будущем, классическая цепь поставок продукции, потребителями которой выступают домохозяйства существенным образом изменится. Безусловно, в ней также останутся поставщики, производственные предприятия и дистрибьюторы (численность последних, следует признать, будет минимальной). Трансформации будут подвергнуты связи, существующие между элементами данной цепи. В основе данной трансформации будет системная интеграция всех производственных и логистических процессов. Существенная роль при этом, по нашему мнению, будет принадлежать государству. С большой вероятностью можно утверждать, что позиции государства будут существенным образом усилены и следует ожидать формирования новой плановой экономики на цифровой платформе, связующем звеном которой будет высоко эффективная логистика, предполагающая использование инновационных технологий, как в программном обеспечении, так и в техническом оснащении соответствующих процессов (рисунок 3).

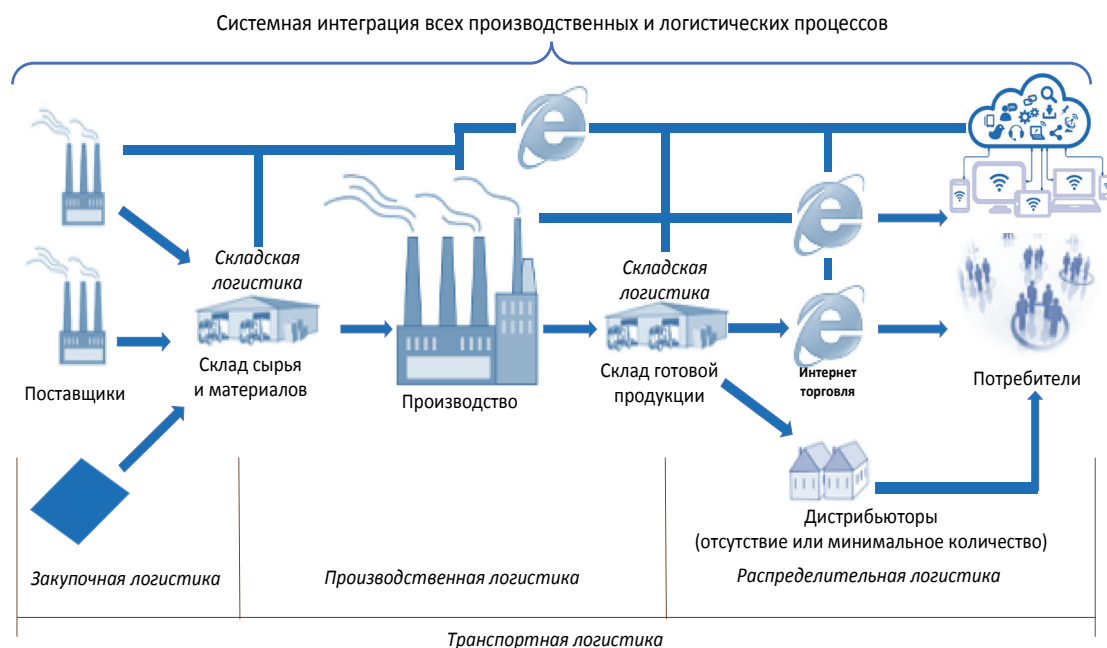

Рисунок 3 – Перспективная цепь поставок продукции
Источник: разработано авторами.

Далее постараемся детализировать основные отличительные признаки двух вариантов организации цепей поставок – существующей и перспективной. Сделать это представляется целесообразным на трех уровнях стратегическом, оперативном и тактическом. Разумеется, необходимо понимать, какие процессы осуществляются на данных уровнях. Применительно к данному исследованию все необходимые комментарии представлены в таблице 1. Следует при этом отметить, что авторская позиция не может быть исчерпывающей, как по классификации уровней логистической системы, так и по содержательной части самих процессов. Возможны и иные подходы.

Таблица 1 – Сравнительный анализ существующей и перспективной цепей поставок

Уровень логистической системы	Используемые подходы и их особенности	
	Существующая цепь поставок	Перспективная цепь поставок
<i>Стратегический</i> (планирование развития, администрирование логистической системы, выполнение основных управленческих	Используется как централизованный, так и децентрализованный подход. Мероприятия планирования, как правило, носят краткосрочный и среднесрочный характер, если это не связано с накоплением	Администрирование логистической системы осуществляется централизованно. За счет высокой степени внедрения цифровых технологий некоторые управленческие решения могут приниматься без участия человека.

Уровень логистической системы функций)	Используемые подходы и их особенности	
	Существующая цепь поставок	Перспективная цепь поставок
	эшелонированием запасов	Существует возможность долгосрочного планирования
<i>Оперативный</i> (прогнозирование потребности в материальных средствах, планирование поставок, координация, контроль и анализ эффективности логистических процессов)	Задачи выполняются, как правило, с использованием классических моделей. Применение цифровых технологий носит ограниченный, фрагментарный характер, что существенно снижает их эффективность; документооборот осуществляется на бумажных носителях (применение электронного документооборота незначительно); мероприятия контроля и анализа логистических процессов предполагают непосредственное участие человека	Широко используются цифровые технологии. Это делает возможным осуществлять прогнозирование и планирование путём подключения всех потребителей в единую сеть, в результате чего увеличится степень достоверности потребности в материальных средствах, возможно автоматическое пополнение запасов. Процесс контроля и анализа эффективности логистических систем позволяет в реальном масштабе времени оценивать результативность логистических операций
<i>Тактический</i> (получение материальных средств, их перевозка, переработка, хранение и выдача (продажа))	Существующая цепь поставок практически не подвергалась трансформации с середины XX века. Транспорт, склад, конечный потребитель связаны между собой операциями погрузки, разгрузки, доставки, приема, выдачи в определенные (установленные) сроки (периоды). В режиме реального времени конечному потребителю информация о наличии и количестве материальных средств, хранимых на складе, как правило, недоступна	Логистические операции, осуществляемые на «последней миле доставки» не рассматриваются изолированно. Всё, начиная с характеристик товара и его упаковки заканчивая отзывом конечного потребителя представляет собой единую синхронизированную систему. Возможно отслеживание движения заказа в режиме реального времени. В зависимости от результативности деятельности система постоянно адаптируется к требованиям заказчиков

Источник: разработано авторами.

С учетом данных, представленных в таблице 1, можно отметить, что тактический уровень логистической цепи поставок представляет для домохозяйств особый интерес поскольку, в отличие от стратегического и оперативного, он непосредственно связан с конечными потребителями. На «последней миле доставки» востребованными могут быть не только технические инновации, позволяющие обеспечивать, отслеживать и контролировать перемещение (хранение) материальных средств в реальном масштабе времени, но и управленческие решения, внедрение которых будет способствовать повышению эффективности системы доставки конечной продукции путем использования мобильных пунктов выдачи заказов, постаматов, привлечения логистических операторов, имеющих развитую сеть филиалов, а также беспилотных автомобилей, дронов и др. (рисунок 4).

Рисунок 4 – Вариант организации логистических процессов на «последней миле доставки» в среднесрочной и долгосрочной перспективе

Источник: разработано авторами.

Как видно из рисунка 4 организация логистических процессов на «последней миле доставки» в среднесрочной и долгосрочной перспективе обладает определенными особенностями. Так, например, кроме уже привычной доставки курьером или использования постаматов возможно применение беспилотных автомобилей, а также подвижных (мобильных) пунктов выдачи заказов бесконтактным способом (по сути, речь идет об использовании такого же принципа, как и в постамате). Наиболее инновационной и технически сложной является организация доставки продукции с использованием дронов. Следует признать, что подобная практика начала широко использоваться в зарубежных странах. В последние несколько лет

множество компаний по всему миру начали тестировать доставку небольших грузов дронами. Так, например, в 2019 году в США Федеральное управление гражданской авиации (FAA) впервые выдало сертификат авиационного перевозчика компании, доставляющей грузы дронами. Этой компанией стала Wing. Предполагается, что это позволит удешевить и упростить доставку небольших посылок до дома, квартиры или офиса клиента. Однако в случае использования дронов в интересах домохозяйств возникает необходимость внесения некоторых изменений и в конструкцию самого жилья. В частности, в случае проживания в многоквартирных домах в них следует предусмотреть площадки для «сброса» грузов дронами и специальные шахты для мини лифтов, которые бы смогли переместить продукцию, доставленную в специальном контейнере до квартиры клиента.

Рассмотренный вариант развития событий в части касающейся трансформации логистики в условиях глобальной цифровизации экономики и трансформации социальной сферы, безусловно, обладает, как преимуществами, так и недостатками [5, 6], основные из которых представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Преимущества и недостатки развития логистики в условиях глобальной цифровизации экономики и трансформации социальной сферы

Позиции, с которых осуществляется оценка	Положительные аспекты	Отрицательные аспекты
С точки зрения потребителя (домохозяйства)	Повышение эффективности планирования обеспечения потребляемой продукции в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективе; снижение затрат на выполнение процессов обеспечения благодаря широкому внедрению роботизации и информационных технологий; повышение гибкости обеспечения (возможность полного учета индивидуальных особенностей и потребностей);	Высокие затраты на формирование соответствующего технического и программного обеспечения; сопротивление со стороны отдельных потребителей, входящих в состав домохозяйств; риски несанкционированного доступа к личным данным пользователей (путем взлома информационных систем); риск снижения качества функционирования процессов обеспечения продукцией в переходный период (снижение

Позиции, с которых осуществляется оценка	Положительные аспекты	Отрицательные аспекты
	устранение (полное или частичное) негативного воздействия человеческого фактора; снижение затрат за счет сокращения количества посредников в логистической цепи	эффективности процессов обеспечения продукцией с использованием цифровых платформ продемонстрировали все маркетплейсы в ходе массовой переориентации на онлайн сервисы во время самоизоляции, вызванной Covid-19)
С точки зрения внешней среды	Заинтересованность государства в повышении эффективности системы контроля за производственными и логистическими процессами, возможность выполнения регулятивной функции; создание дополнительных стимулов для реиндустриализации страны на основе новых технологий	Снижение доходов бюджета Российской Федерации ограничивает возможность инвестиций в развитие инновационных технологий на всей территории страны; слабое развитие национальной элементной базы (потребуется приобретение технологий и оборудования за рубежом)

Источник: разработано А. Х. Курбановым.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы:

1) логистика представляет собой ключевой сектор экономики большинства стран. Она является связующим звеном между производителями и потребителями готовой продукции. Развитие экономики, как в России, так и за рубежом осуществляется с учётом возможностей совершенствования логистических систем;

2) логистика домохозяйств в настоящее время обладает существенными перспективами развития. Прежде всего это связано с изменениями, которые произошли во внешней и внутренней среде субъектов домашнего хозяйства, вызванные событиями конца 2019 начала 2020 гг.;

3) перспективы развития логистики будущего следует рассматривать, как обслуживание экономической системы, задача которой будет заключаться в производстве продукции, поставляемой и потребляемой домохозяйствами с использованием принципов рационального, обоснованного системного подхода.

Список литературы:

1. Берман Н. Д. Цифровизация логистики: применение технологии «Blockchain» // *International Journal of Advanced Studies*. 2018. – Т. 8. – № 1–2. – С. 21–28.
2. Бубнова Г. В., Лёвин Б. А. Цифровая логистика – инновационный механизм развития и эффективного функционирования транспортно-логистических систем и комплексов // *International Journal of Open Information Technologies*. – 2017. – Т. 5. – № 3. – С. 72–78.
3. Вертакова Ю. В., Толстых Т. О., Шкарупета Е. В., Дмитриева Е. В. Трансформация управленческих систем под воздействием цифровизации экономики: моногр. – Курск: Юго-западный гос. ун-т, – 2017. – 147 с.
4. Ефименко Д., Демин В. Развитие логистики в России: современная ситуация, прогноз, ключевые задачи и приоритеты компаний // *Логистика*. 2017. – № 3. – С. 14–19.
5. Курбанов А. Х. Конвергенция как способ повышения эффективности логистических систем // *Экономист*. – 2018. – № 10. – С. 40–45.
6. Курбанов Т. Х., Курбанов А. Х., Лучкин С. В. Цифровые логистические технологии: возможные перспективы и риски внедрения в цепи поставок // *Логистика*. – 2018. – № 10. – С. 32–36.
7. Плотников В. А. К вопросу о формировании сетевой экономики // *Управление социально-экономическим развитием регионов: проблемы и пути их решения. Сборник научных статей 4-й Международной научно-практической конференции*. – Курск: Юго-Западный государственный университет. – 2014. – С. 225–228.
8. Шеховцев М. Что сулит миру интернет-вещей // *Эксперт*. 2016. – № 48. – С. 14–24.

Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ по государственной поддержке ведущих научных школ РФ НШ-2702.2020.6 «Концептуальные основы новой парадигмы экономического развития в эпоху технологической и социальной трансформации».

Раздел 9

КОММУНИКАЦИОННЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ И ЕГО РОЛЬ В СОЗДАНИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ

Макарова Ю.Л., к.э.н.

ФГБОУ ВО «РАНХиГС» Среднерусский институт управления –
филиал, г. Орел

Марков Р.А.

ФГБОУ ВО «РАНХиГС» Среднерусский институт управления –
филиал, г. Орел

В настоящее время, в эпоху информационного общества и цифровизации, возрастает доля коммуникаций и информационных продуктов. Коммуникация выходит на первый план как необходимая и универсальная составляющая деятельности любых организаций.

Термин «коммуникация» произошел от лат. - communication – делать общим, сообщать, беседовать, связывать. В настоящее время существуют разные определения понятий «организационные коммуникации». Так, многие ученые - практики выделяют несколько подходов к определению понятия «организационные коммуникации»:

- управленческий (коммуникация рассматривается как функция управления);
- системный (коммуникация представляет собой систему взаимодействующих элементов);
- гуманистический (коммуникация рассматривается как фактор развития человеческого потенциала);
- культурологический (коммуникация как способ выражения организационной культуры) [7].

Коммуникация позволяет наладить эмоциональный и интеллектуальный обмен управленческой информацией, организовать совместную работу коллектива, установить взаимосвязь между сотрудниками в организации и сформулировать общие ценности и задачи предприятия.

Традиционно коммуникации в организации принято разделять на формальные и неформальные. Формальные коммуникации посредством установления правил взаимодействия сотрудников и подразделений, закрепленных во внутренних нормативных документах, создаются руководством с целью достижения интересов организации.

Неформальные же коммуникации напрямую не связаны с производственным процессом, при этом современные исследователи отмечают их важную роль. Именно неформальные коммуникации

оказывают наибольшее влияние на поведение персонала, и как следствие, на эффективность управления организацией в целом.

Первыми проблемы коммуникативного воздействия рассматривали исследователи, изучавшие средства массовой информации: Г. Гляйсберг, Л. Дуб, У. Ламмерс, Г. Лассуэлл, Г. Энценсбергер и другие. Впоследствии в середине XX в. представители бихевиоризма по-новому посмотрели на процесс скрытого воздействия на массовое сознание[8].

Набирающая обороты модернизация информационного общества, рост коммуникаций, информационных продуктов и инновационных технологий – необходимость соответствия современных организаций инновационной модели экономического развития. В этих условиях предъявляются все более высокие требования к информационной привлекательности организаций. В современных условиях рассматриваются различные подходы к оценке новых категорий в коммуникационном менеджменте, расширяющиеся возможности информационного потока, которые требуют новых способов, технологий и стратегий в работе с различными ресурсами. Было выявлено, что коммуникационный менеджмент для эффективной модернизации системы нуждается в специалистах, обладающих современными методами обучения и руководства коллективами, научными и практическими разработками. Использование коммуникационного менеджмента в создании информационной привлекательности организации предусматривает разработку и внедрение в практику работы организаций современных подходов информатизации и цифровизации общества.

Зачастую во избежание кризисов или минимизации их в организации, руководители заранее готовят изменения в массовом поведении сотрудников посредством коммуникативных технологий и тем самым делают кризис управляемым. Использование коммуникативных технологий воздействия на сотрудников организации позволяют сформировать позитивный эмоциональный фон в организации. Так, наиболее эффективными технологиями являются: технология «новых целей», «технология участия», технология «власть компетенции» и технология «ролевой трансформации» [1].

Применение технологии «новых целей», в первую очередь, позволяет поддерживать в организации баланс позитивных и негативных эмоций. Периодически необходимо сообщать сотрудникам позитивную информацию о новых технологиях, инвесторах и возможностях для сотрудников повысить свою квалификацию. Также руководитель доводит до сотрудников информацию и о новых перспективных целевых установках, при этом обновление целевых

установок не должно противоречить стратегическим направлениям развития компании и является краткосрочной технологией коммуникативного воздействия. Поэтому вместе с технологией «новых целей» применяются и другие средства управления сознанием подчиненных.

«Технология участия» предполагает совместную работу персонала и взаимоподдержку. Это помогает постепенно сформировать у сотрудников компании мотивацию на участие в деятельности компании. В дальнейшем, «технология участия» осуществляется в рамках делегирования ответственности в процессе реализации инициатив.

Технология «власть компетенции» основана на усилении властного потенциала руководителя. Эффективным способом повышения власти руководителя является обращение к прошлому позитивному опыту управленческой деятельности, а также формирование «команды влияния», состоящих из авторитетных сотрудников, для оказания влияния на персонал и формирования определенного положительного образа руководителя. Тесно связана с данной технологией и технология «ролевой трансформации», которая предполагает приближение «команды влияния» к руководителю.

В целом, рассматривая различные коммуникативные технологии воздействия на сотрудников в организации, многие исследователи делят технологии на несколько групп по критерию психологической опасности. Данный критерий обозначает степень угрозы для психического здоровья человека.

Технология информирования и технология убеждающей коммуникации являются одними из наиболее безопасных технологий коммуникативного воздействия на сотрудников организации. Рассматривая технологию информирования, необходимо иметь в виду, что приобретение информации или номинальное владение ею не означает возможности ее использования. Для этого необходимо обладать специальными навыками и умениями. Кроме того, зачастую внутри любой информации всегда есть шум, препятствующий правильному восприятию информации.

Как правило, технология информирования в процессе воздействия реализуется посредством использования методов рассказа и разъяснения. Обычно общение строится двумя путями: индуктивным и дедуктивным. Считается, что по типу темперамента холерику предпочтителен дедуктивный путь, а флегматику – индуктивный. Поскольку холерикам присущ быстрый темп психической деятельности, руководителем в рассказе необходимо отдавать предпочтение обобщениям и ставить вопрос после сообщения главной мысли.

Флегматик же, наоборот, поскольку имеет замедленный темп психической деятельности, склонен воспринимать сначала отдельные факты, а потом уже обобщения.

Метод разъяснения также подразделяется на несколько видов: инструктивное, повествующее и рассуждающее. Если руководителю необходимо, чтобы сотрудники запомнили что-либо, например, алгоритм реализации задач компании, уместно использовать инструктивное разъяснение, которое представляет собой схематическое раскладывание подчиненным их деятельности как инструкция. При таком разъяснении мышление персонала не загружается, но задействуется память. Рассуждающее разъяснение предполагает активное участие сотрудников в решении вопросов организации.

Используя технологию убеждающей коммуникации, важно придерживаться принципов убеждающего воздействия:

- принципу доступности, который предполагает учет жизненного и производственного опыта сотрудников, а также взвешенность содержания речи;

- принципу ассоциативности, означающий сопереживание и соразмышление, которые достигаются за счет образности высказываний руководителя;

- принципу экспрессивности, который свидетельствует о самоотдаче руководителя;

- принципу повторения и обеспечения доверия к источнику информации. Многие исследователи убеждены, что эффективность убеждающей речи зависит не только от качества тезисов и аргументом, но и от того, как сотрудники воспринимают руководителя, его компетентность в обсуждаемых вопросах и харизматичность[2].

Эффективным способом коммуникативного воздействия на сотрудников является и формирование определенной среды, в которой происходит коммуникация. В данном случае речь идет как о макросреде, то есть экономических, социальных и духовно-культурных контекстах жизни людей, так и о микросреде, представляющей собой конкретную ситуацию общения. При проведении различных совещаний и переговоров используются определенные уловки организационно-процедурного характера, связанные с предварительной организацией и специфическим осуществлением процедуры взаимодействия между руководителем и сотрудниками организации.

Так одним из действенных методов управления коммуникативной ситуацией, относящейся к относительно безопасным технологиям коммуникативного воздействия, является маневрирование повесткой обсуждения. Также часто руководители меняют последовательность обсуждения вопросов: прежде всего, выносятся вопросы и предложения

не по мере их поступления, а наиболее выгодные и приемлемые, чтобы сотрудники могли быстрее принять желаемое решение[3].

Еще одними эффективными методами управления коммуникативной ситуацией является управление информационными материалами, перерыв в обсуждении и реферирование. Как правило, при обсуждении важных организационных вопросов готовятся рабочие материалы. Однако представить их можно незадолго до начала обсуждения и в разных вариантах, чтобы изучить их за короткое время было физически невозможно. Если в процессе дискуссии может быть выработано крайнее неудобное решение, в ключевой момент может быть сделан перерыв в обсуждении.

В системе технологий коммуникативного воздействия отдельной строкой стоит технология провоцирования. Провокативная деятельность использует потребность сотрудников во взаимодействии в процессе общения для обеспечения высокой степени эффективности воздействия на них[9].

Помимо этого, особую значимость приобретают технологии социальной ответственности, включая манипуляцию на обязательствах, сочувствии или жалости, с опорой на авторитеты. Психологи утверждают, что большинство людей стремятся выглядеть последовательными в своих словах и делах, поскольку это высоко оценивается обществом и способствует решению самых разных задач, как в повседневной жизни, так и в деятельности организации. Поэтому сотрудники часто придумывают причины и оправдания с целью самоубеждения. Исполнительность, последовательность действий всегда ценится руководителем и ассоциируется у него с интеллектуальностью, силой и честностью сотрудников.

Манипуляция с опорой на авторитеты довольно часто используются руководителями в организации. Сотрудники прислушиваются к мнению таких людей. Действует психологический механизм «переноса», при котором опыт авторитетного лица и приводимые им аргументы переносятся на сложившуюся ситуацию или задачу. При умелом применении это может оказаться мощнейшим инструментом коммуникативного воздействия на сотрудников организации.

Вместе с безопасными технологиями и относительно безопасными технологиями коммуникативного воздействия на сотрудников нередко руководители используют и коммуникативные технологии, использование которых наносит существенный вред психике персонала организации. Так, технология дезинформирования как опасный способ коммуникативного воздействия заключается в намеренном предоставлении сотрудникам ложных сведений, которые

вводят их в заблуждение относительно истинного положения дел в организации. Самым простым способом искажения действительности является фильтрация информации. Часто руководитель старается создать препятствие появлению информации о каких-то темах или событиях. Этот метод получил название информационной «заслонки». Реализация данного метода возможна лишь при полном и качественном контроле за источником информации. Со стороны сотрудником организации метод проявляется в полном исчезновении актуальной темы из информационного поля. Нередко решающую роль в восприятии информации сотрудниками организации играет способ подачи информации. Вариантом информационной «заслонки» является и молчание (сокрытие) истинной информации или фрейминг.

Наиболее опасными коммуникативными технологиями воздействия, которые наносят необратимый вред, меняя конфигурацию личности адресата, являются технологии социальной индукции и нейролингвистическое программирование. Применение технологии социальной индукции предполагает вовлечение людей в переживание определенных чувств, которые возникают в переломный момент или, когда некое событие достигнет критической точки.

Понятием «нейролингвистическое программирование» (НЛП) обозначается комплекс моделей, техник и операционных принципов, применяемых главным образом в качестве подхода к личностному развитию посредством моделирования эффективных поведенческих и мыслительных стратегий. Данная технология предполагает, что человек мыслит образами, которые созданы им самим с помощью воображения. Наблюдая за движением глаз человека, его речью и характерными движениями, жестами человека, возможно узнать, что сейчас происходит внутри человека. Нейролингвистическое программирование подвергается резкой критике со стороны клинических психологов и специалистов по менеджменту. Отмечается неэффективность практик данной технологии, а также неэтичность ее использования.

На сегодняшний день современные технологии коммуникативного воздействия на сотрудников имеют важнейшее значение для эффективного управления организацией. Современные руководители имеют возможность использовать новые коммуникационные и информационные технологии, обеспечивающие доступность и оперативность информации. Грамотная организация коммуникации в организации позволяет принимать эффективные управленческие решения, при этом коммуникация должна обеспечивать вовлеченность всех сотрудников в достижении целей компании.

Все это играет немаловажную роль и в инвестиционной притягательности компании или региона. Сами по себе инвестиционная

притягательность компании или региона представляет собой совокупность данных, которые показывают, как отлично инвестировать валютные средства в последующее его становление и развитие. Ключевые показатели оценки информационной привлекательности изображены на рисунке 1.

Рисунок 1 – Показатели оценки информационной привлекательности

Коммуникации, являясь основным инструментом формирования вида конкретного предприятия и региона в целом, выстраивают привлекательную совокупность представлений о земле, помогая заинтересовать внимание заинтересованных групп.

Внешний имидж организации является важным аспектом её стабильного существования и развития. Любое предприятие стремится создать такое мнение о себе, которое удовлетворяло бы как её работников, так и потенциальных покупателей, спонсоров и инвесторов. Одобрение со стороны данных групп, в какой-то степени, является залогом успешного функционирования организации и, как следствие, достижения поставленных социальных и экономических целей руководства.

В условиях сильной конкуренции организация стремится запомниться потенциальным инвесторам и покупателям, показав свои самые сильные стороны и особенности.

Внешний имидж организации очень важен для руководителей, так

как определяет успешность выполнения основной поставленной перед организацией задачи. Огромную роль в формировании внешнего имиджа играет коммуникационный менеджмент. Коммуникации в организации разделяются на внутренние и внешние.

Определение и создание необходимых внутренних коммуникаций происходит на основе особенностей предприятия, её целей, миссии, сферы деятельности, необходимого конечного результата и многих других показателей, определяющих компанию на рынке. Например, с уже имеющимися потребителями товаров или услуг предприятия ведут диалог с использованием рекламы и аналогичных способов продвижения продукта на рынок. Кроме этого, большое значение имеет проведение многочисленных социологических опросов, касающихся реализуемой продукции или услуги организации.

Большое внимание уделяется работе по созданию положительного образа организации в обществе. Для данной цели в компании учреждаются специальные отделы по связям с общественностью («публик рилейшнз» или PR). Специалисты данных отделов с помощью разнообразных средств распространяют необходимую для организации информацию. Данный вид коммуникационного менеджмента относится к внешним коммуникациям.

Особую важность для организации имеют именно внешние коммуникации. Они могут быть представлены потребителями, конкурентами, органами государственной службы, общественным мнением, лояльностью и многими другими элементами. Организация должна ясно и чётко преподносить не только свои продукты и услуги, но и идеи, миссию и основную цель.

Менеджеры, отвечающие за создание благоприятного внешнего имиджа организации, должны четко решить, какой именно имидж организации они хотят создать. Затем они должны разработать комплекс средств создания корпоративного имиджа, который смог бы донести его до общественности. При этом важным аспектом является внимательный контроль и мониторинг идей и действий конкурентов, направленных на изменение их внешнего имиджа в лучшую сторону с целью одобрения их деятельности со стороны общества[5].

Довольно часто организации используют такой способ создания своего имиджа, как управление впечатлением. Организация может делать акцент на какое-либо определенное преимущество перед своими конкурентами, тем самым обращая на себя внимание общества, средств массовой информации и потенциальных инвесторов с целью привлечения новых клиентов и, как следствие, максимизации полученной прибыли.

Другим видом коммуникационного взаимодействия является

спонсорство. Данный метод создания имиджа особенно распространен среди особо крупных компаний, имеющих выход не только на региональные, но и на межрегиональные и зарубежные рынки. Становясь спонсором какого-либо мероприятия, организация привлекает к себе значительное внимание. Причем масштабность проводимого мероприятия прямо пропорциональна эффективности затраченных средств на популяризацию своей торговой марки, продукта или услуги и конечному результату создания необходимого имиджа для определенной социальной группы или инвесторов.

Важной частью создания образа надёжной организации, достигающей взаимопонимания с обществом, являются информационные услуги. Отдел коммуникационного взаимодействия должен взять под контроль всю информацию, передаваемую в средства массовой информации.

Внутренние коммуникации являются важнейшей частью создания благоприятного имиджа организации, что подтверждает целый ряд факторов. Так, внутренние коммуникации являются важным средством создания более демократичной организации, ориентированной на достижение внутренней гармонии, что является важным явлением в современных условиях. С данной точки зрения внутренние коммуникации тесно связаны с понятием человеческих отношений. Это объясняется тем, что персонал организации сможет работать с полной отдачей в том случае, когда почувствует себя частью организации и будет участвовать в её жизни, а почувствовать свою причастность к делам организации они смогут, только обладая полной информацией, т.е. с полным пониманием целей и задач организации каждым ее служащим.

Данный аспект важен с точки зрения привлечения новых сотрудников в организацию. Потенциальный работник должен понимать, что устроившись в данную организацию, он сможет чувствовать себя частью большой команды, создающей полезный продукт или услугу.

Коммуникационный менеджмент имеет особую важность для управленческого стиля руководителя. Например, сопричастный стиль управления предполагает использование различных предложений со стороны персонала и их обязательное информирование о результате применения их идеи. В случае, когда персонал имеет возможность участвовать в обсуждении и решении различных организационных вопросов, а также видит, что его мнение имеет значение в данном процессе, у работников появляется высокая мотивация к качественному выполнению своей работы.

Помощь персоналу оценить цели и направление, в сторону

которого движется организация, предоставление доступа к информации о развитии предприятия, а также создание активных коммуникаций – всё это является важными и необходимыми звеньями продуктивной работы предприятия и влияет на её внешний имидж. Данный способ не несет практически никаких финансовых затрат, но имеет большую значимость для персонала, так как позволяет обмениваться информацией в кратчайшие сроки и максимально понятными и короткими сообщениями.

Основными принципами, которыми призвана руководствоваться любая организация при создании внутренних взаимосвязей и которые вызывают одобрение общества, а, следовательно, и положительное отношение к организации, следующие:

1. Взаимоуважение (независимо от должности, занимаемой в организации и вклада в общее дело, необходимо уважительно относиться к каждому сотруднику организации);

2. Объективная оценка сотрудников (при оценке сотрудников следует внимательно изучать их вклад в работу организации);

3. Признание положительного вклада сотрудников в успехи предприятия (необходимо делать акцент на важность проводимой сотрудниками организации работы и их вклад в развитие предприятия и достижения поставленных целей);

4. Поощрение, одобрение (все сотрудники стремятся показать свою значимость на предприятии, а также их личный вклад в развитие организации, что следует замечать и не оставлять без внимания) [7].

Таким образом, создание внешнего имиджа организации является необходимым аспектом для работы организации. Именно по внешним характеристикам организации общество, средства массовой информации и инвесторы делают первые выводы о качестве её работы и производимых продуктах или услугах, что очень важно для организации на протяжении всего её существования и ведении своей деятельности.

Роль коммуникационного менеджмента в формировании информационной привлекательности организации представляется важным звеном в его построении и зависит от многих факторов. Внутренние и внешние коммуникации показывают внешней среде уровень и качество взаимодействия между отделами, организациями, печатными изданиями и многими другими субъектами корпоративных отношений, тем самым вызывая положительное или отрицательное отношение к предприятию.

Развитие коммуникационного менеджмента в организации должно происходить постоянно. Менеджерам следует отслеживать систему передачи различных данных, касающихся организации, так как именно от своевременной, правильной и качественной информации

зависят многие показатели деятельности организации и, как следствие, максимально эффективное достижение её конечной цели.

Кризисные ситуации могут возникнуть в любой современной организации. Разного уровня сложности с бизнес-партнёрами, поставщиками, государственными органами испытывает большое число компаний, ведущих свою деятельность не только в Российской Федерации, но и в других странах мира. Данное явление абсолютно нормально, но подразумевает обязательное решение возникающих проблем для дальнейшей стабильной деятельности компании.

Преодоление кризисной ситуации происходит с помощью взаимодействия всех имеющихся ресурсов организации и проведения их слаженной работы по ликвидации негативных явлений с целью получения положительного эффекта. Большую роль в данном случае играет персонал организации, от которого зависит качество и скорость выполнения поставленной задачи, а так же коммуникации на внутреннем и внешнем уровне.

Долгие годы коммуникационный менеджмент занимал второстепенное значение и не изучалось на должном уровне, однако в последнее время всё большее внимание уделяется именно этой области управления организацией. Многие специалисты утверждают, что управление персоналом как часть системы управления организацией является одним из основополагающих элементов развития компании. В данном случае особую значимость для изучения имеет коммуникационный менеджмент, так как именно от построения коммуникаций зависит решение поставленных задач в условиях кризисной ситуации.

Кризисные ситуации, возникающие в организации, могут иметь различную направленность и сценарии развития. Важно, чтобы любая кризисная ситуация имела решение и сопровождалась правильными и логичными действиями руководителя по отношению к своему персоналу.

Внезапные кризисы возникают в случае, когда совершенно нет временных ресурсов для подготовки и планирования возможного решения проблемы, а решение не предполагает заранее утвержденного плана на подобный случай. В данном случае коммуникационный менеджмент подразумевает уточнение всех деталей и обработку всей имеющейся информации для более точной передачи команд персоналу с целью предотвращения недопонимания, конфликтов или задержки в соответствующей реакции.

Возникающий кризис даёт некоторое время для исследования и планирования с целью более точного изучения проблемы и подготовки персонала к возможной ситуации. В данном случае каждый сотрудник

должен знать все поставленные перед ним задачи в случае возникновения данного кризиса. При этом нельзя допустить двусмысленности трактовки поставленных обязанностей. Указанный фактор особо важен в условиях перехода к критической фазе возникшей проблемы.

Постоянные кризисы имеют продолжительный временной период и могут длиться от месяца до нескольких лет. В указанном случае на первый план выходит такое понятие как «слухи». Как правило, слухи являются индикаторами следующих проблем:

- плохое управление конфликтами;
- неправильная тактика использования инноваций;
- неправильное распределение обязанностей;
- диспропорция в оплате труда.

С точки зрения коммуникационного менеджмента слухи несут в себе как положительные, так и отрицательные последствия. Говоря о положительной стороне данного явления, можно сказать, что, во-первых, так или иначе, слухи формируют тесные социальные связи, создавая определенные социальные группы в рамках предприятия. Во-вторых, слухи предоставляют возможность учиться на чужих ошибках. В-третьих, слухи могут выступать индикатором организационной культуры предприятия, показывая её сильные и слабые стороны.

В то же время, не стоит забывать, что это, скорее, негативный элемент для организации и по этой причине несет в себе отрицательные последствия. Во-первых, слухи вредят репутации организации, что особенно важно для публичных компаний. Во-вторых, слухи могут разделить персонал предприятия на враждующие социальные группы. В-третьих, слухи снижают качество выполнения поставленных задач, так как отвлекают персонал от своих непосредственных обязанностей.

Другой кризисной ситуацией для организации являются проблемы при производстве своего продукта или услуги. Ошибки, вызванные в процессе производства довольно частое явление. В данном случае необходимо провести устную работу с персоналом, указав все допущенные ошибки. В случае если ошибка была допущена только одним человеком, необходимо сделать ему замечание только при личной беседе. Данная коммуникационная работа должна проводиться в спокойном состоянии для лучшего усвоения информации.

С точки зрения внешних взаимодействий компания демонстрирует, что она прислушивается к мнению общественности - ведь если общество посчитает, что компания не обращает внимания на его мнение, то и общество перестанет обращать должное внимание на компанию. В случае возникновения кризиса менеджерам организации необходимо выполнить ряд определенных задач по информированию

своих сотрудников.

Французские специалисты говорят о «золотом правиле» коммуникационного менеджмента в условиях кризиса. По их мнению, коммуникации в условиях кризиса организации не могут быть результатом импровизации, они должны учитывать фактор времени, а также основываться на открытости и полноте информации и подчиняться логике дедрамматизации.

По мнению американских специалистов, коммуникационные процессы в организации должны избегать нечестности информации, замалчивания реальных проблем, разглаговольствования, а также конфронтации сторон коммуникационного взаимодействия.

Как показывает практика, персонал организации является одним из важнейших ресурсов организации в условиях кризиса. Стратегия разрешения кризиса не возможна без прочных коммуникационных связей, а, следовательно, должна отслеживаться руководителем или топ-менеджером организации.

В условиях возникновения кризиса в компании, стратегия, направленная на её сотрудников должна включать устойчивые коммуникации. Самое важное в данном случае - сохранять достаточный уровень информированности персонала. Именно показатель информированности персонала может позволить сохранить максимально эффективную работоспособность сотрудников в период кризисной ситуации.

Симонов П. В. разработал информационную теорию эмоций, по которой именно дефицит информации вызывает отрицательные эмоции и волнения сотрудников, что напрямую сказывается на выполнении их работы. По этой причине, необходим постоянный коммуникационный контакт с персоналом, выраженный в периодических выпусках информационных листов, радио- или видеонновостях, в которых будет указана свежая информация об определенных шагах, которые предпринимает компания по решению конкретных проблем и задач.

Коммуникационный менеджмент организации предусматривает налаживание прочных взаимосвязей между самими работниками разными способами. В последнее время особую популярность получили разнонаправленные тесты, тренинги и деловые игры. Данные мероприятия направлены на взаимодействие между сотрудниками, а так же на улучшение внутреннего климата. Кроме этого, данные способы налаживания коммуникационного взаимодействия улучшают морально-психологическую устойчивость и профессиональные качества персонала в условиях кризисной ситуации. Психологи утверждают, что именно после подобных игр, персонал лучше справляется с кризисными ситуациями в организации и быстрее находит способы их решения.

Важно использовать также прямую коммуникацию с персоналом.

Рассматривая коммуникации важно помнить, что существуют не только внутренние коммуникации, но и внешние. Важной частью коммуникационного менеджмента в условиях кризисной ситуации является построение связей с общественностью. Отдел, который занимается работой со средствами массовой информации, должен своевременно сообщать необходимые новости вместе с объяснениями данной информации с целью предотвращения возможной неправильной трактовки.

В процессе разработки плана коммуникации важно помнить, что персонал организации, скорее всего, обсудит с близкими людьми кризисную ситуацию, в которой находится сама организация, несмотря на запрет подобных действий. По этой причине руководству организации следует предусматривать возможность предоставления информации общественности заранее, особенно если данная организация достаточно популярна. Такую деятельность следует проводить через радио, телевидение, интернет, газеты и другие, наиболее востребованные средства массовой информации. Для этого необходимо назначить ответственного сотрудника, который будет работать в этом направлении - одновременно проверяя достоверность информации, предоставляемой в средства массовой информации.

В некоторых случаях следует создать специальную команду сотрудников, которая будет целенаправленно отбирать информационные материалы для их дальнейшего предоставления в средства массовой информации. Данный подход необходим в условиях большого количества предоставляемых данных и особого интереса со стороны общества.

Активную роль в данной команде должны иметь юристы и заместители руководителя с целью контроля возможности или невозможности использования определенной информации. При этом группа людей, занимающаяся работой в сфере коммуникаций, должна быть освобождена от основного вида деятельности на период кризисной ситуации. Это необходимо для того, чтобы сотрудники не отвлекались на второстепенные дела и качественно выполняли новую поставленную задачу.

Другим важным элементом для организации в условиях кризисной ситуации является коммуникация с компаниями-партнёрами. Руководству следует помнить, что компания не существует сама по себе. Она связана большим количеством договоров с другими организациями. Необходимо предоставлять другим организациям всю требуемую информацию с целью предотвращения возникновения конфликтных ситуаций и беспокойства со стороны партнёров. При этом

их следует уверить в активной работе над сложившейся кризисной ситуацией и безопасности дальнейшей взаимной работы. В данном случае стоит помнить об имидже организации, так как важно не только проводить работу по выходу из кризисной ситуации, но и профессионально сообщать о ней своим партнёрам. Любая организация, которая ведет себя не грамотно в подобной ситуации, может утратить доверие к себе навсегда.

По этой причине следует проводить специальные мастер классы по общению со средствами массовой информации и своими бизнес-партнёрами. На подобных встречах, сотрудники узнают, как правильно передавать информацию об организации, а так же изучат все тонкости общения с журналистами и получают новые полезные возможности взаимовыгодного сотрудничества. Кроме того, возможно создание специальных постоянных курсов по общению со средствами массовой информации, которые на постоянной основе будут обучать персонал современным способам передачи информации как внутри организации, так и за её пределами.

По этой причине важно иметь взаимный диалог между руководителями организации и сотрудниками. Особую необходимость данный аспект имеет в период кризисной ситуации. Активные коммуникационные связи позволят персоналу спокойно изучить возникшую проблему и в полной мере принять участие в её устранении, если это возможно. Кроме того, руководитель получит новые способы возможного решения существующего кризиса.

В условиях постоянно изменяющихся социально-экономических условий способность разрешать кризисные ситуации является необходимой частью успешного функционирования организации. По этой причине необходимо детально проверять имеющуюся информацию, а также отслеживать любые изменения, которые могут создать сложности во взаимоотношениях, как между сотрудниками компании, так и между организацией и внешней средой.

Таким образом, коммуникации очень важны для организации в условиях возникновения кризисной ситуации. Роль коммуникационного менеджмента в формировании информационной привлекательности организации представляется важным звеном в его построении и зависит от многих факторов. Внутренние и внешние коммуникации показывают внешней среде уровень и качество взаимодействия между отделами, организациями, печатными изданиями и многими другими субъектами корпоративных отношений, тем самым вызывая положительное или отрицательное отношение к предприятию. Для организации важно сохранять стабильное положение и положительное отношение со стороны потенциальных клиентов, инвесторов и общества.

Список литературы:

1. Абибуллаев И.С. Цели и задачи коммуникационного менеджмента в системе управления торговой организацией // В сборнике: Менеджмент предпринимательской деятельности материалы Четырнадцатой научно-практической конференции. -2016. -С. 31-33.
2. Авдеева И.Л., Базарнова О.А., Боброва Е.А., Вертакова Ю.В., Головина Т.А., Горбова И.Н., Докукина И.А., Жуков А.А., Кыштымова Е.А., Лытнева Н.А., Макарова Ю.Л., Парахина Л.В., Парушина Н.В., Полянин А.В., Соболева Ю.П., Тугачева Л.В., Фомин А.А. Стратегия кадровой политики в эпоху цифровой экономики: Коллективная научная монография / Под общ. редакцией Н.А. Лытневой. Орел, 2019. – 272с.
3. Бакинова Т.Д., Кускеева О.О., Эльдяева Д.Н. Коммуникации в организации // Міжнародний науковий журнал. -2016.- № 5-3. -С. 32-34.
4. Вербицкая Н.О. Коммуникационный менеджмент и его роль в развитии предприятия // В сборнике: Интеграция Республики Крым в систему экономических связей Российской Федерации: теория и практика управления Материалы XII межрегиональной научно-практической конференции с международным участием. - 2016. - С. 187-188.
5. Головина Т.А., Авдеева И.Л., Горбова И.Н., Докукина И.А., Караева Е.Н., Макарова Ю.Л., Парахина Л.В., Полянин А.В., Тугачева Л.В., Тычинская И.А. Концепция общего и стратегического менеджмента: новые вызовы и возможности: Коллективная научная монография / Под редакцией Т.А. Головиной. Орел, 2018. – 196с.
6. Имамкулиев С.Н. Место и роль корпоративных стратегий в системе менеджмента // Экономика и современный менеджмент: теория и практика. - 2015-. № 48-1. -С. 89-97.
7. Романова Ю.Д., Меламуд М.Р., Дьяконова Л.П., Музычкин П.А., Герасимова В.Г., Вокина С.Г., Женова Н.А., Зотов В.А., Лесничая И.Г. Информационные технологии в менеджменте (управлении). - Учебник и практикум / Москва, 2019. Сер. 76 Высшее образование (1-е изд.)
8. Чемоданова О.Н. Роль коммуникационного менеджмента в повышении эффективности управления современными организациями // Экономика и управление: проблемы, решения. - 2015. -Т. 1. № 8. - С. 80-85.
9. Шаройко Ф.В., Чвякин В.А. Организационное поведение в структуре HR-менеджмента //Теоретическая и прикладная экономика. - 2019. -№ 2.- С. 1-9.

Раздел 10

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ ПУБЛИЧНОМУ УПРАВЛЕНИЮ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Полянин А.В., д.э.н., профессор

ФГБОУ ВО «РАНХиГС» Среднерусский институт управления –
филиал, г. Орел

Тугачева Л.В., к.э.н.

ФГБОУ ВО «РАНХиГС» Среднерусский институт управления –
филиал, г. Орел

Меркулов А.В.

ФГБОУ ВО «РАНХиГС» Среднерусский институт управления –
филиал, г. Орел

Цифровая глобализация, принимаемая уже как объективная реальность и, в некоторых случаях, как свершившийся факт, затрагивает абсолютно все сферы жизни общества. Государственное управление, связанное с ключевыми аспектами функционирования общества, также вовлекается в процесс цифровой глобализации. Под цифровизацией государственного управления в настоящее время следует понимать, в первую очередь, перевод процессов и процедур оказания услуг государством населению и бизнесу в цифровой формат. Другой важной частью этого процесса выступают возможности, предоставляемые цифровыми технологиями государственному управлению: трансформация подходов с целью повышения качества в планировании, мониторинге и оценке результатов.

В национальной программе, имеющей статус национального проекта, «Цифровая экономика Российской Федерации» поставлены амбициозные задачи, достижение которых предполагает формирование новых требований к сложившейся традиционной системе государственного управления, построению структуры государственного аппарата и организации взаимодействия элементов. Реализация данной программы осуществляется посредством выполнения ряда федеральных проектов, одним из которых является «Цифровое государственное управление». [2]

Федеральным проектом «Цифровое государственное управление» предусмотрен комплекс мероприятий по изменению процедуры взаимодействия государственных органов власти с гражданами и бизнесом в сторону упрощения процесса оказания услуг, а также по налаживанию сотрудничества и обмена информацией между государственными органами с использованием информационных технологий. В то же время, реализация федерального проекта не

позволяет решить все текущие проблемы, связанные с неэффективностью деятельности госорганов, и полноценно не отвечает на современные цифровые вызовы. [3]

Основная причина этой проблемы заключается в том, что бизнес и государственные органы, функционируя в одной цифровой среде, по-разному относятся к ее инструментам, ограничениям и возможностям. Для представителей бизнеса цифровизация является практически единственным выходом, позволяющим выжить в сложившейся ситуации. Внешние условия, и без того непростые для бизнеса, стали еще более сложными в связи с пандемией COVID-2019. Цифровизация бизнес-процессов и использование цифровых платформ – это инструменты, используемые предприятиями с целью повышения конкурентоспособности и доходности.

Все перспективы развития, открывающиеся предпринимателям с цифровой глобализацией, не являются очевидными для государственного управления в лице государственных органов. Государственные структуры не конкурируют на рынке с частными бизнес-структурами за получателей государственных услуг, величина административных издержек не оказывает влияния на их конкурентные преимущества, а уровень эффективности или неэффективности сервисов оказания услуг, создаваемых в больших количествах, не приводит органы власти к разорению. Этими причинами и определяется низкий уровень эффективности взаимодействия государства с обществом – гражданами и бизнесом – и полноценного подключения его к глобальным цифровым процессам.

Основным направлением глобальной цифровой трансформации является радикальная перестройка алгоритмов деятельности государственных органов с использованием современных цифровых технологий. Адаптация к современным условиям и качественное перспективное планирование возможны только при использовании преимуществ цифровой глобализации в сфере взаимодействия с потребителями услуг и сервисов, применяемым при анализе потребностей и ожиданий рынка. Только системная трансформация государственных управленческих процессов и соответствующая перестройка работы государственных органов позволят получить масштабный положительный эффект от цифровизации.

В настоящее время отмечается частичная завершенность и низкий уровень решения проводимых ранее реформ, среди которых можно выделить:

- административную реформу;
- реформу государственной службы;
- реформу бюджетного сектора;

— создание и развитие электронного и открытого правительства.

Сформировавшиеся за долгие годы и используемые до сих пор негативные управленческие практики препятствуют полноценному использованию современных цифровых технологий в публичном управлении. Наиболее важные неразрешенные задачи в этой сфере представлены на рисунке 1. Приведенные на рисунке причины низкой эффективности публичного управления являются фактором, оказывающим отрицательное влияние на качество трансформации в условиях цифровой глобализации. Следовательно, воздействие именно на эти причины и устранение их рассматривается как первостепенная задача повышения эффективности публичного управления в современных условиях.

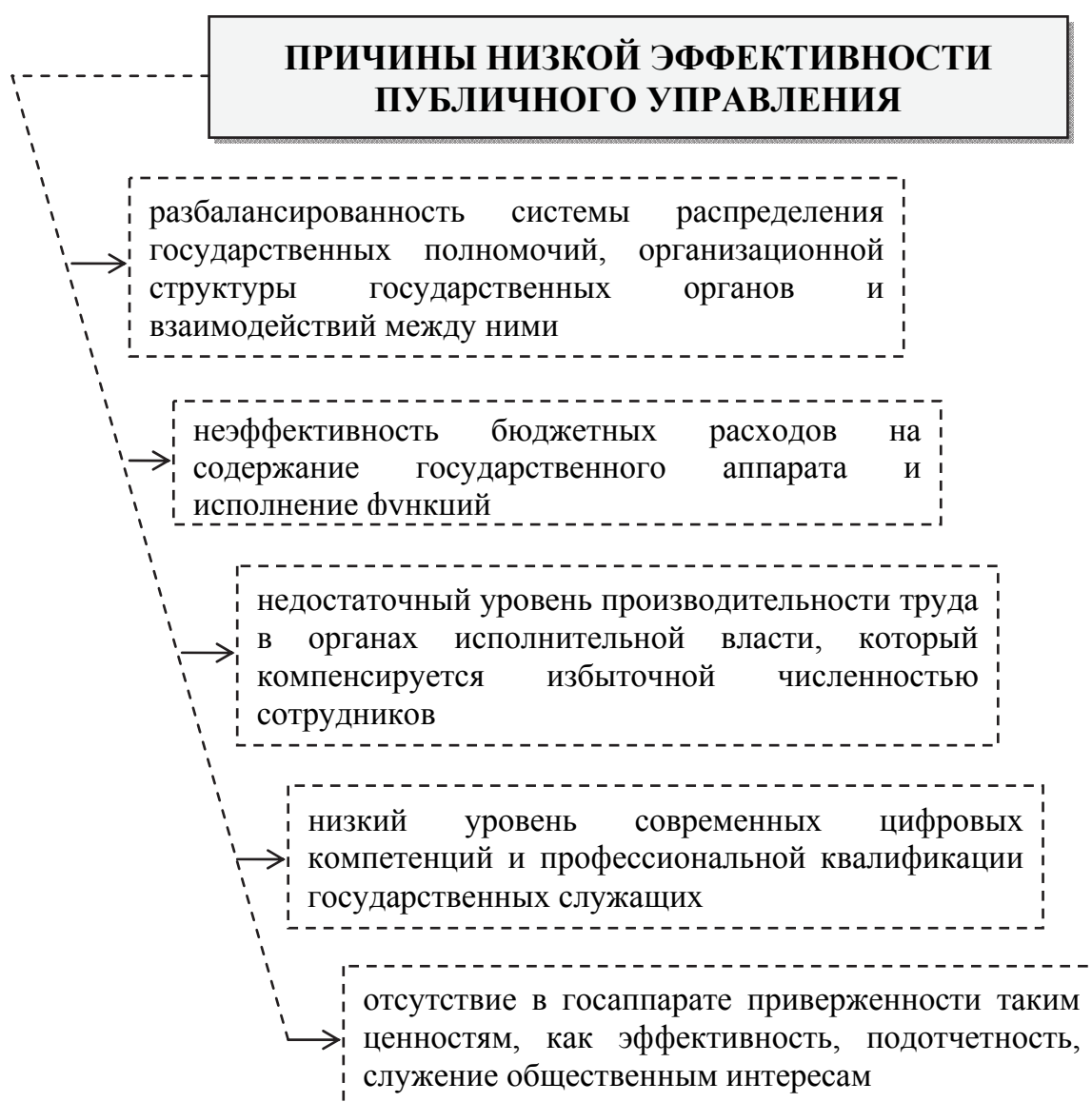

Рисунок 1 – Проблемы, снижающие эффективность публичного управления в условиях цифровой глобализации [1, с. 5]

Среди наиболее крупных препятствий на пути эффективной цифровизации публичного управления следует отметить два взаимосвязанных явления:

1) нерациональное распределение и закрепление полномочий за государственными органами;

2) государственные органы получают материальные, кадровые, финансовые ресурсы для реализации своих функций, но не всегда функции коррелируют с ресурсами, выделенными на их реализацию.

Темпы цифровизации публичного управления должны соответствовать темпам развития современных информационных технологий и уровню владения общества этими технологиями. Отметим, что доля граждан России, получающих государственные услуги электронно, неуклонно растет.

По данным Росстата, за 2019 год этот показатель достиг 77,6% от общего числа обратившихся за получением госуслуг в целом по стране, увеличившись на 2,8 процентных пункта по сравнению с уровнем 2018 года, что соответствует тренду повышения цифровых навыков населения, расширения спектра и роста доступности государственных и муниципальных услуг, предоставляемых гражданам и бизнесу через многофункциональные центры. [6]

Ямало-Ненецкий автономный округ, Московская область, Республика Тыва, Нижегородская область и Республика Башкортостан составляют пятерку лидеров по уровню обратившихся за получением государственных услуг в электронном виде. У Ямало-Ненецкого автономного округа значение показателя составило 91,3%, в следующих трех субъектах Российской Федерации – более 90%, а в Республике Башкортостан – 89,7%.

В сравнении с предыдущим годом следует отметить, что в верхней строке ранжированного ряда анализируемого показателя изменений не произошло. В этом ряду в 2018 году на втором месте находилась Рязанская область (88,6%), которая в отчетном году понизила позицию до 64,7%. Московская область, демонстрирующая второе по уровню значение показателя в 2019 году, характеризовалась 87% -ми в 2018 году.

В Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. №601 установлен минимальный уровень показателя доли граждан, получающих государственные и муниципальные услуги в электронной форме, который должен быть достигнут к 2018 году - 70%. Сопоставив данные 2019 года со значением, установленным в Указе для 2018 года, можно сказать, что в целом по стране минимальный порог показателя был преодолен, однако два федеральных округа в целом, а также 31 субъект Российской Федерации в 2019 году не смогли обеспечить

минимальный установленный уровень доли граждан, получающих государственные и муниципальные услуги в электронной форме. В Северо-Кавказском и Дальневосточном федеральных округах уровень анализируемого показателя в 2019 году составил 63,6% и 66,5% соответственно; наименьшее значение показателя в целом по стране демонстрирует Магаданская область (38,7%), затем идут Республика Крым (43,7%) и Забайкальский край (44,3%).

Среди граждан России от 15 до 72 лет, по данным Росстата, обращались по различным вопросам в органы государственной власти и местного самоуправления 74% респондентов, которым можно было выбрать несколько из предложенных вариантов. В результате исследования было выявлено, что граждане указанной возрастной категории взаимодействовали с органами власти:

1) 57,5% - через интернет-сервисы (посредством официальных сайтов и порталов органов власти) с использованием мобильных устройств, а также с помощью электронной почты и терминалов самообслуживания;

2) 22,5% - через многофункциональные центры предоставления услуг;

3) 21,8% - посредством личного посещения;

4) 1,9% - с использованием других способов, к которым относятся передача информации по почте, факсу. [6]

Таким образом, более половины респондентов выбирало для общения с органами публичного управления современные средства и устройства, использование которых связано с Интернетом.

Отметим, что более четверти респондентов (26%) не взаимодействовало с органами власти ни по каким вопросам. Это достаточно большая величина, и можно предположить, что отсутствие взаимодействия означает несовпадение потребностей и возможностей данных граждан с ресурсами и сервисами, предоставляемыми публичным управлением, либо отсутствие у этих граждан в указанный момент времени каких-либо потребностей вообще.

Для более полного понимания, с кем взаимодействуют органы публичного управления при оказании услуг в цифровой среде, охарактеризуем это население. По данным Росстата, известно, что это россияне в возрасте от 15 до 72 лет. Далее рассмотрим их гендерные характеристики и распределение по территориям проживания.

На рисунке 2 представлено распределение граждан по гендерному признаку. Рисунок 2 наглядно показывает, что во всех федеральных округах доля мужчин, обратившихся за государственными услугами в электронном виде, в процентах от общего количества обратившихся, превышает аналогичный показатель по женщинам. Наибольшее

значение анализируемого показателя, как по женщинам, так и по мужчинам, отмечается в Центральном федеральном округе, что связано, в первую очередь, с присутствием города Москвы в структуре данного федерального округа. На втором месте находится Приволжский федеральный округ, в котором доля мужчин, обратившихся за государственными услугами в электронном виде, составляет 82,1% от общего числа обратившихся, а женщин – 80,7%.

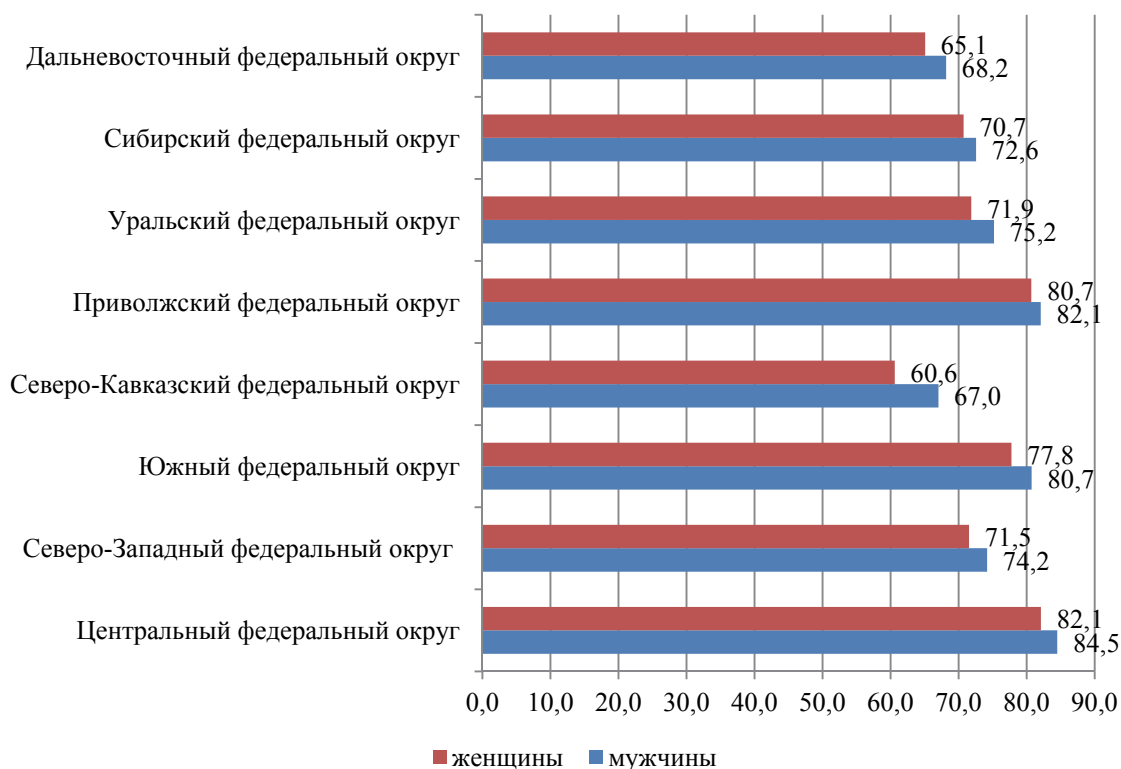

Рисунок 2 - Распределение граждан, обратившихся за получением государственной услуги в электронном виде, по гендерному признаку в 2019 году, % [6]

Наименьшую активность в обращении за государственными услугами в электронном виде демонстрируют женщины Северо-Кавказского федерального округа – 60,6% от общего числа обратившихся за государственными услугами в данном субъекте Российской Федерации.

На рисунке 3 представлено распределение граждан по признаку места проживания.

Наибольшая часть граждан, обратившихся за получением государственной услуги в электронном виде, проживает в городе: 80,7% от общего количества обратившихся в органы публичного управления страны, в то время среди проживающих в сельской местности таких граждан 67%, что меньше минимального установленного в Указе

Президента Российской Федерации уровня.

Наибольший разрыв в уровнях обращения за государственными услугами в электронном виде между жителями города и села наблюдается в Северо-Западном федеральном округе, 16,7 процентных пунктов: 74,9% городских жителей и только 58,2% сельских жителей обратились за услугами, оказываемыми органами публичного управления, в электронной форме.

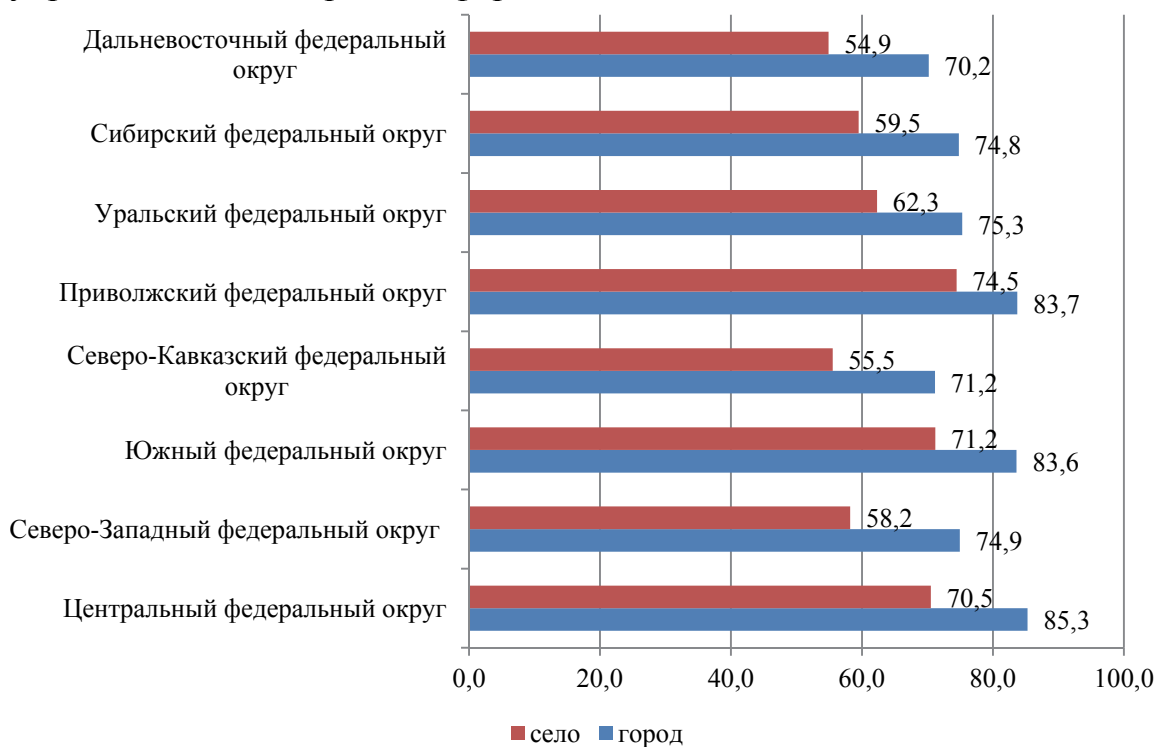

Рисунок 3 - Распределение граждан, обратившихся за получением государственной услуги в электронном виде, по признаку места проживания в 2019 году, % [6]

Наиболее «ровная» ситуация по соотношению граждан, проживающих в городской и сельской местности, обратившихся за государственными и муниципальными услугами в электронном виде, отмечается в Центральном федеральном округе: 85,3% против 70,5%.

Принято считать, что цифровизация, как достаточно новый процесс для всех сфер жизни общества, является панацеей от всех бед, в том числе и от низкой эффективности государственного управления. И основные усилия по трансформации органов публичного управления предпринимаются именно в этом направлении. При этом забывают, что цифровизация и сами цифровые технологии являются только инструментом реализации эффективной государственной политики, использование которого без кардинальной перестройки самой системы управления и пересмотра принципов ее функционирования не может принести ожидаемый результат.

Для российской практики государственного управления проблема ожидания существенных перемен в лучшую сторону и в итоге получения незначительного результата характерна для любой проводимой реформы на протяжении десятилетий. Следует отметить, что этот незначительный результат усугубляется еще и сложившимся подходом к представлению фактических данных по выполнению программ, достижению определенных уровней показателей путем «подгонки» методики мониторинга, анализа данных под ожидаемый эффект, а также сокращением спектра необходимых мероприятий, рассчитанных на решение перспективных задач, до простейшего набора форм сбора информации, контроля и отчетности, носящих бюрократический характер.

В «майских указах» Президента Российской Федерации в 2012 году предусматривалось создание механизмов общественного обсуждения проектов законов и прочих нормативных правовых актов всех уровней публичного управления, а также общегражданской оценки действующих законов и результатов их применения с целью улучшения качества политического участия, общественного самоуправления и контроля. В соответствии с этим поручением был создан портал regulation.gov.ru, призванный решить поставленные Президентом Российской Федерации задачи. Это официальный сайт, на котором размещается информация о разработке органами публичного управления федерального уровня проектов нормативных правовых документов и приводятся результаты их общественного обсуждения.

По данным Высшей школы экономики, выполнившей анализ динамики размещения проектов нормативных правовых документов на указанном сайте и интенсивность общественного обсуждения содержащихся в них положения в период с 2015 по 2018 годы были получены следующие результаты (рисунок 4). В течение четырех лет среди видов общественного обсуждения нормативных правовых документов, размещаемых на портале, лидировало раскрытие информации.

Отметим, что в период с 2015 до 2018 годы граждане высказывали свое мнение, в среднем, по положениям 1,5% размещенных проектов. Причем, по проектам актов, размещаемых на портале regulation.gov.ru для проведения независимой антикоррупционной экспертизы, комментариев практически не поступало: в 2016 – 2017 годы доля проектов, на которые замечания не поступали, составила 100%, в 2015 и 2018 годы – соответственно 99,7 и 99,8%. Эти данные подтверждают неэффективность функционирования данного портала и неспособность этого интернет-инструмента аккумулировать общегражданскую оценку проектов нормативных правовых актов и действующих документов для

принятия решений в сфере публичного управления.

По виду обсуждения проектов нормативных правовых актов «Оценка регулирующего воздействия» в анализируемом периоде сложилась несколько иная ситуация: доля проектов, замечания на которые не поступали, имеет устойчивую отрицательную динамику и в 2018 году составляет 76,4%, против 86,5% в 2015 году [1, с. 19]. Но имеющийся положительный эффект связан не с эффективностью функционирования портала regulation.gov.ru, а с реализацией механизма, предусмотренного Правилами проведения органами публичного управления оценки регулирующего воздействия проектов документов (утв. постановлением Правительства РФ от 17.12.2012 г. № 1318).

Рисунок 4 – Состав проектов нормативных правовых актов, ежегодно размещаемых на портале regulation.gov.ru, по видам общественного обсуждения [1, с. 18]

Цифровое государственное управления ошибочно рассматривается как отдельный объект, функционирующий параллельно с обычной работой органов публичного управления.

Ожидание высокой отдачи от внедрения цифровых технологий связано с тем, что транзакции цифрового формата обходятся пользователям значительно дешевле, чем варианты аналогового формата, бумажного и / или очного.

Интернет-предприниматель Марта Лэйн Фокс, проанализировав электронные услуги правительства Великобритании, получила результаты, показывающие, что замена 30% контактов формата «фронт-офис» по предоставлению государственных услуг на цифровые варианты позволит сэкономить более 1,3 млрд фунтов стерлингов; аналогичная замена 50% услуг принесет экономию более 2,2 млрд фунтов стерлингов.

В отчете об эффективности цифрового правительства, подготовленном правительством Великобритании, указано, что операции в цифровом формате обходятся в 20 раз дешевле по сравнению с вариантом «по телефону», в 30 раз дешевле варианта «по почте» и в 50 раз дешевле варианта «в очном режиме». [5, с. 8]

Но для получения указанного эффекта необходимо соблюдение условия тотального перевода управленческого процесса на цифровую основу. Следовательно, для получения положительного результата цифровизация деятельности органов публичного управления должна охватывать все ее уровни и направления.

Залогом успешной цифровизации является перепроектирование всех процессов, означающее абсолютное исключение традиционных процессов, связанных с «бумажной работой» и очным взаимодействием. Требуется проведение цифрового реинжиниринга и автоматизации процессов, включая рутинные, в органах публичного управления. Необходимо переключение процессов на данные, сервисы и инфраструктуру совместного использования, позволяющие использовать цифровые каналы с максимальной пользой для потребителей (граждан, пользователей) и с высокой эффективностью и продуктивностью для деятельности государственных органов власти.

Издержки затянувшегося переходного периода, являющиеся еще и причиной такого затягивания, выражаются в сохранении бумажных и аналоговых вариантов транзакций при создании электронного правительства, и применении единых правовых норм к обоим вариантам, единовременно существующим и дублирующим одни и те же информацию и процессы.

Примеров этого существует немало. Так, в российских школах с введением электронных журналов и дневников остается обязательным заполнение этих документов в бумажной форме. Аналогичная ситуация сложилась в системе здравоохранения в отношении ведения медицинских карт. Это проявляется и в одинаковых сроках рассмотрения обращений граждан в органы публичного управления, независимо от того, в какой форме поступили документы, бумажной или электронной. В республике Саха (Якутия), Сахалинской области и ряде других субъектов Российской Федерации Книга учета граждан, нуждающихся в жилье, обязательно ведется в двух формах, электронно и на бумажном носителе, в соответствии с требованиями законодательства данных субъектов. До тех пор, пока такие примеры возможны, а возникновение большинства из них соответствует положениям нормативных правовых актов, говорить об эффективном публичном управлении в условиях цифровой глобализации говорить нельзя. Поэтому применение современных технологий в этой сфере

должно полностью исключать варианты дублирования и обеспечивать правовую значимость документов электронного формата, а также изменений в них. Электронный документооборот необходимо организовать как внутри каждого органа власти, так и между ними.

В 2018 году Президент Российской Федерации отметил необходимость создания в стране цифровых платформ, которые будут совместимы с глобальным информационным пространством и позволят повысить эффективность организации производственных процессов, финансовых услуг и логистики. Можно сказать, что акцент был сделан на поддержку бизнес-процессов с помощью этих цифровых ресурсов. Но в настоящее время термин «платформа» стали применять несколько в ином значении, как синоним понятия «государственная информационная система». Также термин «платформа» употребляют, обозначая «информационные ресурсы». В процессы стратегического планирования на государственном уровне все чаще стали включать мероприятия, предполагающие создание цифровых платформ (рисунок 5).

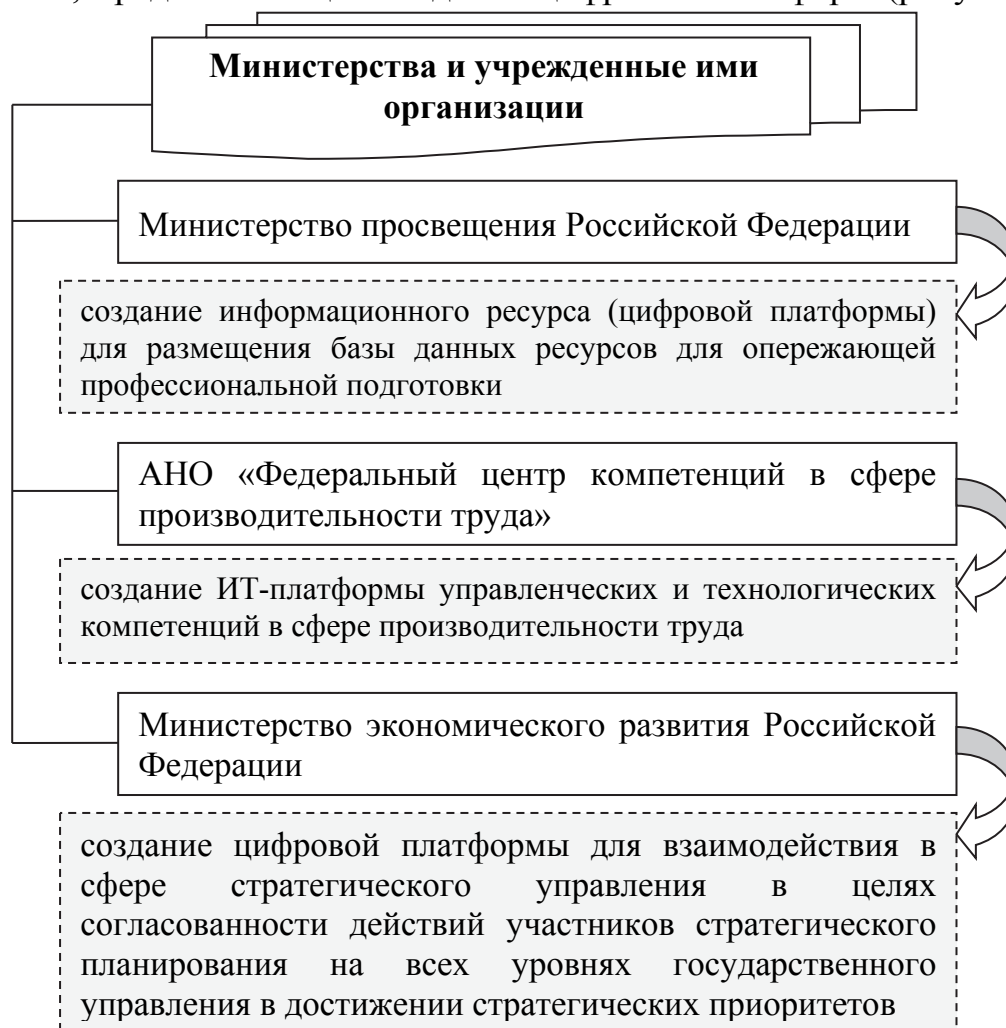

Рисунок 5 – Примеры создания цифровых платформ органами публичного управления

Платформенный подход достаточно развит в коммерческой среде. Начав свою историю с порталов-витрин в 90-х годах XX века, они к настоящему времени выросли до полноправных, а в отдельных случаях и до определяющих условия участников экономических отношений. В 2016 году величина мирового рынка цифровых платформ, оценивалась в 4,3 трлн долларов. Цифровые платформы получают все большее распространение и начинают влиять на экономические процессы. По оценкам экспертов компании McKinsey, в составе десяти основных технологических трендов в бизнесе выделяются многосторонние бизнес-модели, основывающиеся на многосторонних платформах.

Платформенный подход используется в настоящее время как на телекоммуникационных и высокотехнологичных рынках, на которых представлены Google, Microsoft, AWS, SAP, так и на потребительских рынках товаров, к которым применимо определение «экономика совместного потребления».

В связи с этим, следует считать уместным и необходимым распространение платформенного подхода на те области взаимодействия органов публичного управления с потребителями их услуг, где использование платформенного мышления будет способствовать получению положительного эффекта. Выделяют несколько причин успеха платформенного типа бизнес-модели, предопределенных природой этого явления:

1) цифровые платформы созданы для обеспечения взаимодействия пользователей, имеющих разные характеристики;

2) обычно компания-платформа не имеет права собственности на предлагаемый продукт, аналогичная ситуация с услугами; ее предназначением является создание открытой инфраструктуры для участников рынка с прозрачными четкими правилами;

3) цифровые платформы успешны на тех рынках, где присутствует большое количество участников со стороны спроса и предложения, и в других условиях (без платформы) организация их взаимодействия выражалась бы в высоких издержках каждой стороны;

4) оперативность и качество взаимодействия на платформе высоки, а расходы пользователей платформы, наоборот, снижаются по сравнению с их уровнем в условиях традиционных коммуникаций;

5) работа современной цифровой платформы связана с накоплением больших объемов данных, которые в дальнейшем могут быть использованы для оптимизации функционирования этой платформы. [1, с. 24-25]

Указанные причины, являющиеся одновременно ключевыми чертами цифровых платформ, позволили переключить интересы интернет-пользователей с желания стать владельцем собственности на

совместное потребление ресурсов. И цифровые платформы помогли ему, предоставив удобные условия совместного потребления ресурсов и сделал это глобальным трендом.

Существующие в настоящее время в органах государственной власти проблемы тормозят цифровую трансформацию системы публичного управления. Кроме того, негативная практика выполнения ИТ-проектов снижает конкурентоспособность государственных цифровых платформ и увеличивает риски возникновения коррупции и снижения эффективности.

Важной проблемой развития публичного управления в России в условиях цифровой глобализации является нехватка ИТ-специалистов на ключевых местах. Уточним, что ИТ-специалистов на рынке труда представлены в достаточном количестве, но наблюдается нехватка высокооплачиваемых рабочих мест для данной категории персонала. В нашей стране быстрыми темпами растет количество выпускников учебных заведений в области информационно-коммуникационных технологий: специалистов среднего звена, бакалавров, специалистов и магистров. Их количество уже в 2016 году составило 4,7% от общего количества выпускников и сравнялось с уровнем этого показателя в развитых странах. Количество выпускаемых ИТ-специалистов продолжает расти.

Количество бюджетных мест в системе высшего образования для обучающихся 2019 года набора по специальностям «Компьютерные и информационные науки», «Информатика и вычислительная техника», «Информационная безопасность» составило 11% от общего количества бюджетных мест на бакалавриате и специалитете.

Соотношение количества студентов, принятых на направление подготовки «Информатика и вычислительная техника», с численностью населения увеличилось в четыре раза с 2010 по 2017 годы. [1, с. 32-33]

Можно предположить, что большое количество ИТ-специалистов, не востребованных в своей стране, будет искать работу в других странах, тем более что их квалификация и специфика специальности, а также глобальная цифровизация всех процессов позволяют это делать.

Таким образом, критически важным является определение подхода, который будет применен при разработке и внедрении цифровых технологий и решений в органах публичного управления. Выбор правильного направления цифрового решения является сложным по причине невозможности выявления и оценки всех рисков, а также из-за особенностей цифровизации, представляющих опасность для трансформации органов власти. Эти сложности выражаются в следующем.

1. Децентрализация закупок ИТ-решений привела к тому, что

органы власти перешли от использования единой закупочной политики к перераспределению ИТ-бюджетов. Они могут распределяться по подведомственным учреждениям или по различным ИТ-проектам. Примером такой децентрализации решений является закупка медицинских электронных сервисов. Медицинские учреждения, расположенные в субъектах Российской Федерации, закупают сервисы записи к врачу и прочие сервисы. Итогом становится огромное количество одинаковых закупок, дифференцированных по стоимости контрактов.

Так, сервис записи к врачу может обойтись в сумму от 10–12 тыс. рублей, как это произошло в Тосно, Выборге Ленинградской области, до 400 тыс. рублей, как в Ижевске, Королеве Московской области. В период с 2012 по 2018 годы создание одного сервиса (запись к врачу) стоило более 300 млн. рублей. Дополнительными расходами стали затраты на информационные системы, в состав которых этот сервис входит как подсистема.

Ситуация усугубляется тем, что специфика ИТ-проектов позволяет использовать информационную систему или сервис для реализации функций центров обслуживания граждан в других отраслях социальной сферы, а не только в поликлиниках. Поэтому единожды разработанный на средства централизованного бюджета ИТ-проект мог бы эффективно использоваться в социальной сфере.

2. Зачастую мониторинг запланированных эффектов проводится с использованием некорректных методик расчета показателей. Так, показатель доли граждан, обратившихся за государственными или муниципальными услугами в электронной форме, рассчитан по некорректной методике, существенно искажавшей реальную картину получения гражданами и представителями бизнеса услуг в электронном виде. Целевой показатель определяется по агрегированной информации, учитывающей все группы услуг. В реальности доля электронных обращений может быть разной по группам услуг. Большинство услуг, за получением которых в электронном виде обращаются граждане, относится к информационным, например запись и отмена записи на прием к врачу, получение информации о штрафах и прочие. [1, с. 34-35]

Как было отмечено выше, выбор правильного направления цифрового решения является сложным по причине невозможности выявления и оценки всех рисков. Основным риском, который проявился неожиданно и резко обозначил слабые места общества и государства, стало трудноконтролируемое распространение коронавирусной инфекции COVID-2019, признанное пандемией 11 марта 2020 года Всемирной организацией здравоохранения.

В этих условиях перед органами публичного управления остро

стала задача стабилизации ситуации, предотвращения распространения коронавирусной инфекции и оказания поддержки соответствующей поддержки гражданам и бизнесу.

Агентством стратегических инициатив была организована площадка по сбору и верификации экспертных мнений по снижению негативных последствий и реализации возможностей, связанных с распространением коронавирусной инфекции. «Риски и возможности COVID-19 для России» - это двухнедельный проект по обмену мнениями между экспертами, публикующими свою точку зрения и оценивающими идеи других участников.

Направления обсуждения: риски и возможности для граждан, общества, бизнеса, государства, городов и региональных властей. За 10 дней работы площадки на ней зарегистрировалось более 300 экспертов, которые поделились более чем 700 мнениями и комментариями. На основе оценок и комментариев формируются выводы о поддержке сообществом тех или иных мнений.

По результатам работы экспертов, которая продлится до 10 апреля 2020 года, Агентством стратегических инициатив будет подготовлен комплекс предложений, помогающий сформировать наиболее полную картину рисков и возможностей текущей ситуации; результаты проекта будут обработаны и переданы в соответствующие органы власти. [4]

По каждому направлению обсуждения, кроме направления, связанного с государством, выделяются следующие блоки:

1. Риски: какие риски несет ситуация с коронавирусом?
2. Возможности: какие возможности предоставляет ситуация с коронавирусом?
3. Хеджирование рисков: какие существуют возможности хеджирования рисков (кроме медицинских)?
4. Меры: какие меры должны предпринять органы публичного управления?

Проанализировав выборку данных в таблице 1, можно сделать вывод, что наиболее интересными для обсуждения и генерации идей эксперты сочли направления «Риски и возможности для бизнеса» и «Риски и возможности для граждан», в рамках которых было высказано соответственно 27 и 26% от общего количества мнений.

Наименее популярным стало направление «Риски и возможности для городов и региональных властей», в рамках которого было опубликовано 71 экспертное мнение, или 11 % от общего количества. Основой высказываемых экспертами мнений по различным направлениям обсуждения является дистанционный формат коммуникаций.

Таблица 1 – Информация о популярных идеях экспертов проекта «Риски и возможности COVID-19 для России», относящихся к сфере публичного управления*

Направление обсуждения / предложенные идеи	Количество экспертных мнений	Количество экспертов, поддержавших идею	Возможность цифровизации процесса
1. Риски и возможности для граждан	172	х	х
1.1 Риски	61	х	х
- сокращение рабочих мест системе образования при переходе на дистанционное обучение	х	8	х
1.2 Возможности	45	х	х
- развитие рынка удаленных форматов работы	х	10	да
1.3 Хеджирование рисков	23	х	х
- удаленное обучение и повышение квалификации	х	11	да
1.4 Меры	43	х	х
- создание дополнительных дистанционных рабочих мест за счет увеличения государственного заказа	х	10	да
- выделение телевизионных каналов для транслирования онлайн-уроков	х	9	да
2. Риски и возможности для бизнеса	182	х	х
2.1 Риски	40	х	х
- исчезновение среднего и малого бизнеса	х	7	х
2.2 Возможности	47	х	х
- появление новых ниш, в том числе и с использованием цифровых платформ	х	7	да
2.3 Хеджирование рисков	23	х	х
- государственная поддержка реализации совместных проектов с хеджированием рисков	х	6	да
2.4 Меры	72	х	х
- досрочная актуализация реестра субъектов МСП (запланировано на 10.08.2020)	х	9	да
3. Риски и возможности для общества	114	х	х
3.1 Риски	42	х	х
- снижение качества образования	х	10	х
3.2 Возможности	47	х	х
- усиление положительного отношения к цифровому развитию и дистанционным технологиям	х	8	да
3.3 Снижение рисков	25	х	х
- отказ от официальной корреспонденции в бумажном виде и создание официальных электронных почтовых сервисов	х	14	да
4. Риски и возможности для государства	128	х	х
4.1 Вызовы, какие меры должны быть приняты	36	х	х
- внедрение единой федеральной системы прокторинга в системе высшего образования	х	6	да

Продолжение таблицы 1

Направление обсуждения / предложенные идеи	Количество экспертных мнений	Количество экспертов, поддержавших идею	Возможность цифровизации процесса
4.2 Проблемные отрасли	17	х	х
- туризм, пассажирские перевозки	х	4	да
4.3 Потенциал и меры по его развитию	18	х	х
- поддержка медиков	х	6	да
- программа «Эко Фермер»	х	6	да
4.4 Инновации, меры поддержки	14	х	х
- публичная материальная поддержка инновационных групп	х	4	да
- введение электронного аналога «юридического адреса»	х	4	да
4.5 Возможности	43	х	х
- актуализация порядка работы с обращениями граждан и создание официального электронного почтового сервиса для бизнеса и граждан	х	11	да
5. Риски и возможности для городов и региональных властей	71	х	х
5.1 Вызовы	32	х	х
- высокая плотность населения повышает риск роста пандемии	х	5	х
5.2 Возможности	24	х	х
- ускорение перехода на технологии удалённого доступа к рабочим местам в тех сферах деятельности, где это может произойти без потери эффективности: юридические услуги: подготовка документов, экспертиза, консалтинг и т.д.	х	8	да
5.3 Хеджирование рисков	15	х	х
- обмен лучшими практиками управления городами / регионами через интернет-платформы	х	4	да

* Составлено автором по материалам работы площадки обмена экспертными мнениями «Риски и возможности COVID-19 для России» [4]

Во всех экспертных мнениях, высказанных по разным направлениям обсуждения, прослеживаются проблемы, затрагивающие сферу публичного управления. Кроме этого, все выявленные возможности, а также предлагаемые меры по улучшению ситуации, в том числе варианты хеджирования рисков, в настоящее время или имеют под собой цифровую основу или в ближайшее время могут быть переведены в цифровой формат.

Подводя итог проведенному исследованию, отметим, что проблема полноценной цифровой трансформации деятельности органов власти в настоящее время актуальна. Сложившаяся в начале 2020 года ситуация с пандемией коронавирусной инфекции заставила по-новому взглянуть на традиционные формы коммуникаций и явилась катализатором процесса цифровой глобализации в сфере публичного управления.

Список литературы:

1. Цифровая трансформация государственного управления: мифы и реальность [Текст]: докл. к XX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г. / Д.Ю. Двинских, Н.Е. Дмитриева, А.Б. Жулин и др.; под общ. ред. Н.Е. Дмитриевой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 43, [1] с.

2. Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»», утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7. [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328854/

3. Паспорт федерального проекта «Цифровое государственное управление», утв. президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 28.05.2019 № 9 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328938/

4. Агентство стратегических инициатив. Площадка по обмену экспертными мнениями о последствиях пандемии COVID-2019 для России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://asi.wikivote.ru>

5. Доклад Всемирного банка «Цифровое правительство – 2020: перспективы для России», 2016. – 79с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.iis.ru/docs/DigitalGovernmentRussia2020RUS.pdf>

6. Росстат. Официальный сайт [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.gks.ru>

Раздел 11
ИНСТРУМЕНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Пролубников А.В. к.э.н., доцент

ФГКВОУ ВО «Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулёва», г. Санкт-Петербург

Роль государства в экономике в настоящее время переживает глубокую трансформацию, обусловленную происходящими технологическими, организационными, социальными и экономическими изменениями [6].

Рассмотрим отдельные аспекты этой трансформации более детально:

Во-первых, государство перестает быть функциональным, т.е. ориентированным на выполнение собственных задач, и постепенно становится сервисным, т.е. предоставляющим разного рода услуги населению и хозяйствующим субъектам [27, 31, 25]. По сути дела, это означает возврат к первоначальной роли государства как провайдера тех услуг, организовать оказание которых силами частных структур экономически неэффективно, затруднительно с организационной точки зрения или чревато нежелательными социальными последствиями. Это ведет к пересмотру отношений между государством и обществом вообще (и экономическими агентами в частности). Государство в этой ситуации не использует население, организации и бизнес для достижения своих целей, а создает условия для наиболее эффективного функционирования и взаимодействия в обществе и экономике.

Это, в частности, предполагает высокий уровень ответственности государства перед обществом и бизнесом за выполнение взятых на себя государством обязанностей. В реальности, разумеется, картина носит более сложный характер. Если представить функциональную и сервисную модель государства как два полюса одного континуума, то реальное государство находится где-то в промежутке между этими полюсами. Однако в настоящее время существует устойчивая тенденция к движению государства в сторону сервисной модели – разумеется, с сохранением, в большей или меньшей степени, элементов функционального подхода.

Во-вторых, развитие технологий [2, 5, 9, 14, 32, 34] ведет к трансформации взаимодействия государства и общества (и бизнеса). С одной стороны, государство получает в свое распоряжение эффективный инструмент практически тотального контроля над

населением и хозяйствующими субъектами: современные цифровые технологии позволяют надежно отследить поведение любого человека и фирмы, выявить любой денежный перевод или иную транзакцию и т.д. Это может привести к новому уровню контроля над экономикой со стороны государства – контролю, который был невозможен в плановой экономике (традиционно считающейся примером тотального контроля над народным хозяйством со стороны государства), что позволяет поставить вопрос о том, как именно этот контроль будет использоваться.

С другой стороны, использование «электронного правительства» и «электронной демократии» [1, 4, 23, 29, 35] делают возможным механизм обратной связи между правительством и населением (бизнесом) и упрощают контроль со стороны общества над реализацией политики (в т.ч. и экономической). Наконец, повышается прозрачность деятельности государства для населения и хозяйствующих субъектов. Перевод ряда процессов в цифровой формат упрощает сбор и использование информации о них не только для государства, но и для сторонних организаций. Отметим, что государство само повышает прозрачность информации о своей хозяйственной деятельности – например, переходя к электронной модели организации государственных закупок;

В-третьих, государство сегодня становится не только регулятором хозяйственной деятельности и исполнителем тех функций, реализация которых на рыночной основе затруднительна (компенсатором провалов рынка), но и активным рыночным игроком. Прямо, косвенно (через подконтрольные структуры) или организационно (через распределение подрядов) контролируя крупные компании в разных отраслях экономики (примером из российской практики могут быть лидирующие компании из ключевых для нашей страны сфер – «Роснефть» на рынке нефти, «Газпром» на рынке газа и «Сбербанк» на финансовом рынке контролируются государством прямо, а сеть супермаркетов «Магнит» – косвенно, через принадлежащий государству банк «ВТБ»), государство тем самым, с одной стороны, усиливает свой потенциал как регулятора народного хозяйства, а с другой стороны, вовлекается в конфликт интересов между своими функциями как регулятора и инвестора в социально значимые проекты и своими запросами как собственника и рыночного игрока.

Примером здесь может быть выход банка ВТБ на рынок зерновой логистики и фактическое получение контроля над вывозом наиболее значимого для нашей страны экспортного вида продукции сельского хозяйства. Зерновая логистика в России уже была достаточно развита и представляет собой высокодоходный бизнес, и вытеснение из него

частных игроков может создавать угрозы для эффективности функционирования зернового рынка. Напротив, существует множество видов сельскохозяйственной и биоресурсной логистики, которые имеют большое значение для продовольственной безопасности государства (овощехранилища [12], рыбная логистика [10] и т.д.), которые нуждаются в поддержке со стороны государства, но куда государственные компании не идут. Подчеркнем, что это явление наблюдается не только в России, для которой традиционно высока роль государства в экономике. Например, нашумевший проект Илона Маска по разработке ракеты-носителя Falcon во многом был реализован благодаря контрактной поддержке со стороны НАСА.

Имеет место и обратный процесс. Масштабность стоящих перед государством задач в сочетании с ограниченностью бюджетных средств и недостаточной компетентностью органов государственного управления в ряде областей ведут к тому, что государство все шире привлекает к выполнению своих функций частные коммерческие структуры на основе таких инструментов, как государственно-частное партнерство (ГЧП) и аутсорсинг [3, 7, 25]. Это сращивание государства и частного капитала (отражающее переход современной экономики на стадию государственно-монополистического капитализма, что было описано в трудах В.И. Ленина [16], к идеологической основе исследований которого можно относиться со скепсисом, но в чьей экономической компетентности сомневаться, по мнению автора, не следует) вызвано ростом инвестиций, необходимых для реализации современных инвестиционных и инновационных проектов, и потребностью в обеспечении приемлемого уровня доходности, рисков и гарантий соблюдения интересов для частного капитала;

В-четвертых, общество частично берет на себя выполнение функций государства, чему благоприятствуют развитие технологий (упрощающее информационное взаимодействие) и рост социальной ответственности населения. Точнее будет сказать, что общество в настоящее время частично компенсирует неспособность государства компенсировать провалы рынка. Традиционно именно государство занималось мобилизацией ресурсов для решения тех проблем, которые было сложно устранить на рыночной основе (инфраструктура, образование, здравоохранение, пенсионное и социальное обеспечение и т.д.). Однако важным недостатком решения этих проблем силами государства являются высокий уровень бюрократизма и обезличенности. Выбор задач для решения и выделяемый на них объем ресурсов определяется органами государственного управления, зачастую – в отрыве от реальных потребностей тех людей и организаций, в интересах которых формально решаются

соответствующие проблемы. Именно по этой причине возникают провалы государства.

Общество частично берет на себя устранение наиболее значимых, по его мнению, провалов. Речь, прежде всего, идет о волонтерской и благотворительной деятельности, тем не менее, важен сам тренд: общество готово активно участвовать в решении значимых задач (как финансово, так и организационно). В этой связи интересно подчеркнуть, что общество в современных условиях берет на себя и компенсацию провалов рынка, т.е. реализацию проектов, привлечь ресурсы для которых на рыночной основе было бы невозможно. Мы в данном случае говорим о предпринимательских идеях, которые были осуществлены благодаря такому инструменту, как краудфандинг [19].

И в этом случае это не только благотворительные и креативные проекты, но и проекты с ярко выраженной инновационной и производственной составляющей. Это означает, что общество готово финансировать те проекты, которые представляются для него значимыми. Иными словами, общество готово быть источником ресурсов для инновационных проектов, и необходимо создавать механизмы для того, чтобы эти ресурсы использовались систематически, не для отдельных креативных предпринимательских идей, а в интересах национальной экономики в целом.

Эти изменения неизбежно влияют на подходы к разработке экономической политики государства и на механизм ее реализации. Кроме того, они создают дополнительные риски, связанные с тем, что новые инструменты и модели взаимодействия будут использоваться неэффективно. В предлагаемой работе мы анализируем то, как должны трансформироваться содержание и механизм реализации экономической политики государства в новых технологических, экономических и социальных условиях.

Перечисленные выше изменения во взаимодействии государства, общества и бизнеса позволяют констатировать наличие следующих ключевых тенденций:

1. Растет информационная прозрачность взаимодействий. Перевод большинства операций в цифровой формат сделал возможным сбор и обработку информации о всех взаимодействиях и значительно упростил контроль над ними;

2. Резко выросла информационная связность основных стейкхолдеров экономической политики (государства, общества и хозяйствующих субъектов). Это связано с внедрением новых технологических (интернет) и организационных (электронное правительство и электронная демократия) инструментов для упрощения передачи информации;

3. Увеличивается организационная взаимосвязь стейкхолдеров экономической политики. Государство владеет крупнейшими компаниями или косвенно контролирует их деятельность через механизм госзаказа. Частный бизнес активно вовлекается в решение тех задач, которые традиционно относились к прерогативе государства (например, развитие инфраструктуры), причем делает это в партнерстве с государством. Общество переходит от роли простого поставщика рабочей силы и потребителей конечной продукции к роли со-организатора значимых хозяйственных и социальных проектов;

4. Меняются ожидания экономических агентов и общества от деятельности государства. Государство становится источником услуг, необходимых для полноценного функционирования общества и экономики.

Сказанное означает, что в настоящее время в национальной экономике формируется сложная, взаимосвязанная экосистема, состоящая из государства, экономических агентов (как коммерческих, так и некоммерческих организаций), элитных групп и общества, при этом, что очень важно, в такой системе отсутствует отчетливо выраженный доминирующий игрок. Разумеется, государство обладает большими ресурсами, чем остальные игроки, однако оно в ряде ситуаций становится всего лишь первым среди равных. Зачастую на приоритетном соблюдении своих интересов могут настоять отдельные ведущие компании или элитные социальные группировки. Примером такой экосистемы на микроуровне (точнее, на региональном уровне) являются кластеры, представляющие собой сложное переплетение организаций и групп без отчетливой вертикали власти [17, 18].

Мы полагаем, что такие экосистемы сейчас возникают и на национальном уровне. Снова повторимся, что, хотя у государства и есть вертикаль власти, однако она не пронизывает все сферы функционирования общества и экономики. При этом возрастает роль других стейкхолдеров государственной политики, которые, к тому же, ожидают, что эта вертикаль власти будет использоваться не для исключительного обслуживания государственных интересов, а для удовлетворения потребностей стейкхолдеров.

Можно утверждать, что государственная вертикаль управления уже не является единственной вертикалью власти в современном мире, при этом одновременно резко возрастает количество и роль горизонтальных связей. Именно это многообразие связей обуславливает как резкий рост связности, так и трансформацию моделей взаимодействия между стейкхолдерами государственной экономической политики.

Очевидно, что основные исторически сложившиеся модели

формирования и реализации государственной экономической политики (дирижистская, при которой государство напрямую руководит экономикой, и либеральная, при которой государство ограничивается созданием правил игры и стимулов) оказываются неадекватными современным условиям. Дирижистская модель предполагает чрезмерное усиление роли государства (и неизбежное при этом неэффективное использование ресурсов на содержание контролирующего аппарата), тогда как либеральный подход, напротив, не соответствует ни ожиданиям общества от сервисного государства, ни возросшему потенциалу технологических и организационных инструментов.

Мы можем констатировать, что государство в настоящее время сталкивается с проблемой перехода к новому технологическому (и одновременно – социальному и экономическому) укладу. Иными словами, речь идет о поиске новой роли государства и новой модели его функционирования (и, если говорить о проблемах более частного характера, о новом подходе к формированию и реализации государственной экономической политики), соответствующей условиям нового технологического уклада (ТУ). Трансформацию переживает вся мирохозяйственная система, и, очевидно, что должна трансформироваться и модель функционирования государства.

Интересно отметить, что в условиях нового ТУ у органов власти возникает сильный соблазн использовать инновационные технологические инструменты не в целях повышения эффективности национальной экономики, а для достижения собственных целей государства. С одной стороны, современные технологии, делающие прозрачными любые взаимодействия между хозяйствующими субъектами, позволяют осуществлять полный контроль над экономикой. Однако этот контроль пока имеет преимущественно фискальный характер [21]. Государство стремится повысить налоговые изъятия (и, тем самым, нарастить свою ресурсную базу), выводя из тени те транзакции, информация о которых в доцифровую эпоху была недоступна (или ее получение было связано со слишком высокими издержками).

Формально здесь речь идет о соблюдении законности, однако, во-первых, изъятие денег из экономики снижает инвестиционный потенциал бизнеса и покупательскую способность домохозяйств (что ведет к ограничению экономического роста), и, во-вторых, полученные государством дополнительные финансовые ресурсы используются непрозрачно. Такое использование цифровых технологий может показаться разновидностью дирижистского подхода, однако это не так – речь идет об усилении фискального контроля над экономикой, а не о

повышении качества управления ею (иными словами, государство использует новый инструментарий ограниченно, только для усиления контроля над деятельностью хозяйствующих субъектов, а не для регулирования национальной экономики в целом).

Частичным оправданием для такого поведения государства может служить то, что оно, будучи заинтересованным в т.ч. и в собственной эффективности, в первую очередь реализует те меры, связанные с использованием технологических инноваций, который принесут максимальный экономический эффект в краткосрочной перспективе. Внедрение цифровых технологий налогового контроля позволяет получить такой эффект. Важно, чтобы трансформация государства не ограничивалась этим, а вела и к применению новых технологий в области формирования и реализации государственной политики.

Мы полагаем, что государство в новом ТУ должно пройти через ту же трансформацию, через которую прошла фирма, превратившаяся из жестко управляемого, полностью контролирующего используемые в своей хозяйственной деятельности производственные ресурсы и противопоставленная своей внешней среде рыночного игрока в платформу или экосистему (именно платформы и экосистемы считаются формами организации, соответствующими новому ТУ [30]).

Наш тезис можно развить далее. Как показано в исследованиях, для каждого технологического уклада характерна своя форма функционирования экономической организации [22]. Вряд ли будет ошибкой утверждать, что каждому ТУ соответствует также своя форма функционирования государства (как специфической разновидности организации). Отсюда следует естественный вывод, что государство должно перейти от вертикальной иерархической структуры, организующей деятельность национальной экономики для достижения национальных интересов (т.е. от структуры, содержательно соответствующей фирме, координирующей свою цепочку поставок – именно такая модель экономической организации была характерна для предшествующего ТУ), к платформе (или, возможно, к экосистеме), обеспечивающей эффективное взаимодействие основных стейкхолдеров государственной политики (в т.ч. и экономической). Именно организация такой платформы (экосистемы), создание правил ее деятельности и контроль над поведением взаимодействующих субъектов должен быть целью государственной экономической политики.

Подобная платформа ни в коем случае не противоречит реализуемой государством тенденции к росту прозрачности хозяйственной деятельности – напротив, именно переключение на платформенное взаимодействие между стейкхолдерами

государственной экономической политики приведет к большей прозрачности. При этом использование нового технологического и организационного инструментария не будет ограничиваться фискальными функциями, а будет охватывать все сферы взаимодействия экономических агентов, что, с одной стороны, позволит государству эффективно регулировать национальную экономику, а с другой стороны – даст возможность хозяйствующим субъектам активно вовлекать государство в решение своих задач. В некотором смысле можно будет говорить о новой модели государственно-частного партнерства – более гибкой и более эффективной. Это будет своего рода виртуальное государственно-частное партнерство (аналог виртуальных предприятий, хорошо известных в бизнесе [13]), создаваемое под решение конкретных задач (что соответствует ярко выраженной тенденции к виртуализации хозяйствующих субъектов).

Благодаря новым технологическим инструментам, государство сможет сотрудничать даже с малыми субъектами предпринимательства (что может создать мощный стимул для развития частного бизнеса), тогда как небольшие компании получают доступ к государственным ресурсам (государственный заказ, экспортное продвижение, технологические разработки, находящиеся в государственной собственности, юридическая поддержка). Что очень важно, поддержку бизнеса можно будет сделать гибкой и точечной (что потребует, разумеется, внесения соответствующих изменений в законодательство). Это будет своего рода инверсия электронной фискальной системы – государство будет не только взимать деньги с хозяйствующих субъектов, но и распределять между ними меры поддержки (на основе детального анализа сведений о деятельности этих субъектов, которая будет доступна благодаря электронным системам контроля).

Этот подход предполагает как технологическую, так и организационную перестройку модели государственного регулирования экономики. С технологической точки зрения, организуется гибкая система информационного обмена между всеми стейкхолдерами государственной экономической политики на основе цифровых технологий. Государство, тем самым, получает возможность воздействовать как на хозяйствующие субъекты (как по отдельности, так и на их определенные совокупности), так и на их взаимосвязи. Что касается организационной составляющей, то у государства возникает возможность довести свои меры по регулированию национальной экономики до отдельных субъектов предпринимательства и формировать хозяйственные объединения, направленные на достижение целей государственной экономической политики. Такая платформа создает основу для функционирования национальной экономики как

единого целого.

Может показаться, что платформенная модель экономики представляет собой возрождение планового хозяйства времен СССР с его стремлением довести контроль до отдельного предприятия и единой национальной экономикой, полностью администрируемой государством. Сходство подкрепляется тем, что платформам нередко приписывают социалистическую или даже коммунистическую природу. Однако это не так. Платформенная модель не предполагает государственной собственности на все производственные активы – она призвана повысить эффективность капиталистической экономики, в которой присутствует частная собственность на средства производства, свободный рынок и конкуренция. В ней не ставятся директивные цели и не планируется деятельность каждого предприятия – контроль сохраняется за собственниками и назначенными ими менеджментом. Наконец, в платформенной модели отдельное предприятие не является исключительно объектом управления – оно представляет собой самостоятельного участника совместных действий по реализации задач государственной экономической политики.

Это, в частности, достигается благодаря развитой двусторонней связи (в т.ч. при помощи электронного правительства), за счет чего отдельные организации могут влиять как на содержание государственной экономической политики, так и на выбор инструментов ее реализации. Платформа призвана повысить эффективность взаимодействия стейкхолдеров государственной экономической политики друг с другом и дать государству инструмент по гибкому регулированию национальной экономики и координированию деятельности хозяйствующих субъектов. Роль такой платформы – предложить участникам хозяйственной деятельности услуги по координации их усилий для достижения совместных целей в рамках государственной политики. Это – дальнейшее развитие концепции сервисного государства (отметим, что в этом случае принципиально меняется подход к пониманию сущности налогов, которые приобретают, по крайней мере, частично, роль платы за услуги по координации).

Интересно подчеркнуть, что в рамках плановой экономики идея платформенной модели государственной экономической политики реализована быть не могла, поскольку в такой экономике отсутствует ключевой элемент платформы – свободные рыночные агенты. При этом, как уже было сказано, платформенная модель, благодаря использованию инновационных цифровых технологий, может, в случае необходимости, обеспечить такой уровень контроля над народным хозяйством, который в плановой экономике был невозможен. Однако

возможности контроля над экономикой со стороны государства в нормальной ситуации (при отсутствии чрезвычайных ситуаций и т.д.) нивелируются, во-первых, наличием у предприятий и организаций свободы принятия управленческих решений, во-вторых, возможностью рыночных игроков влиять на формирование государственной экономической политики за счет механизма обратной связи, и, в-третьих, отсутствием у государства стремления наращивать свои транзакционные издержки за счет полного переключения управления экономикой на себя.

В полном виде платформенный подход к регулированию национальной экономики пока не был реализован ни в одной стране мира. Тем не менее, его отдельные элементы уже представлены в ряде государств, в т.ч. и в России (такие, например, как электронные платформы государственных закупок [8], электронные системы государственных услуг).

Определенное сходство с нашей концепцией имеют проекты разработки технологических платформ [15] – однако они все же скорее продолжают дирижистский подход (выстраивание мощных компаний и отраслей в критических важных для национальной безопасности и национальной экономики областях), чем отражают платформенный подход к управлению национальной экономикой. Тем не менее, по крайней мере часть этих технологических платформ может быть использована в качестве инфраструктурной базы для государственной платформенной экономической политики [24, 28, 33].

Частный бизнес продвинулся в создании платформ гораздо дальше, однако, очевидно, эти платформы служат коммерческим интересам их владельцев. Государство могло бы, с одной стороны, учитывая опыт уже внедренных отдельных электронных и сетевых инструментов регулирования национальной экономики, а с другой – опираясь на модели функционирования частных платформ, создать государственную платформу (экосистему) поддержки народного хозяйства.

На основе вышеизложенного, мы провели сравнительный анализ различных подходов к формированию и реализации экономической политики, базирующихся на различных методологических и идеологических основаниях, и представили его в форме таблицы. Изучение и творческое использование представленных в ней данных, по нашему мнению, позволяет не только сформировать разностороннее научно обоснованное представление о сущности трансформаций экономической политики в современных условиях, но и дать практически полезные выводы для реализации государственной экономической политики в современной России.

Таблица 1 – Сравнительный анализ различных подходов к формированию и реализации экономической политики

Признак для сравнения	Дирижистский подход	Либеральный подход	Платформенный подход
Цели	Целенаправленное выстраивание предприятий и отраслей, претендующих на глобальное лидерство	Создание условий для эффективного функционирования национального бизнеса и возникновения у него устойчивых конкурентных преимуществ	Создание условий для эффективного использования государственных и частных ресурсов путем их гибкого оптимального комбинирования
Инструменты	Административный контроль над экономикой (с приоритетным вниманием отраслям и предприятиям, претендующим на лидерство)	Система институтов, стимулов и ограничений, поощряющих развитие бизнеса	Платформенная инфраструктура для взаимодействия стейкхолдеров государственной экономической политики
Преимущества	Благоприятен для догоняющего развития и технологического рывка. Удобен в ситуации ресурсных ограничений	Обеспечивает хозяйствующим субъектам прозрачную среду ведения бизнеса	Создание инфраструктуры ведения бизнеса с сохранением государственного контроля над ее функционированием
Недостатки	Непрозрачность распределения ресурсов. Риски неэффективного использования ресурсов. Высокие затраты на контроль. Риски огосударствления экономики	Требует для своего существования системы эффективных рыночных и государственных институтов	Сложность освоения в силу инновационного характера. Риски внедрения разного рода рейтингов на произвольной основе. Высокие издержки на обеспечение информационной безопасности. Ориентация на повышение эффективности уже существующего бизнеса, а не на создание нового

Задачи платформы государственной экономической политики (данный перечень не является исчерпывающим, мы назвали лишь те функции, наличие которых на платформе имеет первостепенное значение), по нашему мнению, следующие:

- нормативно-правовое сопровождение деятельности хозяйствующих субъектов (включая содействие в выполнении норм действующего законодательства). В идеале для каждой компании может быть сформирован ее юридический профиль (систематизированный анализ ее потребностей в нормативно-правовом сопровождении с рекомендациями по их удовлетворению). Это сопровождение носит как информационно-консультационный (предоставление необходимой информации по юридической поддержке деятельности предприятия), так и технологический (автоматизированный контроль над соблюдением компанией норм действующего законодательства с возможностью их принудительного исполнения на основе регуляторных технологий – Regtech [26]) характер;

- содействие в подборе оптимального контрагента с учетом специфических потребностей конкретного предприятия (в роли контрагента могут выступать поставщик, потребитель, банк, орган исполнительной власти, отвечающий за регулирование той или иной сферы деятельности, и т.д.). Эта функция включает в себя предоставление информации о потенциальных контрагентах. В случае необходимости (например, при возникновении потребности в усилении государственного контроля над экономикой) эта функция может быть использована для принудительного выстраивания производственных цепочек в интересах обеспечения национальной безопасности. Наличие этой функции показывает, что настройки платформы государственного регулирования экономики могут быть разными для разных экономических и политических ситуаций. В случае необходимости перевода национальной экономики на военные рельсы или при введении чрезвычайной ситуации такая платформа может быть использована для мобилизации предприятий. Можно будет говорить о своего рода «информационной реквизиции» компаний или их активов – формально оставаясь в частной собственности, они поступят под полный контроль государства, который будет обеспечиваться при помощи регуляторных технологий;

- предоставление инструментария для выстраивания взаимодействия между контрагентами (консультационная помощь, рекомендации по оптимальной производственной цепочке, в случае необходимости – логистическая, юридическая и платежная инфраструктура; для соответствующих функций могут привлекаться внешние исполнители). В частности, на этой платформе может быть

реализована система «умных контрактов» по технологии блокчейн [20], которая будет обеспечивать соблюдение участниками хозяйственной деятельности своих контрактных обязательств. «Умные контракты» обеспечивают в данном случае двойную гарантию добросовестности предприятий: за счет технологии блокчейн и благодаря тому, что сама платформа управляется государством как гарантом законности. Эта функция может представлять собой мягкое «подталкивание» бизнеса к принятию выгодных для него решений, которые одновременно способствовали бы достижению государственных целей [11].

Обработка информации о поведении субъектов предпринимательства при помощи больших данных и искусственного интеллекта позволит идентифицировать рыночные профили компаний и на основе их рекомендовать для каждой компании те варианты поведения компаний, которые, соответствуя интересам бизнеса, будут при этом содействовать достижению целей государственной экономической политики. Мы полагаем, что именно за счет такого мягкого «подталкивания» бизнес будет встраиваться в достижение целей государственной экономической политики на национальном, региональном, муниципальном и отраслевом уровнях. Заметим, при этом, что платформа может предоставлять в распоряжение пользователей необходимую для них логистическую, юридическую или платежную инфраструктуру, однако ей не обязательно самой быть ее оператором. Она может привлекать для этих целей внешние сервисы, а сама выступать в качестве удобной надстройки (интерфейса) над ними, интегрируя их в общий сервисный пакет;

- инструментарий многостороннего взаимодействия стейкхолдеров государственной экономической политики, которая позволит согласовывать их интересы (например, для обеспечения регионального развития или противодействия кризису). По сути дела, речь идет о выходе «электронного правительства» на новый уровень развития и об его встраивании в данную платформу.

Внедрение платформы государственной экономической политики не означает, что государство откажется от других инструментов регулирования экономики. Реальное народное хозяйство многоукладно (в т.ч. и с технологической точки зрения), доминирование одного уклада не исключает сохранения пережитков (порой весьма значительных) предшествующих ТУ, и инструменты регулирования национальной экономики должны отражать эту многоукладность. Заметим, что, как показывает, российский (а до этого – советский) опыт регулирования народного хозяйства, сохранение его многоукладности способствует росту его устойчивости в критической ситуации, повышенной резистентности к внешним и внутренним шокам.

Кроме того, в отдельных случаях использование платформенного подхода приведет не к снижению, а к росту транзакционных издержек. В частности, при регулировании деятельности системно значимых предприятий более целесообразным нам представляется использование двустороннего («государство – компания»), а не многостороннего (платформенного) взаимодействия, поскольку это позволит повысить эффективность государственной экономической политики применительно к таким компаниям. Это, однако, не исключает того, что данные системно значимые предприятия будут использовать эту платформу в своих интересах.

Разумеется, предлагаемая нами платформенная модель реализации государственной политики не является идеальной, ей присущ ряд недостатков, приведенных в таблице. Ключевым из них, по нашему мнению, является то, что платформы ориентированы преимущественно на перераспределение имеющегося ресурса, а не на создание нового. Тем не менее, в нашей модели этот недостаток не имеет большого значения.

Предлагаемая платформа будет представлять собой удобную инфраструктуру для ведения бизнеса, ее наличие повысит инвестиционную привлекательность нашей страны и сделает возможным создание новых предприятий, а, следовательно, будет способствовать устойчивому и эффективному социально-экономическому развитию.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать нам следующие выводы:

- переход к новому технологическому укладу требует соответствующей трансформации государства в целом и инструментария формирования и реализации государственной экономической политики, чтобы он соответствовал изменившимся социальным, экономическим и технологическим условиям;

- в качестве инструмента реализации государственной экономической политики мы предлагаем соответствующую платформу, которая сделает более эффективным взаимодействие между государством, хозяйствующими субъектами и обществом. Именно платформы (и экосистемы) являются формой организации, соответствующей новому технологическому укладу;

- данная платформа должна обеспечивать доступ ко всей инфраструктуре, необходимой для организации экономических взаимодействий;

- платформа может обеспечивать разный уровень контроля над национальной экономикой со стороны государства. В обычных условиях речь может идти о координации деятельности хозяйствующих

субъектов. Хотя эта цель не является приоритетной, данная платформа может быть использована для «информационной мобилизации» национальной экономики в случае чрезвычайных ситуаций. Использование Regtech позволит настроить взаимодействие компаний так, что оно будет направлено на реализацию задач государственной экономической политики (без ущерба для достижения собственных предпринимательских целей компаний);

- несмотря на то, что внедрение такой платформы связано со значительными издержками (на формирование соответствующей инфраструктуры и обеспечение ее функционирования и безопасности), служит источником новых рисков (прежде всего, по причине киберугроз) и может повлечь за собой опасения со стороны общества и рыночных игроков относительно чрезмерно строгого контроля над национальной экономикой, внедрять ее все-таки необходимо. В противном случае инструментарий внедрения и реализации государственной экономической политики будет в нашей стране намного менее эффективным из-за его технологической отсталости.

Список литературы:

1. Безуглая Л.А. Институциональная среда интернет-коммуникаций в рамках электронного правительства как базового института информационной экономики // Terra Economicus. – 2013. – Т. 11. – № 1-2. – С. 14-17.
2. Бодрунов С.Д., Демиденко Д.С., Плотников В.А. Реиндустриализация и становление «цифровой экономики»: гармонизация тенденций через процесс инновационного развития // Управленческое консультирование. – 2018. – № 2. – С. 43-54.
3. Варнавский В.Г. Государственно-частное партнерство: некоторые вопросы методологии // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2009. – № 3. – С. 17-33.
4. Вассерман Е.В. Электронное государство как фактор редуцирования неопределенности в условиях информатизации общества // Terra Economicus. – 2013. – Т. 11. – № 4-2. – С. 27-32.
5. Волкова А.А., Плотников В.А., Рукинов М.В. Цифровая экономика: сущность явления, проблемы и риски формирования и развития // Управленческое консультирование. – 2019. – № 4 (124). – С. 38-49.
6. Глазьев С.Ю. Перспективы становления в мире нового VI технологического уклада // Мир (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2010. – № 2. – С. 4-10.
7. Горбань Т.С. Развитие инфраструктуры в рамках государственно-частного партнерства // Экономика и

предпринимательство. – 2015. – № 12-4. – С. 45-47.

8. Князьнеделин Р.А., Бекмурзаев И.Д., Титов В.А. Повышение эффективности системы государственных закупок на основе цифровых платформ // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2019. – № 2. – С. 53-61.

9. Коломыцева О.Ю., Плотников В.А. Специфика обеспечения экономической безопасности предприятий в условиях цифровизации экономики // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2019. – № 5-1. – С. 75-83.

10. Котляров И.Д. Интеграция в рыбной отрасли как инструмент обеспечения ее развития // Вестник Тихоокеанского государственного экономического университета. – 2013. – № 1. – С. 48-56.

11. Котляров И.Д. Сетевое сотрудничество в агропроме как инструмент развития сельского хозяйства // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2015. – № 2. – С. 13.

12. Котляров И.Д. Феномен виртуальных потребительских кооперативов // Общество и экономика. – 2016. – № 12. – С. 75-82.

13. Кузнецов Н.В., Лесных Ю.Г. Цифровизация информационной поддержки принятия решений в сфере государственного управления // Общество: политика, экономика, право. – 2020. – № 1. – С. 30-35.

14. Курбанов А.Х., Плотников В.А. Государственно-частное партнерство и аутсорсинг: сравнительный анализ структуры и характера отношений // В мире научных открытий. – 2013. – № 4. – С. 33-47.

15. Ларин С.Н., Агабабян А.Г. Анализ опыта использования инструментария технологических платформ для развития инноваций в Европейском Союзе и информационные возможности его применения в России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2014. – Т. 10. – № 10. – С. 59-68.

16. Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма / В кн.: / В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. Издание пятое. Т. 27. – М.: Издательство политической литературы, 1973. – С. 299-426.

17. Миндлин Ю.Б. Экономическая сущность кластеров // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. – 2011. – № 1. – С. 3-7.

18. Миндлин Ю.Б. Кластеры: анализ экономико-организационной природы // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. – 2015. – № 3-4. – С. 31-34.

19. Мотовилов О.В. Феномен краудфандинга: исследование

особенностей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. – 2018. – Т. 34. – № 2. – С. 298-316.

20. Нурмухаметов Р.К., Степанов П.Д., Новикова Т.Р. Технология блокчейн: сущность, виды, использование в российской практике // Деньги и кредит. – 2017. – № 12. – С. 101-103.

21. Огородникова И.И. Цифровая трансформация налогового контроля: эволюция и тенденция // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2019. – № 46. – С. 152-162.

22. Орехова С.В., Заруцкая В.С. Интеграция бизнеса: эволюция подходов и новая методология // Журнал экономической теории. – 2019. – Т. 16. – № 3. – С. 554-574.

23. Парфенчик А.А. Использование социальных сетей в государственном управлении // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2017. – № 2. – С. 186-200.

24. Перечень технологических платформ (утвержден решениями Правительственной комиссии по высоким технологиям и инновациям от 1 апреля 2011 г., протокол № 2, от 5 июля 2011 г., протокол № 3, решением президиума Правительственной комиссии по высоким технологиям и инновациям от 21 февраля 2012 г., протокол № 2). Доступно онлайн по адресу: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/innovations/formation/doc20120403_11. Проверено 02.12.2019.

25. Поветкина Н.А., Леднева Ю.В. «Финтех» и «регтех»: границы правового регулирования // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – № 2. – С. 46-67.

26. Поспелова Е.А., Казакова М.В. Применение концепции New Public Management в России // Государственная служба. – 2015. – № 2. – С. 22-26.

27. Постановление Правительства РФ от 18.04.2016 г. № 317 «О реализации Национальной технологической инициативы». Доступно онлайн по адресу: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_196930. Проверено 02.12.2019.

28. Ревякин С.А. Функциональность электронных платформ общественного участия: причем здесь социальные сети? // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2019. – № 3. – С. 88-106.

29. Срничек Н. Капитализм платформ. – М.: ВШЭ, 2020. – 128 с.

30. Сунаева Ю.В. Оценка услуг государственного сектора по методике SERVQUAL // Социальная политика и социология. – 2019. – № 18. – С. 80-88.

31. Устюжанина Е.В., Сигарев А.В., Шеин Р.А. Цифровая экономика как новая парадигма экономического развития // Экономический анализ: теория и практика. – 2017. – Т. 16. – № 12. – С. 2238-2253.
32. Филин С.А. Стратегические технологические платформы как основа технологической безопасности России в будущем // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2019. – Т. 15. – № 1. – С. 18-34.
33. Шваб К. Четвертая промышленная революция. – М.: Эксмо, 2016. – 208 с.
34. Швецов А.Н., Рысина В.Н. Цифровизация госуправления в России на фоне лучшего зарубежного опыта // ЭКО. – 2020. – № 2. – С. 60-80.
35. Эмиров Н.Д., Степочкина М.Д. Государственно-частное партнерство – эффективный инструмент развития регионов России // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2015. – № 1. – С. 228-232.
36. Южаков В.В., Бойков В.Э., Добролюбова Е.И., Покида А.Н., Зыбуновская Н.В. На пути к сервисному государству: удовлетворенность получателей государственных услуг // Экономическая политика. – 2014. – № 3. – С. 116-142.

Раздел 12
ЦИФРОВЫЕ ПЛАТФОРМЫ
КАК ИНСТРУМЕНТ ТРАНСФОРМАЦИИ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Руденко М. Н., д.э.н., профессор
ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный
исследовательский университет», г. Пермь

Носкова О.Е.
ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный
исследовательский университет», г. Пермь

Беспрецедентно быстрые темпы развития и распространения инноваций в двадцать первом веке вносят кардинальные изменения в жизнь общества: под воздействием четвертой промышленной революции и массового внедрения информационно-телекоммуникационных технологий происходит становление новой системы социально-экономических отношений, основанной на применении масштабного количества данных, и направленной на создание новых производств, платформ, моделей управления, новых рынков и новых потребителей.

Растущее требование повышения качества жизнедеятельности общества не может быть удовлетворено действующими экономическими механизмами: изменение потребительских ценностей и интенсивность конкуренции на традиционных рынках, обуславливают необходимость постоянного поиска инновационных решений, ведущих к возникновению новых бизнес-моделей, в основе которых лежат скорость обмена, доступность и защищенность информации.

Драйверами повышения эффективности бизнес-процессов становятся информационные системы сбора клиентской информации, мобильные цифровые сервисы, дополнительные и принципиально новые цифровые продукты – все это в совокупности с эффективностью социальных сетей, агрегированием спроса порождает сетевой эффект (экономия за счет роста спроса), являющийся основным источником ценности и конкурентным преимуществом в бизнесе.

Снимая как пространственные, так и временные ограничения, современные цифровые технологии, объединяют покупателей и производителей в интерактивной экосистеме, и позволяют создавать и распространять поразительный объем ценности для пользователей.

Трансформация природы экономико-производственных отношений происходит, в том числе, на основе платформенной модели ведения бизнеса, которой присущи такие признаки как: эффективное

масштабирование при исключении посредников, раскрытие новых источников создания и передачи ценностей, увеличение каналов обратной связи. Созданные в экономическом пространстве цифровые платформы позволяют решать вопросы стратегического характера во всех областях производственно-хозяйственной деятельности: производстве, менеджменте, маркетинге, финансах, и нацелены на повышение эффективности и конкурентоспособности бизнеса и экономики в целом.

Таким образом, процесс внедрения платформ в практическую деятельность государственных и бизнес-структур становится объективной необходимостью, что в свою очередь, обосновывает актуальность исследования проблем дальнейшего развития моделей ведения бизнеса, основанных на цифровых платформах, так как именно данные инновационные технологии являются неотъемлемой составляющей процесса диджитализации экономики.

По мнению автора, основная цель создания цифровых платформ - обеспечение многостороннего взаимовыгодного взаимодействия пользователей по обмену информацией и ценностями на основе интегрированной информационной системы, что, в конечном итоге ведет к снижению транзакционных издержек участников платформы, оптимизации бизнес-процессов и повышению эффективности цепочки поставок товаров и услуг в единой информационной среде при значимости количества предполагаемых участников деятельности, использующих платформу для взаимодействия. Отличительными характеристиками платформы являются:

- наличие сетевого эффекта - процесс роста клиентской базы платформы является саморазвивающимся (действующие пользователи привлекают прямо или косвенно новых пользователей);

- отсутствие необходимости перехода пользователя с одной платформы на другую;

- наличие позитивных обратных связей между ростом базы потребителей и базы поставщиков (если потребителей стало больше, то приводит ли это к тому, что и поставщиков на платформе станет больше, и наоборот).

Развитие цифровых сервисов и платформ выгодно для компаний производителей товаров и услуг тем, что наличие собственных цифровых платформ и сервисов приводит к устранению посредников и образованию прямых каналов сбыта продукции, снижению маркетинговых затрат, увеличению объема рынка и открытию возможности для лучшего анализа предпочтений потребителей посредством удобной системы сбора данных. [7, стр. 25]

Бизнес на основе цифровых платформ, нацелен на удовлетворение

потребности конкретного человека, что делает конкретного человека участником экономической жизни общества. Ориентация на запросы человека способствует повышению эффективности социальной направленности развития общества [6, стр. 52].

Кроме того, экономический эффект использования цифровой платформы заключается в следующем:

- повсеместной автоматизации основных и вспомогательных бизнес-процессов,
- повышение качества процессов принятия решения за счет совершенствования автоматизированных систем и использования искусственного интеллекта,
- формировании и функционировании среды для развития новых форм экономических транзакций,
- повышение качества использования имеющихся ресурсов за счет оперативного процесса контроля на всех этапах жизненного цикла товаров и услуг,
- мультипликативном эффекте развития цифровых технологий,
- ускорение экономических циклов [2, стр. 60].

Повышая скорость воспроизводственных процессов, создание цифровых платформ ведет к росту овеществленного труда, что способствует повышению производительности труда и к ускоренному кругообороту капитала, как вещественного, так и интеллектуального. В структуре человеческого капитала преобладают знания и навыки информационных технологий, сетевых систем и программных продуктов [6, стр. 56].

Проявление действия закона стоимости при сетевой экономике выражается в том, что обмен товаров учитывает снижение их стоимости в результате использования платформ ИКТ [6, стр. 56]. Так, появление агрегаторов такси таких как Uber, Yandex.taxi привело к снижению стоимости поездки для клиента в 4-5 раз. При этом речь идет не о простом снижении затрат на услуги, а о качественном преобразовании всего процесса многочисленного обмена товаров на цифровой основе. В мобильных приложениях агрегаторов заказа такси путем заключения smart-контракта происходит согласование стоимости спроса и предложения, что повышает оперативность сферы обращения товаров, работ и услуг в обществе.

Однако, цифровая среда несет в себе и риски сдерживания успехов рыночных преобразований: цифровая платформа, являясь одновременно точкой входа для потребителей и каналом продаж для предпринимателей, создает мультипликативный эффект, заключающийся в том, что оператор платформы обладает монопольной властью не только над рынком собственных услуг, но и на других

рынках, связанных с платформой [6, стр. 56]. Так российская транснациональная компания «Яндекс» активно осваивает все сферы деятельности, активно используя цифровые платформы и сервисы в своей работе: на сегодня компания имеет в своем ведении большое количество информационных сервисов и платформ, таких как «Яндекс.Такси», «Яндекс.Недвижимость», «Яндекс.Деньги», «Авто.ру», «Яндекс.Работа», «Яндекс.Дзень», «Яндекс.Драйв» и т.д.

Представленные преимущества платформенной модели бизнеса, а также риски характеризуют экономический интерес бизнеса и государства к наращиванию инвестиций в цифровые платформы, так как это увеличивает результативность как индивидуального труда (предприятие, отрасль) так и совокупного труда в обществе. Поэтому те предприятия, которые не будут стремиться к увеличению использования ИКТ в производственной жизни, тот будет терять конкурентные преимущества, оставаться на старой ступени развития.

Как результат, вопросы организационной трансформации предприятия, являющейся следствием развития информационных технологий, приобретают высокую актуальность. Однако, как показывает анализ теоретических и методических разработок по вопросам цифровой трансформации предприятия как социально-экономической системы, на сегодня основное внимание исследователей направлено на моделирование трансформации на макроэкономическом уровне или в разрезе отраслей, можно отметить лишь единицы исследований, направленных на поиск решения вопросов цифровой трансформации отдельной организации.

Одной из наиболее широко применяемых за рубежом моделей трансформации является модель преобразований Н. Венкатрамана [4], состоящая из пяти уровней, расположенных в порядке их воздействия на организацию (рисунок 1).

Отправной точкой трансформации являются отдельные виды деятельности, отдельные функции управления предприятия. Базовыми информационными технологиями на данном уровне трансформации бизнеса являются офисные приложения, программное обеспечение по финансовому планированию, производству или управлению запасами, т.е. отдельной функциональной сфере деятельности предприятия. Данные преобразования в компании не предполагают существенной трансформации бизнеса и сосредоточены на внутриорганизационных преобразованиях [4]. Типичность и ограниченность применения информационных технологий способствует лишь незначительным изменениям на предприятии, их использование не создает существенных конкурентных преимуществ.

Рисунок 1 – Модель бизнес-преобразований Н. Венкатрамана [4]

В качестве примеров информационных систем второго уровня можно назвать программные пакеты, реализующие функционал системы планирования ресурсов предприятия (ERP), корпоративные хранилища данных (Data Warehouse), т.е. основная цель данного уровня - интеграция различных подсистем и функционалов организации, кросс-функциональный обмен информацией, что позволяет сбалансировать и оптимизировать использование ресурсов организации [4].

Для более высокой степени интеграции с целью создания конкурентных преимуществ организации трансформируют бизнес-процессы на основе данных об «узких местах», полученных в интегрированных информационных системах. Но и здесь трансформации подвергаются только внутриорганизационные процессы.

В фокусе следующего уровня - трансформация межорганизационного взаимодействия. Происходит полная перестройка бизнес-сети с целью повышения эффективности взаимодействия между организациями [4]. На данном уровне трансформации стратегическое видение конкурентных преимуществ организации рассматривается с позиции партнерства с другими организациями, включающего совместное планирование, координацию и сотрудничество в совместных проектах, обмен необходимой информацией и знаниями [4].

Изменение бизнес-модели и стратегии заключается в поисках новых возможностей выхода на новые рынки, производства новых продуктов и услуг на принципах партнерства. Базисом определения стратегии и бизнес-модели организации является внедрение информационных технологий путем оцифровки аналоговых

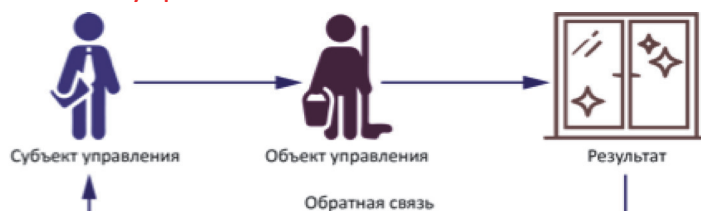
источников. И здесь уже речь идет о трансформации всего бизнеса, а также внешних заинтересованных лиц посредством межорганизационных преобразований.

В рамках анализа моделей цифровой трансформации предприятия необходимо отметить диссертацию Грибанова Ю.И., посвященную теоретическим и методическим аспектам трансформации социально-экономических систем в условиях цифровизации.

Как отмечает автор исследования, использование цифровой платформы как набора интегрированных инструментов, основанных на современных цифровых технологиях, направлено на упрощение самого процесса управления организацией как внутри, так и во внешнем окружении социально-экономической системы, кардинально меняя как способ хозяйствования, так и роли субъектов и характер их взаимодействия [3]. Данные выводы позволяют охарактеризовать цифровую платформу как интеллектуальную структурную единицу, функцией которой является управление каждым сотрудником социально-экономической системы, или как элемент механизма более глобальной системы, посредством руководства принципами, которые закладываются оператором платформы [3].

В исследовании показана значительная трансформация функций управления, самой сути менеджмента, что связано, прежде всего, с тем, что стратегическим ресурсом предприятия становятся знания и компетенции, а не информация.

Традиционная схема управления

Упг

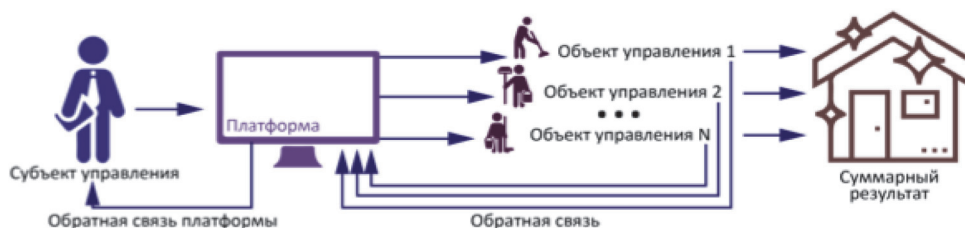

Рисунок 2 – Эволюция понятия управления в цифровой экономике [3]

Сравнение традиционной схемы управления и управления в цифровой экономике (рисунок 2) позволило автору сделать вывод о том,

что основой цифровой экономики становится «управление системой горизонтальных и вертикальных связей, узлов, между равноправными членами организации, которая обеспечивает доступ, оперативный обмен информацией, ресурсами и кооперации для достижения целей сетевой организации», т.е. сетевое управление, переводя иерархию управления в сетевой формат.

Связано это с тем, что в сферах НИОКР, инноваций, маркетинга и цифровизации большое значение имеют коммуникации, обмен идеями, как результат, распространение получают гибкие и плоские сетевые структуры вместо жестких организационных структур, достаточно широко распространенных на сегодня в компаниях. Основное преимущество новых сетевых структур – снижение транзакционных издержек, характерных для жестких структур. Так, по оценкам отдельных исследователей, время взаимодействия в жестких структурах распределяется следующим образом: 20 % – на выполнение работы, 80% – на передачу ее результатов следующему исполнителю [4]. В инновационных оргструктурах за счет роста горизонтальных связей скорость коммуникаций будет возрастать, что делает их более актуальными.

Изменение функций управления предприятия ведет к процессно-функциональным преобразованиям, которые связаны, во-первых, с автоматизацией и переходом в цифровую форму типовых циклических процессов, во-вторых, с сокращением этапности, звенности, порядка выполнения и продолжительности бизнес-процессов, приобретение ими бесшовности.

В качестве примера можно привести нацеленность нефтедобывающих компаний на создание так называемых «умных месторождений», «безлюдное производство», включающие программы по обработке больших объёмов данных, полную автоматизацию цепочки процессов, облачные ИТ. Так, по данным Vygon Consulting, в России функционирует 27 умных месторождений, крупнейшие ВИНК разрабатывают собственные технологические стратегии, создают современные инжиниринговые центры.

Организуется новый бизнес-процесс – сбор и машинный анализ больших объемов цифровых данных для принятия управленческих решений. Так, по данным аудиторской компании EY, компании нефтегазового сектора одними из первых начали использовать электронную вычислительную технику: в начале 1990-х годов конструируемые с помощью компьютера трехмерные сейсмические модели позволили снизить затраты на поиск новых месторождений в среднем на 40%, в результате за короткий период времени объемы прироста доказанных запасов выросли в среднем в 2,5 раза. По мере

совершенствования компьютерных технологий, сфера их применения в нефтегазовой отрасли расширилась далеко за пределы обработки и визуализации сейсморазведочных данных.

Таким образом, использование цифровых инноваций позволяет свести к минимуму дискретность бизнес-процессов, обеспечить их интеграцию при переводе из физического состояния в цифровое, сохранить единство и целостность бизнес-процесса независимо от того, сколько исполнителей, функциональных сфер и структурных подразделений задействованы в его реализации, сократить транзакционные издержки [1, стр. 23].

Под воздействием цифровых технологий происходит расширение традиционных функций управления предприятием, например, маркетинговая функция приобрела дополнительный вектор развития за счет SMM-маркетинга, финансовая – за счет онлайн биллинга и т.д. [1, стр. 24]

Цифровые преобразования предприятия как социально-экономической системы неизбежно повлекут кадровые изменения – приведут к высвобождению персонала, ранее занятого выполнением упраздняемых (или автоматизируемых) функций и процессов, потребуют повышения квалификации, переобучения, развития цифровой грамотности и освоения новых компетенций штатными работниками промышленных комплексов [1, стр. 24].

С точки зрения стратегического управления цифровые платформы имеют двойное значение: с одной стороны, это самостоятельная инновационная составляющая развития, а с другой стороны, это фундаментальное условие и возможности для различных видов и форм других направлений инновационного и социального развития [6, стр. 61].

Если рассматривать особенности процесса стратегического управления предприятием как социально-экономической системы в условиях цифровой экономики, стоит отметить, что его отличительными характеристиками становятся:

1. Изменение сроков планирования: скорость внедрения инноваций сокращается, и, если ранее период планирования охватывал 5-7 (и более) лет, то на сегодня долгосрочное прогнозирование и стратегическое планирование теряет свою эффективность. Как результат, происходит сокращение эффективного горизонта планирования стратегии институциональных преобразований, что также связано с «ростом числа цифровых инноваций, которые в своей совокупности постоянно меняют траекторию развития глобальной экономической системы, формируют в ней множество точек бифуркации и генерируют значительное число непрогнозируемых

сценариев трансформации рынков, технологий, товаров и услуг [1, стр. 22]

В то же время, высокая динамика цифровых инноваций ведет к «ускорению износа и сокращению жизненного цикла ключевых материальных и нематериальных активов промышленных комплексов» [1, стр. 22]. При этом речь идет в большей степени о моральном износе.

2. При традиционном SWOT-анализе необходимо учитывать как новые возможности, так и угрозы, которые несет за собой цифровая экономика. Кардинально меняются методы конкурентной борьбы, что связано с тем, что цифровая экономика ликвидирует границы между отраслями, обеспечивая формирование единой кроссфункциональной среды. В качестве примера достаточно привести стратегию диверсификации ПАО «Сбербанк», который на сегодня является не только «кредитной организацией», а «интеллектуальной» организацией, функционирующей на других, не связанных с основной деятельностью рынках. Например, аудиторией запущенного осенью 2018 г. совместно с «Яндекс» маркетплейса «Беру» уже на конец 2019 г. составляла более 1 миллиона человек в день, а товарооборот превысил 4 миллиарда рублей в месяц. По данным сайта «Википедия», на сайте представлено более 4 тысячи продавцов.

Таким образом, данная способность цифровой экономики менять конкурентные начала на рынках расширяет возможности диверсификации бизнеса, но и, в то же время создает угрозы проникновения на рынки непрофильных конкурентов.

Под воздействием глобального внедрения информационных технологий претерпевают ощутимые изменения не только участники рынков, но и различные общественные институты, регуляторы, субъекты публичных правоотношений: деятельность государства по всем направлениям также характеризуются активным внедрением информационных технологий, в большей степени «цифровизацией» охвачена сфера публичных финансов, вследствие чего трансформируется правовое регулирование бюджетных отношений. Все это оказывает существенное влияние на правоотношения, возникающие между государственными организациями (G2G), государством и бизнесом (G2B), государством и гражданином (G2C).

Спектр возможностей существующего с 2009 г. портала государственных и муниципальных услуг РФ постоянно растет, активно ведется работа по интеграции с другими сервисами, платежными системами, что позволяет в полной мере и оперативно реализовать государственные услуги. В настоящий момент на платформе зарегистрировано уже более 103 млн. россиян (по состоянию на 31.12.2019), и согласно информации, предоставленной

информационным агентством «Интерфакс», в 2018 году 96,5% оказанных услуг гражданам были оценены на оценку «4» и «5».

Рассматривая изменения в системе организации и управления социально-экономическими системами под воздействием цифровых технологий, необходимо отметить, что данные рыночные трансформации требуют новых форм государственного регулирования жизнедеятельности общества. Цифровая экономика предполагает усиление межгосударственного регулирования социально-экономических процессов, снижение степени централизации государственного регулирования.

В условиях цифровизации основной целью развития производительных сил и совершенствования производственных отношений в обществе является ускорение социально-экономического развития страны на основе развития уже существующих рынков, создания новых, повышения уровня жизни населения, эффективности бизнес-процессов, что, в конечном итоге, приведет к увеличению целого ряда экономических показателей страны, ее роли на международных рынках.

На создание глобальной конкурентоспособной инфраструктуры функционирования цифровых платформ для обеспечения потребностей граждан, бизнеса и власти на основе отечественных разработок направлен федеральный проект «Информационная инфраструктура» является национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации».

Таким образом, трансформация всех сторон нашего общества – ответ на вызовы сегодняшнего дня, важно не игнорировать возникающие изменения, а направлять стихийно трансформирующиеся тенденции в нужное русло, тем самым обеспечивая постепенный переход к регулированию социально-экономических отношений будущего.

Список литературы:

1. Боев А.Г. Содержание и особенности процесса институциональных преобразований промышленных комплексов в условиях цифровой экономики // Экономика в промышленности, 2020 г., Том 13, №1, стр. 18–28;

2. Ватолина О.В. Ключевые технологии развития цифровой экономики// Вестник ТОГУ. 2020. №1 (56), стр. 59-64;

3. Грибанов Ю.И. Цифровая трансформация социально-экономических систем на основе развития института сервисной интеграции. Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук. - [Электронный ресурс] - Режим доступа: URL:

https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_008585698/ (дата обращения: 02.04.2020);

4. Мехренцев А.В., Раменская Л.А., Стариков Е.Н. Цифровизация как новый фактор структурно-организационного развития лесного бизнеса (на примере формирования лесопромышленного кластера Свердловской области)// Вопросы управления, 2018 г., № 2(51) - [Электронный ресурс] - Режим доступа: URL: <http://vestnik.uapa.ru/ru/issue/2018/02/11/> (дата обращения: 02.04.2020);

5. Носкова О.Е. Преимущества E-MARKETPLACE для российских предприятий при реализации стратегии выхода на зарубежные рынки// в сборнике статей «Стратегическое и проектное управление», Выпуск 10 – Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь), 2018 г., стр. 118-127

6. Сергеев Л. Экономическая природа содержательных положений цифровых платформ // Общество и экономика, 2020, №3, стр. 45-63;

7. Шаповалов А.С. Развитие цифровых сервисов и платформ в условиях санкционных ограничений // сборник статей XI международной научно-практической конференции – М.: МЦНС «Наука и просвещение», 2020 г., стр. 24-27.

Раздел 13

СОСТАВ, СТРУКТУРА И ДИНАМИКА НАЦИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ

Рукинов М.В. к.э.н.

ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет имени
А. С. Пушкина», г. Санкт-Петербург

Идентификация национальных экономических интересов имеет ключевое значение для разработки стратегии обеспечения экономической безопасности государства (поскольку, в конечном счете, эта стратегия ориентируется на достижение национальных экономических интересов (НЭИ) [19]). Сейчас, когда Россия вынуждена противостоять жесткому геополитическому давлению, выявление НЭИ особенно важно.

За постсоветский период тот набор экономических приоритетов, который декларировался в качестве НЭИ нашей страны, неоднократно трансформировался из-за смены предпочтений основной массы населения, изменения баланса сил между разными элитарными группами внутри России и смены международной ситуации. Это дополнительно усложняет понимание сущности НЭИ нашей страны.

В данной работе мы попытаемся, во-первых, уточнить природу национальных экономических интересов, во-вторых, проследить эволюцию НЭИ России после 1991 г. и, в-третьих, дать краткое описание НЭИ нашей страны в текущей геополитической и геоэкономической ситуации.

В соответствии с Конституцией Россия является суверенным социальным государством, и поэтому в качестве основной цели экономической политики нашей страны является создание условий для достижения такого состояния экономики нашей страны, которое позволило бы обеспечить, с одной стороны, государственный суверенитет, а с другой стороны – благополучие населения и реализацию потенциала каждого гражданина.

При этом наряду с этой ключевой стратегической целью (которая в терминах теории менеджмента может быть описана как миссия нашей страны), свои интересы есть у различных социальных слоев, а также у различных групп элиты. Как следствие, эта цель может быть достигнута при помощи самых разных экономических стратегий (либеральной, корпоративистской, дирижистской и т. д.), каждая из которых отвечает как ценностям определенных групп населения, так и потребностям различных слоев элиты.

Например, для высших слоев чиновничества предпочтительной

является дирижистская модель (поскольку в этом случае функционеры получают доступ к контролю над экономикой и могут использовать его в целях личного обогащения), тогда как для владельцев и руководителей крупнейших компаний – корпоративистская (открывающая для них доступ к власти) или даже олигархическая (при которой официальная власть действует в интересах узкой группы богатейших людей страны). Эти интересы и ценности необходимо балансировать во избежание социального и политического кризиса.

При таком подходе национальные экономические интересы могут рассматриваться как консенсус большинства народа и большей части элитных групп относительно способов достижения целей суверенного социального государства и баланса интересов социальных слоев и групп элит. Сказанное выше означает, что смена этого консенсуса практически неизбежно сопровождается значительной ротацией элиты. Подчеркнем, что этот консенсус не вечен – смена настроений в обществе, изменение экономической, политической, социальной или геополитической ситуации может вызвать потребность в новом консенсусе, и отказ от его поиска, чрезмерная привязанность к прежнему, уже исчерпавшему свой потенциал консенсусу может стать причиной неэффективного функционирования государственной власти и национальной экономики.

Распад СССР в 1991 г., последовавший за крахом мировой социалистической системы в 1989 г., оставил Россию без сложившихся в период плановой экономики производственных связей, рынков сбыта и источников поставок. С учетом настроений, царивших как в позднесоветском обществе, так и в руководстве независимой России, основной целью на начальном этапе существования Российской Федерации стал окончательный слом плановой системы хозяйства, приватизация государственной (народной) собственности, создание мощного слоя частных собственников и среднего класса, отказ от выстраивания собственной международной (региональной) экономической системы и встраивание в мировую экономическую систему, включая привлечение иностранных инвестиций.

Предполагалось, что переход к рыночной экономике, либерализация хозяйственных отношений и стратегическая приватизация позволят, с одной стороны, решить насущную тактическую задачу – острый товарный дефицит (приводивший к фактической невозможности для населения удовлетворить свои потребности), а с другой стороны – поможет достичь стратегической цели: сделает невозможным возврат к социализму и плановой экономике за счет того, что слой новых собственников будет сопротивляться любым попыткам реставрации. Формирующаяся элита

стремилась к овладению наиболее привлекательными активами, тогда как население хотело политической и, в меньшей степени, экономической свободы, и надеялось на улучшение снабжения (устранение товарного дефицита), повышение качества обслуживания и т. д.

На этом этапе в качестве основного НЭИ выступала интеграция в мировую экономику и ликвидация плановой экономики, воспринимавшейся населением как неэффективная и неспособная удовлетворить основные потребности, а позднесоветской элитой – как препятствующей личному обогащению и не позволяющей обзавестись собственностью. При этом внешнеэкономических интересов у страны (противопоставленных интересам других государств) в явной форме не было. Предполагалось, что включение России в международную систему разделения и кооперации труда произойдет естественно и обеспечит населению достойный уровень жизни и потребления (для этого периода были характерны завышенные ожидания от слома плановой экономики и включения в мировую капиталистическую систему).

В рамках этой модели России нужно было не столько отстаивать свои интересы в мировой экономической системе, сколько создавать стимулы для иностранного капитала для инвестиций в Россию и для вовлечения нашей страны в мировую экономику. Таким образом, внешнеэкономическая политика носила соглашательский, компрадорский характер и в конечном счете не создавала основы для обеспечения полноценного суверенитета нашей страны. Однако, как было сказано выше, суверенитет в состав НЭИ в тот период не входил. Условно начало этого периода можно отнести к 1992 г. (первый постсоветский год, в начале которого была проведена тотальная либерализация цен, а затем была начата массовая приватизация), а завершение – 2000 г. (приход к власти В. В. Путина). Хронологически он совпадает со временем пребывания Б. Н. Ельцина на посту президента независимой (постсоветской) России.

К сожалению, достижение этого НЭИ осуществлялось без предварительной подготовки, и проводимая трансформация носила лавинообразный характер. В результате ликвидация плановой экономики приняла вид обвальной деиндустриализации страны, произошло вытеснение российских компаний с национального рынка и замещение их иностранными поставщиками, а государство в значительной степени отказалось от своих социальных обязательств перед населением из-за нехватки ресурсов для их выполнения. В значительной степени был утрачен технологический потенциал (под предлогом того, что советская продукция неконкурентоспособна и не

соответствует современным требованиям к качеству, производства ликвидировались, перспективные разработки не развивались, а рынок был открыт для иностранной продукции).

Государство практически отказалось от своей функции экономического регулятора и стремилось к максимальной либерализации народного хозяйства. Приватизация была реализована как продажа за бесценок наиболее привлекательных объектов государственной собственности посредством залоговых аукционов (что впоследствии поставило вопрос о легитимности прав собственности новых владельцев [17]; до сих пор периодически вбрасываются предложения о взимании специального приватизационного налога, который бы позволил окончательно легитимировать эту собственность). Вследствие разрушения промышленности и переориентации бывших торговых партнеров (стран СЭВ) на сотрудничество с Западом Россия стала поставщиком природных ресурсов, а не промышленной продукции и рынком сбыта для иностранных потребительских и промышленных товаров (иными словами, встраивание России в мировой рынок носило неравноправный характер) [15].

Происходившая трансформация экономики сопровождалась резким падением уровня жизни населения, сокращение инвестиций и дестабилизацией системы денежного обращения (галопирующая инфляция и широкое распространение денежных суррогатов). Произошло катастрофическое снижение эффективности использования человеческого капитала (мигрировавшего из высокотехнологичных производств и научно-исследовательских учреждений) или его утрата для России (из-за выезда значительной части наиболее динамичного и образованного населения за рубеж). Сформировался и занял заметную долю в экономике теневой сектор. Широкое распространение получил бандитизм и незаконное предпринимательство (сопровождающееся отъемом собственности). Крайне низок был уровень собираемости налогов.

Деградировали вооруженные силы (поражение в первой чеченской войне в 1996 г.). Государство ослабло и утратило способность эффективно отстаивать свои интересы как внутри страны (фактически обслуживая интересы олигархической верхушки и ближайшего ельцинского окружения), так и на международной арене. Демонстрацией экономической неэффективности государства в этот период служит то, что важным источником финансирования бюджета стала выстроенная пирамида государственных казначейских обязательств (ГКО).

Ослабление политической и экономической роли государства сопровождалось ростом значимости собственников ведущих

российских компаний (занимавшихся преимущественно либо финансовыми операциями, либо экспортом природных ресурсов), т. е. новой олигархии, которая в обмен на свою финансовую поддержку могла получать от государства наиболее выгодные для себя условия ведения бизнеса. Верхушка этой олигархии получила название «семибанкирщина» по числу ее участников. Именно она помогла Б. Н. Ельцину выиграть президентские выборы 1996 г., получив за этого доступ к наиболее привлекательным активам.

Таким образом, в ходе этого этапа удалось сформировать слой собственников, который в 1996 г. действительно не допустил коммунистической реставрации, а плановая модель экономики была ликвидирована. Тем не менее, говорить о том, что НЭИ, неявно сформулированные в начале этого периода, были достигнуты в полном объеме, нельзя. Вместо мощного слоя мелких и средних собственников возникла олигархическая прослойка, опирающаяся преимущественно не на самостоятельно созданные активы, а на приватизированное государственное имущество. Уровень жизни населения упал. Слабость государства и разложение государственных институтов стали причиной оттока капитала, снижения инвестиций и роста теневого сектора экономики. Государство вследствие разгула бандитизма не могло гарантировать даже физическую безопасность граждан. Возникла реальная угроза целостности Российской Федерации из-за фактической независимости Чечни (Чеченской Республики Ичкерия).

Этот этап достаточно отчетливо распадается на два подэтапа. Первый можно датировать 1992-1995 гг., и он может быть охарактеризован как анархический (когда достаточно бессистемно происходила ликвидация плановой экономики и выстраивались новые хозяйственные структуры, в том числе и путем откровенно бандитских инструментов). Второй подэтап мы датируем 1995-2000 гг., и он может быть назван олигархическим, когда экономика России приобрела клановый характер. В ходе первого подэтапа государство утратило экономический суверенитет из-за своей ресурсной слабости и сложности происходящих в народном хозяйстве страны процессов, тогда как во время второго подэтапа государство перешло к обслуживанию интересов олигархических групп.

Экономический крах этой модели развития страны произошел в августе 1998 г. после обвала пирамиды ГКО, снижения цен на нефть (из-за чего критически сократились валютные поступления в экономику страны) и резкого падения курса рубля. Эти события сопровождались уходом с рынка значительной части олигархических компаний (обанкротившихся в результате августовского кризиса 1998 г.; такова была судьба группы «СБС-Агро» Александра Смоленского, одного из

видных членов «семибанкирщины»). Однако изменившийся валютный курс создал условия для вытеснения с рынка иностранной продукции (ставшей недоступной для потребителей) и роста спроса на товары российских предприятий, т. е. для роста отечественной промышленности. Росту производства способствовал большой объем незанятых производственных мощностей (сохранившихся от СССР). Благодаря эффективной политике Е. М. Примакова, вставшего во главе правительства осенью 1998 г., удалось предотвратить кризис неплатежей и обеспечить необходимый для запуска экономического роста темп прироста денежной массы.

С политической точки зрения знаком завершения бездумной интеграции России в мировую экономику, сопровождающейся полным отказом от отстаивания собственных экономических интересов, стал знаменитый разворот самолета Примакова, летевшего на переговоры в США, над Атлантикой после начала натовской бомбардировки Югославии в марте 1999. Внутри страны значимым маркером стала начатая в августе 1999 г. успешная контртеррористическая операция в Чечне, результатом которой было восстановление целостности государства.

Второй этап начался с приходом к власти В. В. Путина в 2000 г., хотя предпосылки для перехода к нему, как было сказано выше, были заложены благодаря политике Е. М. Примакова. Отличительным признаком этого этапа с точки зрения НЭИ было продолжение курса на интеграцию в мировую экономику и рыночная ориентация экономической политики, однако в сочетании с отстаиванием национального экономического суверенитета. В этот период можно говорить об отказе от неравноправной интеграции в мировую экономику, характерной для ельцинской поры, и о стремлении выстраивать внешнеэкономические связи с учетом интересов российского народного хозяйства. Одновременно произошел отказ от избыточной либерализации и замещении ее регулируемой рыночной экономикой.

Инструментами обеспечения экономического суверенитета стали, с одной стороны, ослабление политического и экономического влияния ельцинской олигархии (знаменитое «равноудаление олигархов») и переход контроля над принятием стратегических решений в области национальной экономической политики к государству (т. е. переход от частных интересов к общенациональным), а с другой стороны – ужесточение контроля над процессом приватизации и над уже приватизированной собственностью с целью недопущения ее передачи иностранным собственникам.

Характерным – и, вероятно, наиболее громким – примером

использования этих инструментов стала принудительная ликвидация компании ЮКОС (2003-2007 гг.), владелец которой, М. Б. Ходорковский (один из участников «семибанкирщины» времен президентства Б. Н. Ельцина), проявил чрезмерные политические амбиции, а также пожелал передать контроль над своей компанией (имеющей стратегическое значение для отечественной нефтегазовой отрасли) иностранным инвесторам (сам М. Б. Ходорковский вместе с частью собственников и верхушки топ-менеджмента ЮКОСа подвергся длительному тюремному заключению; активы ЮКОСа перешли под квази-государственный контроль в составе компании «Роснефть» [18]). Оба этих стремления, вполне органичные для предыдущего этапа развития системы НЭИ, оказались несовместимыми с новым этапом, и поэтому были жестко пресечены.

Ликвидация ЮКОСа была не единственным шагом по освобождению государства от избыточного влияния олигархии. Ранее, в 2000 г., был вытеснен за рубеж и лишен эффективного контроля над своими активами один из ведущих участников «семибанкирщины» Б. А. Березовский (считавшийся «серым кардиналом» во время второго президентского срока Б. Н. Ельцина). Тогда же, в 2000 г., была квазинационализована одна из крупнейших российских телевизионных компаний НТВ, принадлежащая еще одному активному участнику «семибанкирщины» В. А. Гусинскому (сам он также оказался вынужден эмигрировать).

Итогом этих действий государства стало то, что часть активов, ранее принадлежавших олигархам (как ранее приватизированных, так и созданных заново), перешла в государственную или квази-государственную (была передана компаниям со значительной долей государства) собственность. Это значительно расширило финансовые и управленческие возможности государства, а также привело к тому, что в составе экономической элиты государства появилась значительная прослойка чиновников-назначенцев (которые стали менеджерами этих активов).

Одновременно, с учетом мероприятий по отчуждению активов у олигархов и деятельности по усилению государственного контроля над экономикой, резко выросла роль силового блока. Помимо ликвидации олигархической прослойки силовой блок начал активно действовать против теневого бизнеса – как путем его уничтожения (если он носил откровенно противозаконный характер), так и за счет принуждения к переводу в «белый» сектор экономики (в том случае, если бизнес, будучи по своей природе легальным, использовал «серые» схемы для максимизации своей эффективности).

Очевидно, что борьба против теневой экономики также является

способом обеспечения экономического суверенитета государства за счет недопущения развития параллельной, находящейся вне государственного контроля [4]. Одним из элементов этого государственного контроля стало постоянное совершенствование налогового администрирования, которое также позволило нарастить собираемость налогов и увеличить доходы государства.

В результате верхушка экономической элиты подверглась значительной ротации. Уцелевшие представители элиты предыдущей волны, а также новички в элите были практически лишены рычагов политического влияния. Им была предоставлена возможность обогащения и экономической экспансии при условии полного отказа от вмешательства в государственное управление.

В совокупности все эти действия позволили стабилизировать экономику и избавиться от перекосов, типичных для чрезмерной либерализации предыдущего этапа и обеспечить условия для выполнения государством своих функций регулятора экономического развития (т. е. восстановить экономический суверенитет). В целом эти действия соответствовали общественному консенсусу, поскольку как население, так и часть элит к концу правления Б. Н. Ельцина испытывали недовольство тем уровнем дезорганизации экономической и политической жизни, который сложился в стране, и были заинтересованы в наведении порядка.

Восстановлению и быстрому росту экономики в период 2000-2008 гг. способствовала благоприятная внешнеэкономическая конъюнктура – рост цен на нефть, приведший к резкому повышению валютной выручки. В сочетании с экономическим ростом и постепенным увеличением доходов населения это стало причиной повышения благосостояния граждан и ростом инвестиционной привлекательности России для иностранного капитала. В этот период в нашей стране стали восстанавливаться старые производства, возникли новые предприятия, ориентированные на удовлетворение как потребительского, так и промышленного спроса, в том числе и импортозамещающие (например, производство труб большого диаметра для магистральных газопроводов, которые ранее поставлялись с Украины).

Создавались эти предприятия в т. ч. и с участием иностранных инвесторов. Реализовывались проекты по локализации производства (примером может быть компания Ford, организовавшая выпуск автомобилей под Санкт-Петербургом). Возникли и стали быстро расти розничные сети, постепенно приобретшие федеральный масштаб и практически полностью вытеснившие неорганизованную торговлю. Таким образом, несмотря на сохранение доминирующей роли сырьевого сектора в российской экономике, возникли и стали расти и иные

отрасли, связанные с промышленным производством и – в гораздо большей степени – с сектором услуг. Все это также способствовало росту спроса на рабочую силу, увеличению доходов и повышению качества жизни населения.

Увеличение валютной выручки и экономический рост вкупе с лучшим администрированием налогов значительно укрепил ресурсный потенциал государства. Рост финансовых возможностей государства позволил начать восстановление ОПК и вооруженных сил, наращивать золотовалютные резервы и формировать резервы на случай кризисных ситуаций. Также была создана ресурсная база для выполнения государством своих социальных обязательств (благодаря чему выгоду от экономического роста получили и те слои населения, которые не были непосредственно задействованы в производственном секторе экономики). Кроме того, был значительно сокращен внешний долг государства, что позволило снизить риски иностранного вмешательства в принятие Россией политических и экономических решений (стратегия сокращения внешнего долга полностью соответствовала тезису В. В. Путина о том, что за долги расплачиваются суверенитетом).

Интересно отметить, что в ходе этого этапа Россия предприняла действия, направленные на избавление от зависимости от постсоветских государств, связанной с сохранением части сложившихся в советскую эпоху экономических связей. Ликвидировались те связи, которые не приносили России экономического эффекта, но, напротив, позволяли постсоветским государствам эксплуатировать российскую экономику в своих интересах. Примером может быть строительство газопровода «Северный поток», позволившего ослабить роль Украины как страны-транзитера российского газа (роль, которой Украина откровенно злоупотребляла). К сожалению, шагов, которые позволили бы укрепить экономическое сотрудничество постсоветских государств на выгодной для России основе в это время не предпринималось.

Таким образом, в этот период, в отличие от предыдущего, государство эффективно реализовывало инструменты повышения НЭБ (наращивание экономического потенциала страны и рост ее оборонной мощи).

К этому периоду относится начало активной экспансии российского капитала за рубеж (обусловленной ростом валютных поступлений в отечественную экономику и стремлением российских собственников диверсифицировать свои финансовые вложения и повысить эффективность своих предприятий за счет прямого доступа к иностранным рынкам, а также к зарубежным производственным технологиям). По своей сути это представляло дальнейшую интеграцию России в мировую экономику, но уже на более равноправных условиях,

а не в роли простого поставщика ресурсов и рынка сбыта.

Однако достаточно быстро отечественные инвесторы столкнулись с ограничениями на приобретение иностранной собственности – российские компании не были допущены к покупке предприятий, которые имели стратегическое значение для страны их нахождения или могли чрезмерно (по мнению коллективного Запада) усилить технологический и инновационный потенциал России. Примерами может быть провал «Северстали», предложение которой о покупке одной из крупнейших сталелитейных фирм мира, европейской компании Arcelor, было отклонено в 2006 г. в пользу индийской Mittal [16].

Аналогично, «Газпром» не был допущен к покупке газораспределительных сетей в Европе. Российским инвесторам удавалось приобретать только сравнительно мелкие предприятия (например, та же «Северсталь» смогла приобрести средние по размеру компании Lucchini в Италии и Rouge Steel в США). Вывоз капитала не трансформировался в рост экономического влияния России за рубежом [1]. Таким образом, задолго до начала геополитического противостояния в 2014 г. Россия сталкивалась с целенаправленным ограничениями на рост своего экономического, технологического и инновационного потенциала. Стремясь к интеграции в мировое экономическое пространство на равноправных условиях, Россия не могла реализовать это стремление не по собственной вине, а из-за противодействия иностранных партнеров.

Важной проблемой этого периода стало то, что регулирование рыночной экономики осуществлялось практически в ручном режиме и не было основано на формальных институтах управления. Еще одной проблемой было то, что экономический рост во второй половине этого периода происходил практически неконтролируемо, из-за чего на одних рынках возникали пузыри (характерный пример – рынок недвижимости в крупнейших городах России в 2006-2008 гг.), тогда как в других отраслях рыночная экспансия, опирающаяся на заемное финансирование, стала практически самоцелью.

Сравнительная легкость получения кредитов и их рефинансирования (как у иностранных банков, так и у отечественных кредитных организаций) привели к тому, что предприятия брали кредиты без тщательной оценки своих возможностей по их возврату – в надежде, что экономический рост позволит обеспечить достаточные денежные потоки для выплат, а в случае невозможности погашения долг можно будет рефинансировать. Легкость получения кредитов, в свою очередь, обуславливалась снижением ответственности банков при их выдаче: кредитные организации стремились получить доход от

экономического роста и максимизировать свою долю на быстро растущем рынке заимствований, и поэтому выдавали кредиты практически всем желающим. Это привело к значительной закредитованности компаний.

У населения также скопилось значительное количество кредитов, преимущественно краткосрочных потребительских, направленных на стимулирование покупательского спроса и взятых под сравнительно высокий процент. Тем не менее, на этот период приходится и рост ипотечного кредитования, в т. ч. и в валюте.

Начало завершения этого этапа можно отнести к дате мюнхенской речи В. В. Путина в 2006 г., в которой декларировалась ориентация на формирование в России суверенной экономической и политической стратегии на мировой арене. Отметим, что, хотя экономический суверенитет был ключевым элементом этого этапа развития НЭИ России, и при этом происходило выстраивание политического суверенитета России внутри страны (ликвидация чрезмерной автономии отдельных субъектов федерации), однако на самостоятельную роль на внешнеполитической арене Россия до момента мюнхенской речи практически не претендовала.

Именно заявка на политический суверенитет, на то, чтобы быть одним из полюсов многополярного мира, причем подкрепленная значительно выросшим экономическим суверенитетом, указывает на окончание этого этапа. Окончательно он завершился в 2008 г., политическим маркером стала операция по принуждению Грузии к миру, а экономическим – кризис 2008-2009 гг. (ставший причиной необходимости отказа от экономической модели, характерной для периода 2000-2008 гг.).

Миротворческая операция российских войск в Южной Осетии и Абхазии [20] и последующей признание Российской Федерацией независимости этих государств были неодобрительно восприняты коллективным Западом и стали причиной антироссийской кампании в зарубежных средствах массовой информации, а также отдельных недружественных шагов со стороны некоторых иностранных государств. Вопреки очевидным фактам стал формироваться образ России как агрессора и угрозы для мира. Это могло служить обоснованием для ограничительных мер по отношению к России, расширению политики коллективной безопасности, направленной против нашей страны (в частности, усилению военного присутствия стран НАТО на российских границах) и формирования общей настороженности в адрес России.

Кризис 2008-2009 гг. (следствие, с одной стороны, ипотечного кризиса в США 2007 г., с другой стороны – снижения нефтяных цен)

стал болезненным ударом для национальной экономики, однако не столь разрушительным, как кризис 1998 г. Хотя ряд предприятий закрылся из-за неспособности обслуживать свои кредиты и выросла безработица, благодаря использованию аккумулированных государством резервов шок для экономики оказался не столь сильным. Государство содействовало рефинансированию кредитов крупнейших компаний, взятых за рубежом (в целях недопущения перехода этих компаний под иностранный контроль), а также обеспечило рост выплат сотрудникам бюджетных организаций, что поддержало потребительский спрос.

Были также приняты меры по финансированию реального сектора, но они оказались неэффективными. Напрямую государство финансировать предприятия не могло, и денежные средства были направлены в банки, которые, однако, не пожелали кредитовать экономику, а использовали полученные ресурсы в собственных интересах (включая даже игру против рубля на валютном рынке, т. е. фактически способствуя углублению кризиса). Деятельность банковского сектора России в период кризиса наглядно показала, что он не способен обеспечивать экономическую безопасность страны [12] и не является эффективным агентом по управлению финансовыми ресурсами, предоставленными государством.

Именно в этот кризисный период население впервые массово столкнулось с проблемой неспособности выплатить кредиты – как потребительские, так и ипотечные (из-за увольнений персонала и снижения заработных плат). Падение курса рубля резко ухудшило положение заемщиков, бравших кредиты в иностранной валюте. Началось давление на должников со стороны коллекторов [11] – давление, от которого государство предоставить защиту в тот период не смогло.

Усложнение внешнеэкономической ситуации, неэффективность отечественного банковского сектора в период кризиса и недостаточно ответственное поведение крупнейших компаний в период экономического роста (которое проявилось в утрате ими контроля над собственной задолженностью) послужили причиной перехода к третьему этапу развития НЭИ России, который можно датировать 2009-2014 гг. Этот этап на внешнеэкономическом уровне характеризуется значительной спецификой по сравнению с предыдущими.

С одной стороны, Россия стремилась продолжать курс на интеграцию в единое мировое экономическое пространство, чтобы использовать его потенциал в своих интересах, с другой стороны, именно к этому периоду относятся значимые действия по выстраиванию собственной системы внешнеэкономических связей, направленных на

обслуживание НЭИ (Таможенный союз, ЕАЭС). Иными словами, Россия попыталась начать формировать свою экономическую подсистему в рамках глобальной экономики (не отказываясь при этом от участия в глобализации). Однако значимых успехов на этом пути ей достигнуть не удалось. Потенциальные участники этой подсистемы, с одной стороны, обуславливали свое участие в ней жесткими требованиями относительно соблюдения своих интересов (причем эти требования могли противоречить интересам России), а с другой стороны, проявляли большую мотивацию к партнерству с другими государствами.

Европейские республики бывшего СССР ориентировались на сотрудничество с Европейским Союзом, тогда как в Средней Азии доминирующим становилось влияние Китая. Декларации о готовности к партнерству с Россией со стороны этих республик служили скорее инструментом для торга с Европой и Китаем, чем реальной демонстрацией сотрудничества.

Кроме того, стремление России восстановить экономические связи и реализовать интеграционные проекты на постсоветском пространстве столкнулись с жестким противодействием коллективного Запада, который при помощи экономических и политических (поддержка антироссийских элит, продвижение антироссийских и националистических настроений среди наиболее активной части населения, вовлечение в альтернативные интеграционные проекты и т. д.) рычагов продолжил свой курс на отрыв бывших советских республик от нашей страны.

В этот период начались активные действия коллективного Запада по свержению существующего строя и ликвидации политического потенциала России, т. е. иностранные игроки перешли к целенаправленной деятельности, напрямую угрожающей национальной и экономической безопасности нашей страны (таких действий после 1991 г. не предпринималось). Проявлениями этих намерений стало финансируемое из-за рубежа «болотное движение», пытавшееся в 2011-2012 гг. сопротивляться переизбранию В. В. Путина на пост президента России.

Именно В. В. Путин воспринимается коллективным Западом как последовательный сторонник экономического и политического суверенитета России и ее самостоятельной роли в многополярном мире, и поэтому противодействие его избранию были вполне логичным шагом с точки зрения интересов коллективного Запада, желающего видеть Россию исключительно в роли поставщика ресурсов и рынка сбыта, но не самостоятельного геоэкономического игрока. Необходимость купирования этих недружественных действий стала причиной

дальнейшего усиления роли силового блока, что было воспринято частью населения России и иностранными государствами как отход от демократии и вызвало у них неприятие.

Таким образом, в этот период на внешнеполитической арене произошло изменение восприятия России от нейтрального (характерного для предыдущих двух этапов) к негативному. Однако значимых экономических последствий этого не имело, сотрудничество с Россией было важным источником выгоды для иностранных государств и поэтому продолжалось. Геополитическому соперничеству сопутствовало экономическое сотрудничество (что, в частности, выражалось в принятии России в ВТО). Тем не менее, Россия по-прежнему не допускалась к покупке стратегических активов за рубежом (и, очевидно, начало соперничества только обострило настороженность коллективного Запада относительно инвестиций России за рубежом).

В частности, консорциуму «Сбербанка» и канадского производителя автокомпонентов Magna в 2009 г. было отказано в покупке немецкого автопроизводителя Opel (принадлежащего General Motors) практически накануне подписания уже согласованной сделки [10]. Россия возлагала на эту покупку особые надежды, поскольку она могла бы позволить нашей стране ликвидировать отставание в области автомобильных компетенций. Одной из причин отказа стали, по оценкам экспертов, опасения контролирующего акционера Opel (General Motors) относительно того, что Россия может получить доступ к передовым технологиям. Подчеркнем, что премьер-министр России В. В. Путин указал на то, что отказ в этой сделке является для России уроком, который она должна в дальнейшем учитывать при отношениях с западными партнерами [14].

Внутри страны были проведены мероприятия по усилению государственного контроля над экономикой и по развитию национальных производств (для укрепления национального экономического потенциала, и, как следствие, НЭБ). Отметим, что усиление этого контроля не было самоцелью – при его помощи государство надеялось снизить риск неэффективного поведения рыночных агентов, которое могло бы угрожать стабильности экономики (как приведенный выше пример с игрой банков против рубля в момент обострения валютного кризиса 2008-2009 гг.).

Посредством выкупа нефтедобывающей компании ТНК ВР у группы «Альфа» была значительно укреплена компания «Роснефть», а государство заняло лидирующие позиции в нефтегазовой сфере. Банк России начал активную политику по очистке банковской системы от неэффективных и недобросовестных кредитных организаций (за счет этого регулирование банковского сектора приобрело не ручной, а

формальный, институциональный характер). К сожалению, побочным действием этой политики Центробанка стало резкое снижение конкуренции на банковском рынке и постепенная ликвидация региональных банков, и, как следствие, усложнение доступа региональных компаний к кредиту. Банкам федерального уровня сотрудничество с локальным мелким и средним бизнесом не представляет интереса (ввиду его небольшого размера), и, кроме того, в отличие от региональных банков, их офисы не столь хорошо знакомы с ситуацией на местах и не обладают выстроенными связями с локальной предпринимательской средой.

Благодаря сравнительно эффективным действиям государства в 2008-2009 гг. кризис не имел таких резких последствий для экономики и для благосостояния населения, как кризис 1998 г. За счет этого, а также благодаря восстановившимся ценам на нефть, экономика после глубокого падения смогла быстро перейти к восстановительному росту и достичь докризисных показателей (как по объему ВВП, так и по занятости). Рост государственных расходов привел к заметному повышению доходов сотрудников бюджетных организаций и силовых структур.

Одновременно снова стало бурно расти потребительское и ипотечное кредитование. Стала резко увеличиваться задолженность физических лиц, в т. ч. и в иностранной валюте. Сам процесс получения кредита значительно упростился благодаря широкому проникновению кредитных карт. Наконец, именно на этом этапе в России появились и стали быстро развиваться микрофинансовые организации (ростовщические структуры, выдающие необеспеченные займы на короткий срок под высокий процент).

Именно их деятельность создала наибольшую угрозу финансовой безопасности населения. Возможность быстрого получения займа, ориентация этих организаций на финансово неустойчивую часть населения и быстро растущие суммы займа в сочетании с жестким давлением коллекторов в случае просрочки стали причиной резкого ухудшения финансового положения заемщиков и нередко приводили к трагическим исходам (как самоубийствам граждан из-за невозможности вернуть долг, так и к травмам и смертельным увечьям заемщиков и их близких из-за неправомерных действий коллекторов).

Возобновление экономического роста России положительно сказалось на ее инвестиционной привлекательности. Были запущены проекты, временно замороженные на периоды кризиса, и начат ряд новых проектов, в т. ч. в области локализации производства (прежде всего, автомобильного). Активно развивались сельское хозяйство и пищевая промышленность – рост доходов потребителей создавали

устойчивый спрос на их продукцию. Важным признаком, показавшим способность России реализовывать (пусть и в рамках международной кооперации) высокотехнологичные инновационные проекты, стало начало производства среднемагистрального лайнера Sukhoi Super Jet (SSJ). Таким образом, постепенно происходило (хотя и медленно и не в полной мере) восстановление технологического потенциала российской промышленности.

Государство в этот период озаботилось обеспечением национальной технологической безопасности. В частности, в 2011 г. была принята программа развития ключевой отрасли машиностроения – станкостроения [13].

В ходе этого этапа реализованы протекционистские мероприятия, направленные на поддержку отечественных предприятий путем создания им преимуществ при проведении закупок для государственных и муниципальных нужд. Примерами могут быть требования использования отечественного оборудования при производстве продукции в рамках государственного оборонного заказа, ценовые предпочтения лекарствам российского производства, требование производить в России продукты питания и предметы вещевого обеспечения, закупаемые для нужд Вооруженных Сил Российской Федерации [8]. Все эти шаги дали определенный стимул для развития отечественной промышленности.

Важным имиджевым мероприятием, реализованным в конце этого периода, стали Зимние Олимпийские игры 2014 г. Подготовка к их проведению дала заметный импульс развитию инфраструктуры на юге России, а также стимулировала спрос на строительные, транспортные и ряд других услуг, что способствовало экономическому росту страны. К сожалению, эта подготовка была также связана с заметной коррупционной составляющей.

Тем не менее, геополитическое соперничество между Россией и коллективным Западом непрерывно усиливалось, и в конце концов достигло критического уровня, после чего стал неизбежен переход к следующему этапу развития НЭИ. Политическим маркером этого уровня стали последствия развала украинской государственности после переворота в феврале 2014 г. Воссоединение Крыма с Россией по результатам проведенного в соответствии с международными нормами референдума в марте 2014 г. и начало гражданской войны на востоке Украины, сопровождавшейся военными преступлениями со стороны карательных отрядов, сформированных новой украинской властью, были истолкованы коллективным Западом как знак вмешательства России во внутренние дела Украины.

В результате против нашей страны были введены жесткие

секторальные санкции (запрет на привлечение внешнего финансирования, запрет на передачу технологий в критических областях и т. д.), призванные уничтожить наш экономический и политический потенциал [2, 5, 7]. Коллективный Запад перешел к геополитическому подавлению России и к экономической войне против нашей страны. Восприятие России сменилось с негативного на враждебное.

Экономическим маркером завершения этого этапа стал кризис конца 2014 г., спровоцированный как падением цен на нефть, так и санкциями (невозможность рефинансировать валютные кредиты привела к резкому росту спроса на доллар США и стала причиной обвала курса рубля).

Новый этап развития НЭИ начался в конце 2014 г. и продолжается до сих пор. Переходом к нему можно считать секторальные санкции США и их союзников и введение Россией репрессалий против коллективного Запада в виде продовольственных контрсанкций – первой ответной меры против экономического и политического неравноправия нашей страны, реализованной после 1991 г.

НЭИ этого этапа можно охарактеризовать как построение глобально эффективной суверенной экономики за счет развития импортозамещения. Потребность в импортозамещении обуславливается как необходимостью компенсировать негативный эффект санкций, так и задачей наращивания добавленной стоимости, создаваемой внутри страны, для повышения эффективности национальной экономики и обеспечения условий для достойного уровня жизни населения.

В ходе этого этапа России удалось успешно решить задачу достижения продовольственной безопасности по основным продуктам питания. При этом постепенно происходит переход от производства конечных продуктов питания к локализации в России всей агропродовольственной производственной цепочки. Кроме того, Россия становится экспортером продовольствия. В других отраслях столь же заметных успехов пока достичь не удалось.

К сожалению, такая национально ориентированная парадигма, при ее внешнем соответствии требованиям НЭБ, на самом деле скорее создает угрозу для нее. Экономическая независимость страны означает невозможность использовать преимущества международного разделения труда и неизбежно приведет к падению эффективности национальной экономики. НЭИ России должна быть не автономная экономика, а экономика глобальных производственных цепочек, ориентированная на создание добавленной стоимости в интересах нашей страны. Причем эти цепочки должны производить продукцию на экспорт, поскольку собственный рынок России слишком мал [3].

На опасность избыточного стремления к импортозамещению указывает В. В. Путин, говоря, что Россия должна эффективно использовать потенциал международного сотрудничества. Естественным направлением такого сотрудничества выступает ЕАЭС, значительно расширившийся за последние годы. Тем не менее, его участники пока не интегрированы в достаточной степени, а элиты соответствующих государств настороженно относятся к сотрудничеству с Россией, опасаясь как подпасть под ее чрезмерное влияние (ряд этих стран является бывшими постсоветскими республиками с заметными русскоязычными меньшинствами), так и стать объектом давления со стороны коллективного Запада в случае углубления этого сотрудничества.

Усиление давления на нашу страну привело к увеличению роли государства в экономике – как через принадлежащие государству компании, так и посредством прямого вмешательства в хозяйственную жизнь. Это отрицательно сказывается на конкуренции и снижает эффективность народного хозяйства.

Большую угрозу НЭБ создают отсутствие экономического роста, падение реальных доходов населения и усиление налогового и административного давления на бизнес. Предприятия воспринимаются не как источник инвестиций, занятости и экономического роста, а как источник налоговых поступлений. В такой фискальной парадигме [6] растет роль государства как ключевого распорядителя ресурсов для экономики. В сочетании с тем, что государственные и квазигосударственные предприятия уже занимают лидирующее место в народном хозяйстве, такой перекоп в сторону государства становится угрожающим. По сути дела, государство из регулятора экономики становится единственным гарантом ее стабильности, заменяя собой как деятельность рыночных игроков, так и рыночные институты.

Такая модель эффективна в случае выбора мобилизационного сценария развития [9], т. е. концентрации в руках государства ключевых ресурсов с целью их последующего использования для решения каких-либо стратегических задач. Проблема, однако, в том, что сейчас концентрация этих ресурсов у государства не сопровождается какими-либо заметными шагами по их использованию в интересах национального развития. Скорее складывается впечатление, что государство аккумулирует эти ресурсы для обеспечения бюджетного профицита и для возможности финансировать срочные затраты, если в них возникнет необходимость.

Динамика национальных экономических интересов в постсоветский период представлена в таблице 1.

Таблица 1 – Динамика национальных экономических интересов Российской Федерации в постсоветский период.

Период	Национальные экономические интересы	Инструменты достижения	Риски
1992-2000 гг.	Интеграция в глобальную экономику, ликвидация плановой экономики и строительство рыночного хозяйства	Либерализация экономики, отказ от социальных обязательств, выстраивание нового класса собственников	Ликвидация промышленного и технологического потенциала страны, резкое падение уровня жизни, переход государства к обслуживанию экономических интересов олигархических группировок
2000-2008 гг.	Восстановление экономического суверенитета	Ликвидация олигархических группировок, создание условий для экономического роста, усиление роли государства в экономике	Ручное управление экономикой, низкое качество экономического роста
2009-2014 гг.	Развитие экономического потенциала страны, повышение качества регулирования национальной экономики	Локализация производств, очистка финансового сектора, протекционистские меры по поддержке национальных производителей	Снижение конкуренции в финансовой отрасли
с 2014 г.	Построение конкурентоспособной суверенной экономики	Выдавливание с рынка иностранных поставщиков (контрсанкции), поддержка отечественных производителей	Риски экономической изоляции, чрезмерное усиление роли государства

Мы можем сформулировать следующие выводы:

- национальные экономические интересы могут рассматриваться как консенсус большинства народа и большей части элитных групп относительно способов достижения целей суверенного социального государства и баланса интересов социальных слоев и групп элит;
- этот консенсус носит динамический характер – смена настроений в обществе, изменение экономической, политической, социальной или геополитической ситуации может вызвать потребность

в новом консенсусе, и отказ от его поиска, чрезмерная привязанность к прежнему, уже исчерпавшему свой потенциал консенсусу может стать причиной неэффективного функционирования государственной власти и национальной экономики;

- трансформация национальных экономических интересов происходила в направлении от полного отказа государства от участия в экономике и стремления к полной интеграции в мировую экономическую систему к максимизации роли государства в национальной экономике и выстраиванию суверенного, самодостаточного народного хозяйства. Обе эти крайности опасны с точки зрения НЭБ. В первом случае государство лишается возможности отстаивать интересы страны, общества и граждан, тогда как во втором случае происходит отказ от использования преимуществ международного разделения труда и рыночного хозяйства. Государство берет на себя чрезмерные обязательства перед обществом (возможно, неявные), и может не справиться с их выполнением;

- естественным НЭИ России в условиях глобальной экономики и с учетом стремления нашей страны обеспечить себе достойное место как в мировой системе разделения труда, так и в геополитической иерархии, является выстраивание глобальных цепочек создания стоимости, ориентированных на обслуживание интересов нашей страны. Именно такие цепочки выстраивают наши геополитические и геоэкономические соперники.

Список литературы:

1. Бузгалин А. В., Колганов А. И., Барашкова О. В. Россия: новая империалистическая держава? // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 1. – С. 74-87.

2. Вертакова Ю. В., Положенцева Ю. С., Клевцова М. Г. Санкции в условиях глобализации и их влияние на экономическое развитие России // Экономика и управление. – 2015. – № 10. – С. 24-32.

3. Губина М. А. Импортзамещение и/или экспортная ориентация: опыт фармацевтической промышленности Индии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. – 2019. – Т. 35. – № 2. – С. 197-222.

4. Ермакова Э. Р. Теневая экономика как деструктивный фактор в обеспечении финансовой безопасности государства // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2019. – Т. 15. – № 8. – С. 1574-1588.

5. Загашвили В. С. Западные санкции и российская экономика // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – Т. 59. – № 11. – С. 67-77.

6. Кежун Л. А., Комарова О. В. Налоговый маневр как инструмент макроэкономической политики // Журнал экономической теории. – 2017. – № 4. – С. 269-273.

7. Клинова М. В., Сидорова Е. А. Экономические санкции и их влияние на хозяйственные связи России с Европейским Союзом // Вопросы экономики. – 2014. – № 12. – С. 67-79.

8. Князьнеделин Р. А., Курбанов А. Х., Плотников В. А. Государственный заказ как инструмент промышленной политики в оборонно-промышленном комплексе: теория и практика. СПб.: ООО «Копи-Р Групп», 2013. – 240 с.

9. Корнейчук Б. В. Мобилизационные сценарии развития: источники и последствия // Terra Economicus. – 2017. – Т. 15. – № 1. – С. 79-88.

10. Костякова Е. Почему русские не купили Opel. Вся правда // Autonews.ru, 27.08.2010. Доступно онлайн по адресу: <https://www.autonews.ru/news/58259ca79a7947474311eeca?ruid=uUj1B1yT wfByagnEAW7jAg==>. Проверено 19.11.2019.

11. Котляров И. Д. Коллекторская деятельность в Российской Федерации: критический анализ // Управление корпоративными финансами. – 2012. – № 4. – С. 204-210.

12. Механик А. Шаг вперед и поворот // Эксперт. – 2016. – № 17-18. – С. 56-60.

13. Путин: ситуация вокруг Opel – это урок для нас // Вести.ru, 05.11.2009. Доступно онлайн по адресу: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=324264>. Проверено 19.11.2019.

14. Райнерт Э. С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. – 384 с.

15. Смирнов Д. Стальной прокат // Газета.ru, 30.06.2006. Доступно онлайн по адресу: https://www.gazeta.ru/2006/06/30/oa_206254.shtml. Проверено 19.11.2019.

16. Фомин А. М. Экономическая безопасность государства // Международные процессы. – 2010. – Т. 8. – № 3. – С. 118-133.

17. Челищева В. «ЮКОС» и «Роснефть»: первая мировая // Новая газета, 06.04.2015. Доступно онлайн по адресу: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2015/04/06/63690-171-yukos-187-i-171-rosneft-187-pervaya-mirovaya>. Проверено 19.11.2019.

18. Экономическая безопасность России: Общий курс / Под ред. В. К. Сенчагова. – М.: Дело, 2005. – 896 с.

19. Kotlyarov I. The Logic of South Ossetia Conflict // Russia in Global Affairs. – 2008. – V. 6. – No 4. – P. 131-146.

Раздел 14

ТРАНСФОРМАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Соболева Ю.П., к.э.н., доцент

ФГБОУ ВО «РАНХиГС» Среднерусский институт управления –
филиал, г. Орел

Кулакова Л.И., к.э.н., доцент

ФГБОУ ВО «Всероссийская академия внешней торговли Министерства
экономического развития Российской Федерации»,
Дальневосточный филиал, г. Петропавловск-Камчатский

1 Обзор зарубежного опыта цифровизации различных отраслей экономики

Актуальность темы цифровой экономики обусловлена происходящими изменениями в экономической жизни общества. В результате сокращения транзакционных издержек физическим и юридическим лицам открылись возможности использования новых платформ и технологий для более быстрой и простой связи с государственными структурами и хозяйствующими объектами. Благодаря данным нововведениям стала образовываться электронная или цифровая экономика, которая основана на современных IT-сервисах. Внедрение инструментов цифровой экономики в деятельность компаний даст возможность повысить эффективность производства, внедрить новые модели управления и в будущем обеспечит конкурентные преимущества над оппонентами.

Глобализация экономики значительно расширяет возможности для бизнеса. Информационные технологии и информационные системы могут обеспечить мобильный доступ с целью удовлетворения потребностей хозяйствующих субъектов и населения в рамках не только национального, но и международного масштаба. Ведущие организации почти в каждой отрасли: розничной торговли, финансовых услуг, производства, здравоохранения, телекоммуникаций, – признают необходимость наличия доступного и быстрого информационного обмена данными.

Предпринимательская деятельность, как известно, основывается на принятии управленческих решений. Для того, чтобы принятие решений было эффективным, участники рынка нуждаются в информации. В прошлом преимущественно был традиционный стиль управления, который отличался высоким уровнем иерархии, строгой централизацией и скудностью доступной участникам рынка информации. К началу 21 века этот стиль управления изменился на

более либеральный, отличительными особенностями которого стали маневренность, гибкость, открытость. Информационные технологии изменились не только методами реализации: они изменили сущность стратегического мышления участников бизнеса. Новые IT-технологии призваны изменить природу всей организации, трансформируя ее цели и парадигмы по всем направлениям деятельности.

Сейчас настала необходимость массового внедрения IT-технологий в деятельность современных организаций с целью повышения качества продукции, роста производительности труда, увеличения конкурентоспособности⁵¹.

Цифровая трансформация – это комплексное изменение стратегии деятельности субъектов хозяйствования, в том числе в такие внутренние бизнес-процессы, как создание рабочих мест, увеличение доходов, применение гибкой модели управления, противостоящей конкуренции и приспосабливающейся к изменяющимся требованиям внешней среды. Цифровая трансформация предполагает переосмысление бизнеса в направлении ускорения операций и формирования расширенной цепочки поставок; функционального использования интернета в дизайне, производстве, маркетинге, продаже, презентации и базировки на данных модели управления⁵².

Цифровую трансформацию не следует рассматривать исключительно как технологический скачок: Управление цифровыми технологиями должно быть сосредоточено не только на программно-аппаратных обновлениях. Оно предполагает также адаптацию институциональной и операционной системы любого субъекта с точки зрения нового бизнеса и мышления на основе извлечения выгоды из цифровых технологий. Цифровая трансформация – это не только внедрение IT-технологий, но и формирование гибкой бизнес-модели организации (компании)⁵³.

Согласно определению бизнес-школы McKinsey, цифровая трансформация – это перестройка технологий, бизнес-моделей и

⁵¹ Garifova L. The Economy of the Digital Epoch in Russia: Development Tendencies and Place in Business // *Procedia Economics and Finance*. – 2014. – Volume 15. – Pp. 1159-1164. – Режим доступа: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2212567114005723#bibl0005/>.

⁵² Schallmo D., Willams Ch.A.; Boardman L. Digital Transformation of Business Models-Best Practice, Enabler, and Roadmap // *International Journal of Innovation Management*. – 2018. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/326260383_Digital_Transformation_of_Business_Models-Best_Practices_Enablers_and_Roadmap.

⁵³ Ulas D. Digital Transformation Process and SMEs // *Procedia Computer Science*. – 2019. – Volume 158. – Pp. 662-671. – Режим доступа: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1877050919312712>.

процессов, обеспечивающих новые ценности для клиентов и сотрудников в постоянно меняющемся мире и развитие цифровой экономики в целом⁵⁴.

Классические бизнес-модели исчезают и заменяются бизнес-моделями, более гибкими, изменчивыми, отвечающими потребностям пользователей, основанными на знаниях. Сегодня единственными, кто способен удержаться «на плаву» в стремительно развивающейся цифровой эре, являются люди и услуги, идущие в ногу с новой технологической эпохой.

Более значительное использование цифровизации обусловлено инновациями, к которым относятся в том числе робототехника, 3D-печать, искусственный интеллект, дополненная и виртуальная реальность, новое поколение, безопасность, моделирование, программное обеспечение, интернет вещей и покупки, кибербезопасность, блокчейн, нанотехнологии, облачные вычисления, большие объемы данных.

По данным зарубежных исследователей изложим основные направления современного процесса цифровизации глобальной экономики:

1. Развитие IT-технологий и инноваций, в том числе сенсорных технологий имеет важное значение для экономического роста, в том числе для удешевления бизнес-процессов компании. Достижения в технологической и инновационной политике укрепляют экономику страны. Предприниматели, которые работают на цифровых платформах, получают возможности снижения затрат своей операционной и управленческой деятельности (возможности снижения себестоимости продаж).

2. Изменение бизнес-практик с интернет-экономикой, электронной коммерцией, социальными медиа. Интернет предоставляет платформу для миллионов ежедневных онлайн-транзакций и коммуникаций, которые осуществляют значительный вклад в экономику отдельных стран.

3. Глобализация, которая выражается в следующем: в результате опережающей мобильности товаров, услуг и капитала происходит взаимозависимость и усиление коммуникации и взаимодействия между обществом и правительствами в процессе взаимного экономического вовлечения в мировой рынок⁵⁵.

4. Индустрия: информационные технологии и промышленность

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Ulas D. Digital Transformation Process and SMEs // *Procedia Computer Science*. – 2019. – Volume 158. – Pp. 662-671. – Режим доступа: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1877050919312712>.

едины. Четвертая промышленная революция предусматривает, что производственный процесс оцифровывается, машины непосредственно подключаются к друг другу и появляется возможность персонализированного производства. Окружающая среда менее загрязнена в результате роста производительности труда, недопущение чрезмерного использования энергетических и водных ресурсов.

5. Искусственный интеллект исследует, как человеческий мозг думает, и как люди учатся и решают, как они пытаются решить проблему, и это имитирует результаты исследования с помощью «умного» программного обеспечения. Производственный процесс осуществляется роботами, имеющими искусственный интеллект, без человеческого вмешательства. Интеллектуальные программные системы могут выполнять задачи и находятся в постоянном совершенствовании⁵⁶.

6. Интернет вещей – это технология, основанная на передаче данных между устройствами через интернет. Она состоит из взаимосвязанных устройств: от простых датчиков до смартфонов. Комбинируя эти устройства с информационными технологиями, появляется возможность осуществлять сбор информации для принятия решений. Интернет вещей характеризуется большей оперативностью, экономией времени предпринимателя и денежных средств.

7. Блокчейн определяется как децентрализованная книга записей о шифровании.

8. Облачные вычисления – это общий термин предоставления информационных услуг на основе интернета.

9. Увеличение использования смартфонов: примерно 1 миллиард телефонов продается каждый год в США. Смартфоны нового поколения предлагают навыки работы с компьютером. Четверть всех мобильных телефонов в мире – это смартфоны. В Турции, например, использование мобильного телефона в 2018 году составило 98 %, смартфона – 77%, компьютера – 48 %. Общее число пользователей мобильных телефонов составляет 59 миллионов или составляет 73% населения⁵⁷.

10. 3D принтеры – эти устройства быстро изготавливают модели, которые разработаны в компьютере или подготовлены в 3D с использованием различных материалов без каких-либо пресс-форм или

⁵⁶ Ulas D. Digital Transformation Process and SMEs // *Procedia Computer Science*. – 2019. – Volume 158. – Pp. 662-671. – Режим доступа: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1877050919312712>.

⁵⁷ Chien-Chun Ku, Chen-Fu Chien, Kang-Ting Ma. Digital transformation to empower smart production for Industry 3.5 and an empirical study for textile dyeing // *Computers & Industrial Engineering*. – 2020. – Volume 142. – Режим доступа: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0360835220300310>.

приспособлений. Затраты на изготовление таких изделий постепенно снижаются, что ускоряет объемы их использования. По данным китайских исследователей, с 3D принтерами в день могут быть установлены десять домов в Китае.

11. Большие данные – это данные, которые компьютер не в состоянии обработать. Большие данные помогают проектировщикам извлекать потребности клиентов из имеющихся данных для совершенствования и разработки конструкций. Большие данные и аналитика данных обеспечивают широкий диапазон возможностей для малых и средних предприятий, что позволит лучше понять процессы внутри фирмы, потребности своих клиентов и партнеров, а также охарактеризовать бизнес-среду.

12. Передовые технологии производства используются в обрабатывающей промышленности и благодаря киберфизическим системам, автономным роботам, системам автоматизации, умным датчикам, производственным системам, компьютерам постоянно совершенствуются⁵⁸.

Зарубежные компании активно внедряют цифровизацию в свои бизнес-процессы. Они трансформируют организационные структуры и организационную культуру с целью совершенствования бизнеса, начиная от производственных технологий и заканчивая управленческими аспектами. Однако ограниченные ресурсами малые и средние предприятия не могут в должной мере осуществить цифровую трансформацию. Для того, чтобы осуществить цифровизацию малого и среднего бизнеса, необходимо повышение компетентности власти, обеспечение технической и финансовой поддержки МСП по этому вопросу.

Для выполнения цифрового преобразования целесообразно придерживаться следующих принципов:

1. Желательно, чтобы руководство субъектов МСП делало запросы о необходимости цифрового преобразования. Трансформацией должен руководить собственник или менеджер субъекта предпринимательства. Целесообразно проанализировать внутреннюю среду организации с целью выявления проблем, рисков, ожиданий клиентов. Руководство может рассмотреть различные варианты цифровизации, в том числе связанные с формированием и развитием новой модели бизнеса на основе IT-технологий.

2. Важную роль для успешной цифровизации субъектов МСП выполняет «культура обучения». Необходимо иметь

⁵⁸ Ulas D. Digital Transformation Process and SMEs // Procedia Computer Science. – 2019. – Volume 158. – Pp. 662-671. – Режим доступа: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1877050919312712>

квалифицированных сотрудников в области IT-технологий, чтобы обучать весь персонал необходимыми компетенциями⁵⁹.

3. Сотрудничество с МСП, инновационными лабораториями, научно-исследовательскими институтами. Для того, чтобы осуществить цифровую трансформацию, могут быть полезными консультации с компаниями, которые имеют опыт в данной области. Препятствия во внедрение цифровизации - это дефицит бюджета малого и среднего бизнеса, невозможность инвестирования из-за высоких рисков и операционных затрат, сложности с пониманием сущности интернет-технологий, недостаточно обеспеченная безопасность данных, потребность в конфиденциальности, огромное количество имеющихся на рынке технологических разработок. В то время как многие МСП все больше осознают, что интернет – это ключ к успеху, в ряде случаев у них все еще нет веб-сайта, который можно просто просмотреть на смартфоне.

Большинство традиционных отраслей во многих странах мира (Россия – не исключение) не готовы перейти на цифровые технологии. Существует потребность в эффективных решениях для поддержки цифрового преобразования традиционных отраслей. Например, текстильная промышленность сталкивается с глобальной конкуренцией за массовую настройку для удовлетворения динамических потребностей клиентов. Следуя концепции систематического подхода к сбору, идентификации и анализу соответствующих этапов и решений для организации, разработана система поддержки принятия решений для составления расписаний машин для окрашивания, чтобы расширить возможности интеллектуального производства и сломать информационные бункеры⁶⁰.

Цифровая трансформация и возникающие в результате инновации бизнес-моделей коренным образом изменили ожидания и поведение потребителей, оказали давление на традиционные фирмы и разрушили многие рынки. Потребители имеют доступ к десяткам медиа-каналов, активно и без усилий общаются с фирмами и другими участниками рынка. На уровне компаний многие традиционные фирмы потеряли свои конкурентные преимущества в результате активной деятельности инновационных быстрорастущих цифровых участников и пострадали в результате этого. Например, быстрый рост онлайн-ритейлеров, таких, как Alibaba и Amazon, сильно повлиял на традиционных ритейлеров, о

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Chien-Chun Ku, Chen-Fu Chien, Kang-Ting Ma. Digital transformation to empower smart production for Industry 3.5 and an empirical study for textile dyeing // Computers & Industrial Engineering. – 2020. – Volume 142. – Режим доступа: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0360835220300310>.

чем свидетельствует банкротство розничных в прошлом гигантов Toys 'R'Us, Claire's и RadioShack. Тем не менее, новые онлайн-магазины не ограничивают свои возможности для традиционной розничной торговли; они в поисках возможностей дальнейшего роста используют свои цифровые ресурсы для выхода на рынки, которые ранее считались совершенно не связанными с розничной торговлей. Банки, такие, как ING, рассматривают Amazon как основного потенциального конкурента, в то время как одна из крупнейших мировых судоходных компаний Maersk сталкивается с потенциальной конкуренцией Alibaba. TiVo и Netflix разрушают телевизионную радиовещательную и киноиндустрию, а Booking.com и Airbnb фундаментально изменяют гостиничную индустрию⁶¹.

Уже с момента появления Всемирной паутины и ее глобального распространения увеличивается число сопутствующих технологий, например, широкополосный интернет, смартфоны, облачные вычисления, распознавание речи, системы онлайн-платежей и криптовалюты. Глобальные продажи электронной коммерции составили 2,3 триллиона долларов в 2017 году, а доходы от электронной торговли, согласно прогнозам, вырастут до 4,88 триллиона долларов в 2021 году. Конкуренция не только стала более глобальной, но и интенсивность возросла, так как крупные, богатые информацией фирмы из США (например, Amazon, Alphabet, Apple и Facebook) и Китая (например, Alibaba и JD) начинают доминировать во многих отраслях. Данные рынка показывают, что потребители переносят свои покупки в интернет-магазины, и цифровые точки соприкосновения играют важную роль принятия покупателями решений, влияя как на онлайн, так и на оффлайн продажи⁶².

По оценкам Verhoef P.C., для успешной цифровизации компании необходимо иметь несколько ключевых компонентов:

1. Цифровые активы. Фирмам требуются цифровые активы, такие, как хранилище данных, информационная и коммуникационная инфраструктура и сопутствующие технологии, чтобы эффективно конкурировать в цифровую эпоху. Сегодняшние фирмы вкладывают значительные средства в разработку и приобретение цифровых технологий (аппаратного и программного обеспечения) для обеспечения

⁶¹ Verhoef P.C., Broekhuizen Th., Bartb Y., Bhattacharyaa A., Donga J.Qi, Fabiana N., Haenleinc M. Digital transformation: A multidisciplinary reflection and research agenda // Journal of Business Research. – 2019. – Режим доступа: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0148296319305478>.

⁶² Там же.

искусственного интеллекта, машинного обучения⁶³.

2. Цифровая гибкость. Цифровая гибкость касается способности ощущать и использовать рыночные возможности, предоставляемые цифровыми технологиями. На сегодняшних динамичных и непредсказуемых рынках фирмы должны проявлять гибкость: для повторного переключения организационных ролей; реагировать на изменяющиеся потребности клиентов и внедрение новых цифровых технологий; реагировать на усиление конкуренции из-за размывания границ рынка и устранения барьеров для входа.

3. Возможности цифровых сетей. Возможности цифровых сетей, которые относятся к способности фирмы объединять и сопоставлять отдельных пользователей для удовлетворения их взаимных потребностей с помощью цифровых средств, становятся все более важными в цифровых условиях.

4. Возможность анализа больших данных. На этапе цифрового преобразования крайне важна возможность сбора и анализа больших данных для принятия решений⁶⁴.

Помимо создания гибких организационных структур, компании достигают адекватного реагирования на растущий рынок ИТ-технологий как на операционном, так и на стратегическом уровнях и используют ориентацию на клиента и на процессы для формирования своего цифрового будущего. Компании рассматривают управление бизнес-процессами как основу для цифровой трансформации. Это характерно для всех отраслей экономики⁶⁵.

Рассмотрим пример, как некоторые компании трансформируются на основе цифровизации. В начале основной целью LEGO было улучшение коммуникации. Однако как только компания достигла этапа зрелости, она начала смещать акцент на унификацию и оптимизацию процессов для повышения производительности. LEGO использует управление бизнес-процессами как гибридную систему, в которой распределенные и осведомленные о процессах сотрудники активно

⁶³ Fischera M., Imgrunda F., Janieschab Ch., Winkelmann A. Strategy archetypes for digital transformation: Defining meta objectives using business process management // Information & Management. – 2020. – Режим доступа: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0378720618303197>

⁶⁴ Verhoef P.C., Broekhuizen Th., Bartb Y., Bhattacharyaa A., Donga J.Qi, Fabiana N., Haenleinc M. Digital transformation: A multidisciplinary reflection and research agenda // Journal of Business Research. – 2019. – Режим доступа: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0148296319305478>.

⁶⁵ Fischera M., Imgrunda F., Janieschab Ch., Winkelmann A. Strategy archetypes for digital transformation: Defining meta objectives using business process management // Information & Management. – 2020. – Режим доступа: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0378720618303197>.

анализируют свои функции на предмет несоответствий и/или необходимости осуществления улучшений. Компания создала центр передового опыта для поддержки своей опыта в данной области. Аналитики процессов постоянно следят за качеством результатов и решают, следует ли включать конкретный процесс в карту центральных процессов или нет. За последние годы LEGO запустил несколько проектов по улучшению. LEGO полагается на постоянное согласование этих проектов для достижения комплексных улучшений производительности⁶⁶.

Глобальный сектор здравоохранения также занимается значительными цифровыми преобразованиями. Оценка этих преобразований важна с учетом основных инвестиций и их потенциальных последствий⁶⁷. Преобразования касались цифровой трансформации государственных больниц Австралии. Это было подкреплено внедрением интегрированного набора клинических и административных систем, которые предоставляют и используют единую электронную медицинскую карту для каждого пациента почти во всех государственных больницах штата. Инициатива не была полностью новой. Она явилась следствием развития здравоохранения в стране за последние 50 лет и существующих мировых тенденций. Например, в США только 10% больниц имели электронные медицинские карты в 2008 году, но более 80% – к 2015 году. Зная об этих тенденциях, менеджеры учреждений здравоохранения подтверждают, что обоснование проекта стало необходимым и в некоторой степени запоздалым. Однако в некоторых аспектах работы инициатива оказалась достаточно новой⁶⁸.

2 Управление отечественными субъектами хозяйствования в условиях цифровизации экономики

В Российской Федерации целью внедрения инструментов цифровой экономики являются новые модели управления как персоналом, так и большими объемами данных, которые в современном мире уже нецелесообразно хранить на бумажных носителях. Переход

⁶⁶ Fischera M., Imgrunda F., Janieschab Ch., Winkelmann A. Strategy archetypes for digital transformation: Defining meta objectives using business process management // Information & Management. – 2020. – Режим доступа: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0378720618303197>.

⁶⁷ Burton-Jones Andrew, Akhlaghpoura Saeed, Ayreb Stephen, Bardec Payal, Staibd Andrew, Sullivane Clair. Changing the conversation on evaluating digital transformation in healthcare: Insights from an institutional analysis // Information and Organization. – 2019. – Режим доступа: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1471772718302689>.

⁶⁸ Там же.

частных компании и государственных структур на электронные платформы позволит оптимизировать обрабатываемую информацию, а также даст возможность более оперативно реагировать на возникающие проблемы и изменения. Автоматизация документооборота позволит предприятиям наладить необходимые инструменты для установки взаимосвязи между данными и объединить их для последующего составления выводов по ним.

Очевидно, что в современной экономике использование информационно-коммуникационных технологий позволяет предприятиям упростить обработку огромного количества данных и оптимизировать бизнес-процессы⁶⁹.

Оцифровка экономической системы является основным направлением развития государства, экономики и связей с общественностью, а цифровая экономика становится прорывной технологией в системе устойчивого развития общества. Для успешного внедрения инструментов цифровой экономики в деятельность отечественных компаний государству необходимо сформировать соответствующую институциональную среду. В реализуемом национальном проекте «Цифровая экономика Российской Федерации» к институтам первостепенной важности отнесены персонал, образование и наука.

В современных условиях экономика и образование не могут развиваться по традиционному сценарию, их трансформация неизбежна с учетом существующих реалий. Позднее решение поставленных вопросов может привести к огромным как экономическим, так и социальным издержкам. Данные аспекты актуализируют вопросы комплексной стратегии по подготовке кадров и обучению их новым навыкам, которые будут соответствовать современным реалиям цифровой экономики⁷⁰.

В последние годы появились многочисленные прогнозы о возможном снижении уровня занятости в связи с Четвертой промышленной революцией, связанной с развитием таких передовых технологий, как роботизация, «цифровизация», создание искусственного интеллекта и т. д. Политики, публицисты, социологи, футурологи, инженеры и другие исследователи делают подобные прогнозы на эту тему. Несмотря на то, что большинство экономистов не

⁶⁹ Лебедева О.А., Макарова Т.Н., Соболева Ю.П., Дрогавцева Е.В. Состояние и перспективы развития рынка информационных технологий в России // Таврический научный обозреватель. – 2015. – № 2-1. – С. 33-38.

⁷⁰ Устойчивое развитие России в меняющемся мире: угрозы и перспективы: монография / под общей ред. В.В Матвеева. – М.: Издательство: Компания КноРус, 2017. – 236 с.

разделяют таких взглядов, среди них все еще есть исследователи, которые негативно характеризуют ближайшее будущее рынка труда. Например, некоторые говорят, что в результате внедрения новых технологий большое количество людей трудоспособного возраста не будет востребовано на рынке - машины, наконец, выиграют конкуренцию между машинами и людьми. Другие отмечают, что мировое сообщество вступает в эпоху высокой технологической безработицы, жертвам которой традиционное государство всеобщего благосостояния не может помочь.

Многие согласны с тем, что в ближайшие десятилетия около половины всех существующих профессий уйдут в прошлое. Исследователи прогнозируют такой высокий уровень технологических изменений, что рабочие просто не могут физически переучиваться на новые специальности, в результате чего число безработных будет неуклонно расти. Сегодняшним школьникам и студентам необходимо быть готовыми к полному исчезновению множества не только небольших или средних, но и высококвалифицированных рабочих мест, поскольку новые технологии будут все чаще брать на себя выполнение интеллектуальных функций, которые по-прежнему остаются исключительной собственностью человека.

Главная экзистенциальная проблема, с которой человечество вскоре столкнется, заключается в том, что делать человеку, когда фактически термин «работа» исчезнет, и персонал заменят умными роботами и машинами.

Применение цифровых технологий в деятельности компаний, очевидно, вызовет необратимые изменения в структуре занятости и в требованиях к навыкам работников. У руководителей возникает высокая необходимость в наличии в штате предприятия как собственных ИТ-специалистов, программистов, так и просто высокообразованных, квалифицированных пользователей, которые смогут функционировать в цифровой среде. Также необходимо отметить, что уже на данный момент в экономике государства присутствует потребность в людях, которые могут эффективно принимать решения в условиях цифровой экономики, или если кратко - "цифровых лидерах" и цифровых предпринимателях. В условиях цифровой экономики, когда происходит стремительная трансформация всего общества методы цифрового руководства и гибкая организационная структура становятся ключевыми в бизнесе. Для HR-специалистов главным звеном новой системы становятся люди, работа и цифровые системы.

В условиях цифровой трансформации ключевыми задачами, стоящими перед институтом управления персоналом, становятся:

- результативный подбор персонала;
- его последующая подготовка;
- вовлечение в работу высокозаинтересованных сотрудников, для которых первостепенной задачей будет генерация новых идей и достижение поставленных целей.

На данный момент большая часть мировых корпораций требует от своих сотрудников визуализации полученных результатов деятельности, чтобы наглядно оценить динамику⁷¹. Благодаря таким данным руководители могут реально проанализировать целесообразность вложения инвестиции в персонал, его обучение и квалификацию для дальнейшего повышения производительности труда. В цифровой экономике этот инструмент получил название «people-аналитика». Рассматриваемая цифровая технология помогает руководителям решить вопросы обработки огромного количества данных, сочетая в себе методы «data mining». Данные методы включают в себя разработку прогнозных сценариев развития и интеллектуального анализа деятельности компании.

В настоящее время перед институтом развития высококвалифицированных и нужных кадров стоят несколько достаточно значимых проблем, которые препятствуют более быстрому развитию и внедрению в эпоху цифровой экономики⁷². К ним относятся:

- низкое качество регуляторной среды;
- слабая социальная мобильность;
- невысокий уровень толерантности;
- медленное развитие технологических и специальных умений;
- относительная открытость рынка труда.

Организация аналитического обеспечения управления персоналом в рамках управления предприятием требует формирования ряда профессиональных возможностей среди менеджеров⁷³:

- проводить проверку показателей деятельности персонала, сопоставлять полученные результаты с установленными целями и планами предприятия, учитывая его стратегию, а также анализировать

⁷¹ Стратегия кадровой политики в эпоху цифровой экономики: монография / под общей ред. Н.А. Лытневой. – Орел: Издательство Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС, 2019. – 272 с.

⁷² Соболева Ю.П., Сотникова Е.А., Карпова Т.В. К вопросу о специфике управления персоналом в сфере услуг // Вестник ОрелГИЭТ. – 2017. – № 4 (42). – С. 59-63.

⁷³ Проблемы развития российского рынка труда и кадровый потенциал экономических систем: монография / под ред. О.В. Рудаковой. – Тверь: ООО «Издательство «Триада», 2017. – 128 с.

характер изменений;

- совместно с другими подразделениями наладить эффективную работу систем финансового контроля за информацией и безопасностью персонала;

- создать информационное и коммуникационное сотрудничество между руководителями и персоналом различных уровней управления во внешней среде, с бизнес-партнерами и другими заинтересованными лицами.

Специалисты анализируют три основных Digital-аспекта, которые заменят старые основы менеджмента:

- цифровые кадровые ресурсы: применение современных методов управления;

- рабочее место сотрудника, которое будет соответствовать критериям цифровой экономики;

- цифровой HR, который, с одной стороны, помогает компаниям внедрить цифровые технологии в свою деятельность, а с другой – создать необходимую культурную среду.

Таким образом, несомненно, менеджмент в условиях цифровой экономики претерпевает огромные изменения, происходит синтез практического знания, внедрение референтивных бизнес-технологии на базе применения искусственного интеллекта и цифровых данных. Е.А Гусарова отмечает, что: «в HR-управлении позволяют выделить такие инновационные решения, как:

- применение технологий «smart-офис» - встроенные голосовые системы, выполняющие типичные действия работников в управлении процессами;

- цифровое обучение и исследования на основе игрового брейнсторминга;

- геймификация контента учебных программ, в т. ч. онлайн-обучения;

- интегрированы инструменты аналитики для отбора персонала, использования реферальных программ привлечения;

- цифровое опроса - аналитика больших данных в реальном пространстве и времени, более глубокая оцифровка контента собеседования с претендентами, администрирование кадровых процессов»⁷⁴.

Большинство работ по формированию шестого технологического

⁷⁴ Гусарова Е.А., Коновалова В.Г. Современные тенденции использования цифровых технологий в управлении персоналом // В книге: Реформы в России и проблемы управления // Материалы 33-й Всероссийской научной конференции молодых ученых. Государственный университет управления, 2018. - С. 186-190

уклада и развитию индустрии 4.0 посвящено изучению влияния цифровой экономики на трансформацию бизнеса. В статьях показано, что каждой технологической структуре экономики соответствует своя управленческая концептуальная модель производственно-хозяйственной системы. И, следовательно, формирование основ цифровой экономики имманентно ведет к эволюционному развитию моделей управления в социально-экономических системах, которые недостаточно изучены в имеющихся работах.

В условиях цифровой экономики произойдет трансформация модели управления затратами в модель управления эффективностью технологий. Это означает, что главным источником экономического роста станет не просто инновационное развитие, а поиск более эффективных инновационных технологий. В цифровой экономике технологии станут практически общедоступными, поэтому ключом к успеху станут новые модели управления цифровыми технологиями, это позволяет осуществлять как оперативное регулирование, так и моделирование будущих возможностей и угроз государства, бизнеса и каждого члена общества.

В многочисленных работах, посвященных изучению эволюции производственных технологий, внимание авторов в основном сосредоточено на основных характеристиках и содержательных аспектах развития производственно-сбытовых систем в условиях цифровой экономики, на выявлении особенностей инновационного цикла, формирующегося на наших глазах, а также на структурной динамике ведущих секторов экономики и их ресурсном обеспечении под влиянием цифровизации. В то же время, недостаточное внимание уделяется проблемам развития эволюция системы управления, в то время как авторы считают, что каждый эволюционный тип экономики имеет свою собственную концепцию управления производственно-экономической системой. И, следовательно, формирование основ цифровой экономики имманентно ведет к эволюционному развитию моделей управления в социально-экономических системах.

Содержание модели управления во многом определяется поведением субъектов управления. Систематические описания моделей управления производством в рамках технологически развивающейся экономики в принципе отсутствуют, а количество моделей и их вариаций, упоминаемых до сих пор в научной литературе, огромно, что актуализирует проблему создания их научно обоснованной классификации и факторов эволюционной трансформации.

Поскольку в экономике шестого технологического уклада ключевыми факторами экономической деятельности являются электронные технологии и услуги, а также оцифрованные, объемные,

диверсифицированные материалы, работа с которыми в сравнении с классическими методами, дает возможность значительно увеличить производство и эффективность. Все эти факторы в первую очередь созданы для поиска наиболее оптимальных и продуктивных методов менеджмента. Очевидно, что они помогут значительно увеличить источники роста инновационного развития и научные знания.

С развитием высокотехнологичных отраслей в мировой экономике появляются зачатки новой концепции управления технологической эффективностью.

По прогнозам экспертов, соответствующая цифровая модель управления будет сформирована в странах цифровой экономики к 2025 году. Отмечается, что огромный электронный поток данных и созданные для его обработки цифровые инструменты могут стать в современном мире новой формой капитала. Создание, структурирование и применение такого вида капитала потребует масштабного взаимодействия между государством, бизнес-единицами и всем гражданским обществом.

Обратим внимание на то, что философская модель управления социально-экономическими системами на всех уровнях их функционирования будет базироваться на следующих принципах:

1. Получение данных в режиме реального времени;
2. Управление экономикой на основе автоматизированных больших данных
3. анализ;
4. Незамедлительное принятие решений, внедрение новых правил, резкая реакция на колебания как внешней, так и внутренней сферы деятельности компании;
5. Нацеленность на определенного потребителя, индивидуальный подход к каждому (благодаря мобильным устройствам и Интернету общение между клиентом и компанией становится более доступным и простым);
6. Государство, бизнес-единицы и гражданское общество представляют собой некую цифровую экосистему, в которой происходит объединение их ресурсов для достижения общей цели.

Как отмечает В.М. Бондаренко, «с развитием цифровой экономики, в деятельности предприятий появились существенные изменения, а именно:

- появление информационного производственного фактора, ставшего значимым ресурсом;
- увеличение затрат на производство, так как информация, как товар и фактор имеет цену;
- снижение транзакционных издержек за счет применения

информационных технологий;

- рост значимости человеческого фактора при внедрении производства, основанного на информационных технологиях;
- снижение значимости фактора неопределенности за счет активного применения информационного ресурса»⁷⁵.

Упомянутые выше нововведения связаны, прежде всего, с тем, что во взаимоотношениях между компаниями и их клиентами в условиях цифровой экономики, произошли существенные изменения.

В традиционной экономике данные взаимоотношения имели следующий характер: у потребителя не было выбора, ему приходилось приобретать только то, что предоставил данный производитель. То есть у второго лица была главная роль, так как он был генератором идей. Сейчас же, в условиях цифровой экономики, покупатель выступает решающим звеном в их отношениях, он может непосредственно участвовать в процессе создания новых продуктов и услуг. Данное обстоятельство стоит рассматривать как одно из важных в трансформации менеджмента.

В процессе изменения менеджмента в условиях цифровой экономики кардинально меняется система ценностей у руководителей компаний. На первый план выходит такой ценный актив, как знания и практические умения. Вышестоящее руководство понимает, что от этого зависит стабильное прогрессивное развитие компаний в совершенно разных секторах экономики. Поэтому очень важно создать новые модели для принятия стратегических решений для развития бизнеса, которые будут основаны на актуальных и современных инструментах и на корпоративных знаниях системы цифровой экономики.

Оптимальное распределение возможностей компании, своевременное создание и продвижение ключевых задач дает возможность компании получить и в будущем преумножить доход от своей деятельности на выбранном сегменте рынка. На первый план выходят такие показатели, как: доля рынка, количество новых клиентов, удовлетворенность клиентов, уровень продаж, лояльность клиентов, количество положительных отзывов и т.д.⁷⁶ Руководители мировых корпораций постепенно приходят к выводу, что финансовые показатели

⁷⁵ Бондаренко В.М. Мировоззренческий подход к формированию, развитию и реализации «цифровой экономики» // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2017. Т. 13. № 1. С. 237–251.

⁷⁶ Соболева Ю.П. К вопросу о внедрении цифровых технологий в деятельность предпринимательских структур // Экономический рост как основа устойчивого развития России: сборник научных статей 4-ой Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х томах. – 2019. – С. 243-246.

работы их компаний напрямую зависят от того, насколько эффективно организована работа с имеющимися данными. А для этого как раз необходимо использовать имеющийся потенциал своих работников – их навыки, умения, прогрессивные идеи. Таким образом, в условиях цифровой экономики, первоначально нужно вкладывать средства в квалификацию персонала.

Эксперты выделяют основные направления в развитии цифровой экономики в Российской системе. К ним относятся⁷⁷:

- устранение информационной и цифровой неосведомленности;
- стремительная переквалификация кадров;
- ликвидация неактуальных элементов трудоустройства, таких как диплом, трудовая книжка на индивидуальный профиль человека.

Немаловажно отметить, что на сегодняшний день, число специалистов, которые смогут работать в условиях цифровой экономики, составляет всего 1,5% от всех работающих. В более развитых странах этот показатель имеет чуть большее значение и находится в диапазоне от 3 до 5 процентов. В первую очередь это свидетельствует о серьезной нехватке кадров для перехода на рельсы цифровой экономики.

Цифровизация и глобализация, несомненно, существенно трансформируют систему менеджмента. Сейчас стратегическая роль по применению инновационных цифровых методик и подготовке соответствующих кадров для всех секторов экономики, обслуживающих большие массивы данных принадлежит HR-департаментам и всему обществу в целом.

Список литературы:

1. Бондаренко В.М. Мировоззренческий подход к формированию, развитию и реализации «цифровой экономики» // Современные информационные технологии и ИТ-образование. – 2017. – Т. 13. – № 1. – С. 237-251.
2. Гусарова Е.А., Коновалова В.Г. Современные тенденции использования цифровых технологий в управлении персоналом // Реформы в России и проблемы управления: материалы 33-й Всероссийской научной конференции молодых ученых. – М.: Государственный университет управления, 2018. – С. 186-190.

⁷⁷ Цифровая экономика: проблемы и последствия современных технологий: монография / под общей ред. проф. А.В. Полянина. – Орел: Издательство Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС, 2019. – 222 с.

3. Елохова Т.А. Управление персоналом на основе цифровых технологий [Электронный ресурс] // Развитие менеджмента в условиях перехода к цифровой экономике: материалы X Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. – Пермь: Издательство: «Пермский государственный национальный исследовательский университет», 2017. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35115820>

4. Коновалова В.Г. Цифровые технологии в управлении персоналом: современное состояние, проблемы и перспективы // Шаг в будущее: искусственный интеллект и цифровая экономика: материалы 1-й Международной научно-практической конференции. – М.: Государственный университет управления, 2017. – С. 71-80.

5. Лебедева О.А., Макарова Т.Н., Соболева Ю.П., Дрогавцева Е.В. Состояние и перспективы развития рынка информационных технологий в России // Таврический научный обозреватель. – 2015. – № 2-1. – С. 33-38.

6. Проблемы развития российского рынка труда и кадровый потенциал экономических систем: монография / под ред. О.В. Рудаковой. – Тверь: ООО «Издательство «Триада», 2017. – 128 с.

7. Соболева Ю.П. К вопросу о внедрении цифровых технологий в деятельность предпринимательских структур // Экономический рост как основа устойчивого развития России: сборник научных статей 4-ой Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х томах. – 2019. – С. 243-246.

8. Соболева Ю.П., Сотникова Е.А., Карпова Т.В. К вопросу о специфике управления персоналом в сфере услуг // Вестник ОрелГИЭТ. – 2017. – № 4 (42). – С. 59-63.

9. Стратегия кадровой политики в эпоху цифровой экономики: монография / под общей ред. Н.А. Лытневой. – Орел: Издательство Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС, 2019. – 272 с.

10. Устойчивое развитие России в меняющемся мире: угрозы и перспективы: монография / под общей ред. В.В. Матвеева. – М.: Издательство: Компания КноРус, 2017. – 236 с.

11. Цифровая экономика: проблемы и последствия современных технологий: монография / под общей ред. проф. А.В. Полянина. – Орел: Издательство Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС, 2019. – 222 с.

12. Burton-Jones Andrew, Akhlaghpoura Saeed, Ayreb Stephen, Bardec Payal, Staibd Andrew, Sullivane Clair. Changing the conversation on evaluating digital transformation in healthcare: Insights from an institutional analysis // Information and Organization. – 2019. – Режим доступа:

<https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1471772718302689>.

13. Chien-Chun Ku, Chen-Fu Chien, Kang-Ting Ma. Digital transformation to empower smart production for Industry 3.5 and an empirical study for textile dyeing // *Computers & Industrial Engineering*. – 2020. – Volume 142. – Режим доступа: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0360835220300310>.

14. Fischera M., Imgrunda F., Janieschab Ch., Winkelmann A. Strategy archetypes for digital transformation: Defining meta objectives using business process management // *Information & Management*. – 2020. – Режим доступа: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0378720618303197>.

15. Garifova L. The Economy of the Digital Epoch in Russia: Development Tendencies and Place in Business // *Procedia Economics and Finance*. – 2014. – Volume 15. – Pp. 1159-1164. – Режим доступа: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2212567114005723#bibl0005/>.

16. Schallmo D., Willams Ch.A.; Boardman L. Digital Transformation of Business Models-Best Practice, Enabler, and Roadmap // *International Journal of Innovation Management*. – 2018. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/326260383_Digital_Transformation_of_Business_Models-Best_Practices_Enablers_and_Roadmap.

17. Ulas D. Digital Transformation Process and SMEs // *Procedia Computer Science*. – 2019. – Volume 158. – Pp. 662-671. – Режим доступа: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1877050919312712>.

18. Verhoef P.C., Broekhuizen Th., Bartb Y., Bhattacharyaa A., Donga J.Qi, Fabiana N., Haenleinc M. Digital transformation: A multidisciplinary reflection and research agenda // *Journal of Business Research*. – 2019. – Режим доступа: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0148296319305478>.

Раздел 15

РАЗВИТИЕ ДУАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ПРИ ПОДГОТОВКЕ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КАДРОВ

Третьякова Л.А., д.э.н, профессор
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет», г. Белгород

Кадровая политика является одним из ключевых приоритетов государственного управления, позволяет динамично достигать целевые индикаторы развития регионов, территорий, отраслей, предприятий. Уровень профессиональной подготовки управленческих кадров определяет эффективность достижения объективно-контролируемых показателей экономического развития, направления стратегического расширения сферы производства, интенсивность формирования конкурентных преимуществ экономических и социальных систем разного уровня[4, с.300].

В условиях индикативно – измеряемой государственной экономической политики дефицит управленческих кадров с оптимально адаптивным компетентностным профилем является непреодолимым обстоятельством для динамичного развития отраслевой экономики, устойчиво динамичного территориального развития, формирования инвестиционной привлекательности регионов и производственных объектов. Действующая система подготовки управленческих кадров во многих регионах характеризуется несвоевременным реагированием на экономические и организационно-управленческие преобразования, является, к сожалению, инертной в контексте внедрения новых производственных и образовательных технологий, не имеет обоснованной стратегии взаимодействия с работодателями в соответствии с их запросами на рынок труда, адаптации и интеграции выпускников в систему реального производства и управления на всех уровнях[6, с.7].

Изменение системы подготовки управленческих кадров способствует созданию в субъектах Российской Федерации условий для обеспечения перехода от традиционной к программно-целевой модели обеспечения экономики региона кадрами, характеризующимися максимально полным компетентностным профилем. Дуальное образование – это инфраструктурно-системная модель, обеспечивающая оптимальное взаимодействие всех участников регионального рынка труда (пассивных и активных): на стадии прогнозирования потребностей в управленческих кадрах, в процессе профориентационной работы и профессионального самоопределения абитуриентов, в процессе формирования компетентностного профиля

будущего специалиста в системе профессионального образования, в процессе подбора и оценки педагогических кадров, включая наставников на производстве. Основными целевыми ориентирами развития дуального образования в сфере подготовки управленческих кадров является научно-обоснованное формирование и совершенствование стратегии подготовки высококвалифицированных кадров, с заданным набором профессиональных компетенций исходя из реальных потребностей региональной экономики и конкретных требований к управленцам со стороны субъектов предпринимательской деятельности[11, с.45].

Основными тактическими задачами развития дуального образования в сфере подготовки управленческих кадров являются: разработка, апробация, внедрение и экстраполяция моделей дуальной системы образования на пилотных территориях; разработка вариативных алгоритмов участия предприятий в финансировании и реализации программ подготовки управленческих кадров, а также моделей и механизмов сетевого взаимодействия образовательной организации и субъектов предпринимательской деятельности в процессе подготовки управленческих кадров для достижения стратегических преимуществ.

Ожидаемые результаты от внедрения дуальной модели профессионального образования: формирование компетенций управленческих кадров на основе запросов производственных систем; необходимость и востребованность прогнозных сценариев потребности в кадрах; увеличение софинансирования образовательных организаций и учреждений со стороны субъектов предпринимательской деятельности; вариативность индивидуальных образовательных программ; развитие системы независимой оценки качества подготовки выпускников и педагогических кадров; значительный рост профессиональной компетентности управленческих кадров в результате развития новых, инновационных форм образования.

Характеристики практико-ориентированного образования, отличающие его от всех других типов образования: источник целеполагания – запрос экономической сферы в квалифицированных управленческих кадрах с установленными качественными и количественными характеристиками компетентностного профиля; развитые механизмы социального партнерства; первостепенность в образовательном процессе практических форм обучения, ориентированных, на формирование конкретных, стандартных и стандартизируемых навыков и умений (в рамках реализации заданных профессиональных функций); преимущественное использование в педагогическом процессе стандартных и технологичных форм, методик,

методов и средств обучения.

В сегодняшних условиях приоритетности человеческого капитала в формате развития экономических систем, управление персоналом является важнейшей составляющей управленческой деятельности, поэтому развитие дуального образования при подготовке управленческих кадров по специальности «Управление персоналом» является своевременным и актуальным. Подготовка бакалавров по направлению подготовки «Управление персоналом» осуществляется по учебным планам, разработанным на основе государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования третьего поколения, утвержденного Министерством образования Российской Федерации.

Для реализации проекта «Развитие дуального образования по направлению подготовки «Управление персоналом» разрабатывается алгоритм реализации проекта (таблица 1).

Таблица 1 – Проект «Развитие дуального образования при подготовке управленческих кадров по направлению подготовки «Управление персоналом»

Цель проекта	Подготовка высококвалифицированных кадров с учетом реальных потребностей экономики региона и освоение профессиональных компетенций и навыков, необходимых в рамках получаемых профессий, на основании полученного заказа. 80 % выпускников трудоустроить на предприятия-партнеры по дуальному образованию. 95 % компетентностного профиля выпускников сформировать на производственных площадках предприятий-партнеров по дуальному образованию.
Способ достижения цели	Разработка алгоритма реализации проекта «Развитие дуального образования при подготовке управленческих кадров по направлению подготовки «Управление персоналом»
Результат проекта	Освоение профессиональных компетенций и навыков, повышение конкурентоспособности выпускников ВУЗа по направлению подготовки «Управление персоналом» на рынке труда и увеличение его профессиональной стоимости на 5 % к концу 2022 года.
Требования к результату	Реализация проекта развития дуального образования по направлению подготовки «Управление персоналом», включает в себя: - актуализацию нормативно-правовой базы; - разработку алгоритма долгосрочного плана мероприятий на 2020-2022гг.; - формирование рабочей группы.
Пользователи результата проекта	Выпускники направления подготовки «Управление персоналом», торговые, промышленные, производственные предприятия, компании и фирмы региона.

Дуальное обучение обеспечивает получение управленческих кадров, подготовленных в соответствии с потребностями конкретного

предприятия и его спецификой. Организация такого обучения предполагает большую совместную работу образовательного учреждения и предприятия[3, с.110].

Такая работа начинается, прежде всего, с определения профессиональных компетенций, необходимых предприятию в рамках получаемых профессий, и уже на основании полученного заказа формируется содержание программ подготовки квалифицированных работников по профессиям (таблица 2).

Таблица 2 – Профессиональные компетенции управленческих кадров по направлению подготовки «Управление персоналом»

Компетенции	Дисциплины	Площадка изучения
ПК1	Технологии процессного обеспечения управления персоналом Организационная культура Управление персоналом организации Введение в специальность Теория управления Дифференциальный подход в управлении персоналом	Образовательное учреждение
ПК2	Основы кадровой политики и кадрового планирования Маркетинг персонала	Торговые, промышленные, производственные предприятия, компании и фирмы
ПК3	Основы кадровой политики и кадрового планирования Рекрутинг	Образовательное учреждение
ПК4	Технологии процессного обеспечения управления персоналом Адаптация и развитие персонала Социальная политика в сфере занятости	Образовательное учреждение
ПК5	Регламентация и нормирование труда	Торговые, промышленные, производственные предприятия, компании и фирмы
ПК6	Анализ развития персонала Адаптация и развитие персонала Моделирование и развитие карьеры Формирование кадрового резерва компании	
ПК7	Управление персоналом организации Теория управления Оценка деятельности менеджера по персоналу	
ПК8	Мотивация и стимулирование трудовой деятельности Корпоративные мотивационные системы Оплата труда персонала Индивидуальные мотивационные пакеты Оплата труда HR -менеджера	

Продолжение таблицы 2

Компетенции	Дисциплины	Площадка изучения
ПК9	Основы организации труда, Эргономика рабочих мест	
ПК10	Регламентация и нормирование труда, Кадровое делопроизводство	Образовательное учреждение
ПК11	Основы организации труда Функциональные задачи менеджера по персоналу	Образовательное учреждение
ПК12	Организационное поведение Кадровое делопроизводство	Торговые, промышленные, производственные предприятия, компании и фирмы
ПК13	Регламентация и нормирование труда Кадровое делопроизводство	
ПК14	Экономика и социология труда Экономика управления персоналом Экономика организации Управленческий учет и учет персонала	
ПК15	Экономика и социология труда Стандартизация и сертификация персонала	Торговые, промышленные, производственные предприятия, компании и фирмы
ПК16	Основы кадровой политики и кадрового планирования, Рекрутинг	
ПК17	Основы управления персоналом Модели профессиональных компетенций HR-специалистов Модели эффективного HR-управления	Образовательное учреждение
ПК18	Основы организации труда Кадровые риски и их оценка	Торговые, промышленные, производственные предприятия, компании и фирмы
ПК19	Технологии процессного обеспечения управления персоналом, Адаптация и развитие персонала, Аутсорсинг и аутстаффинг в управлении персоналом	
ПК20	Экономика и социология труда Оценка деятельности менеджера по персоналу	
ПК21	Анализ развития персонала Управление деловой карьерой персонала	
ПК22	Управленческий учет и учет персонала Оплата труда персонала	
ПК23	Организационное поведение Психодиагностика в управлении персоналом	
ПК24	Мотивация и стимулирование трудовой деятельности Корпоративные мотивационные системы Оплата труда персонала	
ПК25	Экономика управления персоналом Рынок труда и управление занятостью Управленческое консультирование	

ПК26	Экономика организации Кадровый аудит Управленческий учет и учет персонала	
ПК27	Информационные технологии в управлении Современные информационные технологии	
ПК28	Организационная культура	
ПК34	Введение в проектную деятельность Организация кадровых программ Проектирование в сфере кадрового менеджмента Язык и стиль служебных документов Кадровые проекты Управление социальным развитием персонала	
ПК35	Инновационные технологии в управлении персоналом	
ПК36	Введение в проектную деятельность	
ПК37	Инновационные технологии в управлении персоналом Перспективное планирование HR- подразделения	
ПК38	Маркетинг персонала Организация работы с профсоюзами	

Освоение профессиональных навыков и компетенций осуществляется на учебной и производственной практиках, в соответствии с изучаемой дисциплиной[2, с.40].

Модель дуального образования при подготовке управленческих кадров по направлению подготовки «Управление персоналом» предполагает, что 70-80% времени учащийся обучается непосредственно на производстве, и только 20-30% - в образовательной организации[7, с. 1312].

Таблица 3 – Структура системы дуального образования при подготовке управленческих кадров по направлению подготовки «Управление персоналом»

Место проведения	Этапы обучения	Цель
Образовательное учреждение	Профессиональное обучение.	Освоение профессиональных знаний, умений и навыков.
	Профессиональная тренировка. (Учебная практика).	Отработка профессиональных умений и навыков.
Производство	Профессиональное воспитание.	Воспитание свойств личности, необходимых для успешного применения профессиональных знаний, умений и навыков. Освоение общих компетенций.

Профессиональная практика. (Производственная практика).	Приобретение профессионального опыта. Освоение профессиональных компетенций.
Погружение в профессиональную среду.	Формирование профессиональной культуры.
Актуализация профессионального выбора.	Мотивация на профессиональное становление и профессиональную деятельность.

Для реализации целей проекта необходимо решить следующие задачи в рамках этапов реализации проекта дуального образования.

I этап: подготовительный включает:

- анализ и оценку состояние регионального рынка труда;
- установление тенденций и специфики организации дуального обучения в сфере образовательных услуг при сетевом взаимодействии с предприятиями;
- обновить структуру и содержание образовательной программы с практико-ориентированным подходом в интеграции с профессиональными стандартами;
- разработать нормативно-правовую базу механизма внедрения модели дуального обучения при взаимодействии специалистов от работодателей [1, с. 19];

II этап: исполнительный включает:

- реализацию образовательную программу с учетом усиления практической составляющей;
- совершенствование методики и технологического инструментария работы преподавателей в условиях практико-ориентированной дуальной модели образования;
- разработку оценочных средств для проведения промежуточного контроля и итогового экзамена;
- закрепление за студентами наставников на предприятии;
- мониторинг и подготовка отчетной документации по реализации проекта;

III этап: заключительный включает:

- анализ и оценку результатов экспериментальной работы;
- трансляцию полученных результаты в педагогическое сообщество;
- обеспечение дополнительных возможностей внедрения элементов дуального обучения в программы краткосрочной подготовки

управленческих кадров.

Алгоритм реализации проекта охватывает собой весь цикл работ – от анализа потребности работодателей региона до гарантированного трудоустройства выпускников, подготовленных в соответствии с количественным и качественным заказом предприятий [15, с. 42].

Алгоритм реализации проекта дуального образования при подготовке управленческих кадров по направлению подготовки «Управление персоналом» включает:

1. анализ состояния регионального рынка труда;
2. разработку и внедрение модели управления образовательным процессом с использованием механизмов государственно-частного партнёрства;
3. разработку нормативно-правовых актов и методической документации, программ, диагностического инструментария;
4. корректировку локальных нормативных актов, учебно-методических комплексов, фондов оценочных средств и процедур оценивания, форм отчётной документации;
5. согласование основной профессиональной образовательной программы (ОПОП) с работодателем.
6. Разработка модели и осуществление мероприятий по повышению квалификации педагогических работников и наставников – работников предприятий путём самообразования, обучения на курсах повышения квалификации, прохождения стажировок.
7. создание и апробация механизма взаимодействия кафедры, осуществляющей подготовку управленческих кадров с предприятиями на основе внедрения элементов дуального обучения; разработку и реализацию модели организации образовательного процесса на основе принципов дуального обучения.
8. создание условий для внедрения элементов дуального обучения на производственных объектах социальных партнёров-участников проекта в образовательный процесс и мониторинг качества её реализации.
9. приобретение нового оборудования для лабораторий и использование ресурсов иных профессиональных образовательных учреждений в соответствии с соглашениями о сетевом взаимодействии.
10. размещение отчёта о результатах проекта на официальном сайте образовательного учреждения.
11. распространение опыта работы на региональном и федеральном уровнях.

Для реализации программных мероприятий в полном объеме необходимо формирование рабочей группы, с четко разграниченными функциями (таблица 4).

Таблица 4 – Матрица ответственности в проекте дуального образования при подготовке управленческих кадров по направлению подготовки «Управление персоналом»

Мероприятия	Руководитель проекта	Куратор проекта	Администратор проекта	Эксперт	Члены рабочей группы
Анализ состояния регионального рынка труда.	К, С	О, С,	В, И	М	В
Разработка и внедрение модели управления образовательным процессом с использованием механизмов государственно-частного партнёрства.	К,С,У	О,С,В	В, И	М,С	В
Разработка нормативно-правовых актов и методической документации, программ, диагностического инструментария.	К,С,У	О,С,В	В, И	М,С	В
Корректировка локальных нормативных актов, учебно-методических комплексов, фондов оценочных средств и процедур оценивания, форм отчётной документации.	К,С,У	О,С,В	В, И	М,С	В
Согласование ОПОП по специальностям и профессиям с работодателем.	К,С,У	О,С,В	В, И	М,С	В
Разработка модели и осуществление мероприятий по повышению квалификации педагогических работников и наставников – работников предприятий путём самообразования, обучения на курсах повышения квалификации, прохождения стажировок.	К,С,У	О,С,В	В, И	М,С	В
Создание и апробация механизма взаимодействия образовательного учреждения с предприятиями на основе внедрения элементов дуального обучения; разработка и реализация модели организации образовательного процесса на основе принципов дуального обучения.	К,С,У	О,С,В	В, И	М,С	В
Создание условий для внедрения элементов дуального обучения на производственных объектах социальных партнёров-участников проекта в образовательный процесс и мониторинг качества её реализации.	К,С,У	О,С,В	В, И	М,С	В
Приобретение нового оборудования для лабораторий и использование ресурсов иных профессиональных образовательных	К,С,У	О,С,В	В, И	М,С	В

Продолжение таблицы 4

Мероприятия	Руководитель проекта	Куратор проекта	Администратор проекта	Эксперт	Члены рабочей группы
учреждений в соответствии с соглашениями о сетевом взаимодействии.					
Анализ реализации проекта.	К,С,У	О,С,В	В, И	М,С	В
Размещение отчёта о результатах проекта на официальном сайте образовательного учреждения.	К,С,У	О,С,В	В, И	М,С	В
Распространение опыта работы на региональном и федеральном уровнях.	К,С,У	О,С,В	В, И	М,С	В

Обозначения: О – ответственный, В – выполняет, И – информирует, С – согласует, У – утверждает, К – контролирует, М – осуществляет мониторинг. Реализация проекта дуального образования при подготовке управленческих кадров по направлению подготовки «Управление персоналом» подвержена рискам (таблица 5).

Таблица 5 Риски реализации проекта дуального образования при подготовке управленческих кадров по направлению подготовки «Управление персоналом»

Риск	Последствия наступления риска	Мероприятия по предупреждению наступления риска
1. Недостаточное количество участников предприятий партнеров, нежелание производственных предприятий организовать на практику студентов	Недостаточное количество учебных часов по производственной практике, снижение качества подготовки специалистов	Стимулирование предприятий-партнеров со стороны администрации региона
2. Низкий уровень профессиональных компетенций и навыков из-за некомпетентности наставников на производстве	Низкий уровень подготовки специалистов	Прохождение курсов повышения квалификации для преподавателей-наставников
3. Снижение качества подготовки высококвалифицированных специалистов	Низкая конкурентоспособность на рынке труда, дополнительное дообучение	Тщательное планирование образовательной деятельности и систематический контроль на всех этапах учебного процесса, при активном участии работодателей

Продолжение таблицы 5

Риск	Последствия наступления риска	Мероприятия по предупреждению наступления риска
4.«Жёсткие» требования к рабочим местам для несовершеннолетних, поэтому работодатели не берут на практику эту категорию	Не достаточное количество учебных часов по производственной практике, снижение качества подготовки специалистов	Стимулирование создания и аттестации рабочих мест для несовершеннолетних
5.Необходимость капитальных вложений для открытия учебных цехов на крупных предприятиях и привлечение к учебному процессу наиболее квалифицированных работников этих предприятий	Нежелание производственных предприятий брать студентов на практику, недостаточное количество учебных часов по производственной практике, снижение качества подготовки специалистов	Стимулирование и финансирование предприятий-партнеров со стороны администрации региона

В случае успешной реализации проекта дуального образования при подготовке управленческих кадров по направлению подготовки «Управление персоналом» появится возможность реализации модели дуального обучения бакалавров, что способствует решению проблемы кадрового «голода» предприятий в условиях быстрой адаптации выпускников университета на рабочих местах [8, с.67].

Современная система дуального образования, внедряемая в нашей стране, возлагает задачу ликвидации разрыва между теорией и практикой одинаково и на предприятия, и на государство, и на систему образования. Предприятия, которые заинтересованы в получении высококвалифицированных кадров, стремятся добровольно решать проблемы и разделять ответственность за подготовку специалистов [13, с. 25].

Главная задача, которую необходимо решить системе образования – обосновать адаптивную модель профессиональной подготовки, ориентированную на устранение разрыва фактических потребностей в структуре, объемах и качестве трудовых ресурсов и реальных требований конкретных субъектов предпринимательской деятельности.

Сложившийся в нашей стране рынок труда диктует необходимость пересмотра традиционных подходов в системе профессионального образования, основанных на компетентностном

подходе, что способствует развитию дуальной системы обучения, которая формирует динамическую модель успешного специалиста. Действующие государственные стандарты предполагают равное соотношение теоретического и практического обучения.

Список литературы:

1. Аксенов, В.С. Социальная и профессиональная адаптация студентов СПО во взаимодействии учебных заведений и социальных партнеров / В.С. Аксенов // Среднее профессиональное образование. – 2004. - № 1. - С.21.
2. Актуальные проблемы среднего профессионального образования: опыт апробации и внедрения / Под ред. Г.В. Мухаметзяновой. – Казань: ИСПО РАО, 1998. 94 с.
3. Александров, Г.Н. Формирование творческой личности специалиста в системе ЦИПС / Г.Н. Александров, А.В. Райцев / Проблемы целевой интенсивной подготовки специалистов: Межвузовский тематический научный сборник. – Уфа: изд. УАИ, 1989.- 176 с. С. 111-119.
4. Алексюк А.М., Аюрзанайн А.А., Пидкасистый П.И., Козаков А.А. организация самостоятельной работы студентов в условиях интенсификации обучения. Киев: ИСИО, 1993.-336 с.
5. Анисимов, П.Ф. Развитие СПО в контексте модернизации российского образования / П.Ф. Анисимов // Среднее профессиональное образование. -2004. -№ 2.-С. 10.
6. Анисимов, П.Ф. Современное состояние и основные направления развития среднего профессионального образования / П.Ф. Анисимов // Среднее профессиональное образование. – 2001. № 12. - С. 5-9.
7. Воробьева И. М. – «Опыт дуального образования как возможный путь повышения эффективности профориентации будущих абитуриентов и профессиональной подготовки студентов технических вузов». // Молодой ученый. - 2015. - №11. - С. 1310-1313.
8. Кольга В. В. Подготовка современных специалистов в системе дуального образования / В. В. Кольга, М. А. Шувалова // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. – Красноярск. – 2014. – С. 66-69.
9. Методические рекомендации по реализации дуальной модели подготовки высококвалифицированных рабочих кадров. Москва 2015.
10. Мисиков Б. «Современный вуз: дуализм целей». //Высшееобразование в России. – 2006. – №11. – С. 167–168.
11. Родиков А.С. «Некоторые аспекты профилизации образовательных услуг дуальной системы европейского образования». // Вестник Военного университета. – 2010. – № 3 (23). – С. 41-46.
12. Татур Ю.Г. Компетентность в структуре модели качества подготовки специалиста // Высшее образование сегодня, № 5, 2004 - С. 20-27.

Раздел 16
ВИРТУАЛЬНЫЕ КЛАСТЕРЫ ИННОВАЦИОННОЙ
АКТИВНОСТИ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

Трещевский Д.Ю., к.э.н., доцент

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»,
г. Воронеж,

Пенина Е.О.

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»,
г. Воронеж

Проблемы усиления инновационной активности экономики и нового подхода к инновациям, соединяющим знания и уровень технологической оснащенности производства с рынком становятся все актуальнее в силу масштабных социально-экономических изменений в стране и насущной необходимости структурной перестройки производства [8].

Существенно возрастает роль регионов в развитии социально-экономических процессов в стране. Возникает потребность в формировании драйверов экономического роста на базе инновационных технологий с учетом сильной дифференциации внутри страны [2,3].

Эффективное управление инновационным развитием регионов РФ возможно только при объединении ряда регионов в относительно однородные и устойчивые по технико-технологическим и социально-экономическим условиям группы.

Для анализа специфики инновационной активности регионов России использован метод кластерного анализа, предложенного И. Манделем [3], М. Олдендерфером, Р. Блэшфилдом [4], И. Хартиганом [9]. Применительно к регионам этот метод использован Ю.И. Трещевским и соавторами [10], О. Голиченко, И. Щепиной [2].

1. Для кластерного анализа использовались показатели, представленные в официальных статистических источниках (таблица 1). В исследование включены 80 регионов РФ, по которым имеется устойчивая статистическая база. В силу специфики территориального устройства страны из информационной базы кластерного анализа исключено внутреннее региональное деление [5, 6].

2. В процессе исследования были отобраны 10 показателей, которые разносторонне характеризуют инновационный потенциал регионов. Кадровая составляющая представлена показателем численности персонала, занятого исследованиями и разработками (var2). Научная составляющая – числом организаций, осуществляющих

исследования и разработки (var1), числом разработанных и используемых передовых производственных технологий (var 4, 5). Финансовая компонента включает в себя внутренние затраты на исследования и разработки (var 3) и затраты на технологические инновации (var 8). Результативными составляющими являются удельный вес организаций, осуществляющих инновационную деятельность (var 6,7) и объем инновационных товаров, работ, услуг (var 9,10).

3. В процессе исследования были отобраны 10 показателей, которые разносторонне характеризуют инновационный потенциал регионов. Кадровая составляющая представлена показателем численности персонала, занятого исследованиями и разработками (var 2). Научная составляющая - числом организаций, осуществляющих исследования и разработки (var1), числом разработанных и используемых передовых производственных технологий (var 4, 5). Финансовая компонента включает в себя внутренние затраты на исследования и разработки (var 3) и затраты на технологические инновации (var 8). Результативными составляющими являются удельный вес организаций, осуществляющих инновационную деятельность (var 6,7) и объем инновационных товаров, работ, услуг (var 9, 10).

Таблица 1 – Показатели инновационного развития регионов

Показатель	Ед. измерения	Обозначение показателя
Число организаций, выполняющих научные исследования и разработки	Ед.	var 1
Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками	Чел.	var 2
Внутренние затраты на научные исследования и разработки	Млн. руб.	var 3
Число разработанных передовых производственных технологий	Ед.	var 4
Число используемых передовых производственных технологий	Ед.	var 5
Удельный вес организаций, осуществляющих инновации в общем числе обследуемых организаций	%	var 6
Удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации в общем числе обследуемых организаций	%	var 7
Затраты на технологические инновации	Млн. руб.	var 8
Объем инновационных товаров, работ, услуг	Млн. руб.	var 9
Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг	%	var 10

4. В процессе исследования были отобраны 10 показателей, которые разносторонне характеризуют инновационный потенциал регионов. Кадровая составляющая представлена показателем численности персонала, занятого исследованиями и разработками (var 2). Научная составляющая – числом организаций, осуществляющих исследования и разработки (var1), числом разработанных и используемых передовых производственных технологий (var 4, 5). Финансовая компонента включает в себя внутренние затраты на исследования и разработки (var 3) и затраты на технологические инновации (var8). Результативными составляющими являются удельный вес организаций, осуществляющих инновационную деятельность (var 6,7) и объем инновационных товаров, работ, услуг (var 9, 10).

5. Анализ проводился по трем годам, характеризующим различные макроэкономические изменения в стране. Предсанкционный период представлен 2012 годом, постсанкционный – 2015 годом. Наиболее современные данные, представленные органами государственной статистики, датируются 2018 годом.

6. Для приведения исследуемых показателей к сопоставимому виду была проведена процедура нормирования.

7. Для проведения кластерного анализа были использованы программы MS Excel и Statistica 13.

8. Определение оптимального числа кластеров по каждому из анализируемых периодов осуществлялось путем создания дендрограмм, основанных на евклидовых расстояниях в пространстве регионов. Построение дендрограмм показало, что в России в течение анализируемых периодов достаточно отчетливо и статистически достоверно выделяются шесть кластеров.

9. Помимо автоматического распределения регионов по кластерам с соответствующей нумерацией (кластер 1, кластер 2 и т.д.), которая не предусматривает их ранжирования, было введено собственное обозначение: по уровню развития кластера – А, Б, В, Г, Д, Е. Наиболее развитым считается кластер А, характеризующийся максимальным значением суммы нормированных показателей.

Табличная интерпретация сформированных кластеров по данным 2012 года представлена в таблице 2.

Анализ статистических характеристик результатов виртуальной кластеризации с использованием критерия Фишера показал высокий уровень значимости полученных результатов (диапазон значений от 24 до 163).

Кластер А – абсолютный лидер, представлен в 2012 году единственным регионом, городом Москвой. По сумме средних нормированных значений данным кластер опережает ближайший к

нему по уровню развития кластер Б более чем в два раза. Кластер характеризуется наибольшими, по сравнению с остальными регионами, значениями следующих показателей: var 1, var 2, var 3, var 5, var 8, var 9. Однако, являясь лидером по средним нормированным значениям, г. Москва отстает по абсолютным значениям от регионов-представителей других кластеров по числу разработанных передовых производственных технологий (var 4) и удельному весу организаций, осуществляющих инновации(var 6, 7). Наиболее слабой характеристикой кластера А по средним нормированным значениям является удельный вес инновационных товаров, работ и услуг. В кластере А наблюдается отставание по этому показателю от кластера В три раза и равенство с кластером Б.

Таким образом, кластер А занимает лидирующие позиции по абсолютным показателям, но не по относительным показателям он является лучшим.

Таблица 2 – Средние нормированные значения кластеров (2012г.)

Показатель	Кластер А	Кластер Б	Кластер В	Кластер Г	Кластер Д	Кластер Е
var1	1,000000	0,245134	0,052891	0,034153	0,042510	0,018618
var2	1,000000	0,206590	0,038611	0,012306	0,017025	0,005240
var3	1,000000	0,196973	0,037528	0,009334	0,013552	0,004321
var4	0,667954	0,396911	0,042471	0,027579	0,040406	0,016474
var5	1,000000	0,532605	0,199632	0,142397	0,093665	0,039852
var6	0,756098	0,604878	0,203252	0,652149	0,373322	0,174797
var7	0,753192	0,559149	0,200000	0,628572	0,339040	0,155461
var8	1,000000	0,263037	0,268964	0,038074	0,037347	0,008335
var9	1,000000	0,359610	0,567713	0,056710	0,023167	0,005717
var10	0,231707	0,216376	0,713415	0,163763	0,069119	0,041231
Сумма	8,408950	3,581263	2,324476	1,765035	1,049152	0,470046

Кластер Б в 2012 году представлен пятью регионами: Московской областью, г.Санкт-Петербургом, Республикой Татарстан, Свердловской областью. Нижегородская область является типовым представителем кластера. Кластер Б является сублидером и существенно опережает остальные кластеры, за исключением кластера А, по показателям var 1 – var 5. Средние нормированные значения удельного веса организаций, осуществляющих инновации(var 6,7), достаточно высоки, однако ниже аналогичных показателей кластера Г на 10%. По объему инновационных товаров, работ, услуг(varм 9) кластер Б отстает от своего ближайшего соседа (кластера В) практически вдвое. Однако, удельные значения этого показателя(var10) находятся на уровне

кластера А.

Следовательно, кластер В включает в себя сильные регионы, существенно опережающие по абсолютным показателям остальные регионы, но удельные показатели инновационной активности организаций демонстрируют средний уровень.

Кластер В представлен Самарской и Сахалинской областями. По показателям var 1 – var4 данный кластер очень близок к кластерам Г, Д, Е. Показатели удельного веса организаций, осуществляющих инновации, в том числе технологические (var 6, 7), невелики – ниже соответствующих показателей кластера Г в три раза, а кластера Д – в 1,8 раза. Однако, кластер имеет очень высокие значения объемов инновационных товаров, работ и услуг, как в денежном (var 9), так и в процентном выражении (var 10). По удельному весу инновационных товаров (var 10) кластер В является абсолютным лидером и опережает кластер А в три раза.

Таким образом, кластер В является весьма специфичным и характеризуется высокими затратами на технологические инновации и большим удельным весом инновационных товаров, работ и услуг. В абсолютных значениях объем инновационных товаров по Сахалинской области составлял 57,4%, а по Самарской области 24,5% от общего числа произведенных товаров, работ, услуг.

Кластер Г включает в себя 14 регионов: Владимирская, Тульская, Ярославская, Магаданская области, республики Башкортостан, Мордовия, Алтай, Удмуртская и Чувашская, Пермский, Хабаровский и Камчатский края, Чукотский автономный округ. Типичным представителем региона является Липецкая область. По сумме средних нормированных значений кластер Г отстает от кластера В на 24% и опережает кластер Д в 1,5 раза. Наиболее сильными характеристиками этого кластера являются удельный вес организаций, осуществляющих инновации (var 6) и удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации (var7). По этим показателям кластер является максимально близким к кластеру А.

Таким образом, кластер Г характеризуется достаточно большим весом организаций, осуществляющих инновационную деятельность, при невысоком уровне затрат на технологические инновации и внутренних затрат на научные исследования и разработки.

Кластер Д представлен 43 регионами, среди которых: Брянская, Ивановская, Калужская, Курская, Орловская, Рязанская, Тамбовская, Тверская, Вологодская, Ленинградская, Мурманская, Новгородская, Псковская, Архангельская, Волгоградская, Ростовская, Кировская, Оренбургская, Пензенская, Саратовская, Курганская, Тюменская, Челябинская, Иркутская, Новосибирская, Омская, Томская, Амурская

области, республики Карелия, Коми, Адыгея, Кабардино-Балкарская, Марий Эл, Бурятия, Хакасия, Краснодарский, Ставропольский, Алтайский, Красноярский и Приморский края, Еврейская автономная область. Типичными представителями региона являются Белгородская и Воронежская области. Наиболее высокие средние нормированные значения имеют показатели var 6, var7, характеризующие удельный вес организаций, осуществляющих инновации. По своим очертаниям графическая интерпретация кластера Д схожа с кластером Г и демонстрирует те же тенденции. По показателю числа разработанных передовых производственных технологий (var 4) кластер Д опережает кластер Г в 1,5 раза.

Кластер Е включает в себя следующие регионы: Костромская, Смоленская, Астраханская, Ульяновская, Кемеровская области, республики Калмыкия, Дагестан, Ингушетия, Карачаево-Черкесская, Северная Осетия, Чеченская, Тыва, Якутия, Забайкальский край. Типичным представителем является Калининградская область.

Таким образом, кластеры Д и Е характеризуются относительно низким уровнем инновационного развития регионов. Достаточно однородны и малы средние нормированные значения таких показателей, как число организаций и численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками (var 1, 2), внутренние затраты на научные исследования и разработки (var 3), затраты на технологические инновации (var 8).

Анализ кластеров инновационного развития за 2012 год демонстрирует следующее. Кластеры А и Б обладают относительно высоким потенциалом инновационного развития, активностью в продуцировании и использовании передовых производственных технологий. Кластеры В и Г активны в производстве инновационной продукции, о чем свидетельствуют высокие результативные показатели. Кластеры Д и Е относительно пассивны в сфере инноваций.

Следующим анализируемым периодом является 2015 год. Он характеризуется активным влиянием международных санкций на экономику регионов РФ. Табличная интерпретация состояния кластеров инновационного развития регионов России в 2015 году представлена в таблице 3.

Таблица 3 – Средние нормированные значения кластеров (2015г.)

Показатель	Кластер А	Кластер Б	Кластер В	Кластер Г	Кластер Д	Кластер Е
var1	0,558302	0,059023	0,075319	0,028636	0,044087	0,021688
var2	0,562853	0,016306	0,043518	0,010763	0,017699	0,004817
var3	0,561540	0,011370	0,038946	0,007442	0,014491	0,003121

Продолжение таблицы 3

Показатель	Кластер А	Кластер Б	Кластер В	Кластер Г	Кластер Д	Кластер Е
var4	0,626770	0,068533	0,086486	0,023810	0,055502	0,014918
var5	0,768022	0,209669	0,228634	0,061401	0,146165	0,033935
var6	0,596726	0,833705	0,302381	0,507069	0,299851	0,140828
var7	0,563981	0,823460	0,283728	0,490126	0,255924	0,119130
var8	0,687373	0,097138	0,124026	0,025559	0,067245	0,004032
var9	0,530763	0,143701	0,102899	0,017390	0,020587	0,004479
var10	0,468402	0,664498	0,483024	0,173792	0,158302	0,044272
Сумма	5,924732	2,927404	1,768961	1,345988	1,079853	0,391219

Кластер А в 2015 году претерпел изменения в своем составе. Теперь в него включены три региона: г. Москва, Московская область и г. Санкт-Петербург. Кластер по-прежнему характеризуется высокими значениями показателей численности персонала (var 2) и числа организаций, занятых научными исследованиями и разработками (var 1).

Также высоки финансовые компоненты, такие как внутренние затраты на исследования и разработки (var 4) и затраты на технологические инновации (var 8).

Таким образом, кластер А характеризуется большими вложениями в разработку инновационных технологий. Однако, доля инновационных товаров в конечной продукции данного кластера не является самой высокой по стране.

Кластер Б в 2015 году практически полностью обновил свой состав. Стабильно сохраняется в нем лишь Республика Татарстан. В кластер вошли такие регионы, как Республика Мордовия и Чувашская республика, Липецкая область, ранее входившие в кластер Г.

Кластер Б, несмотря на относительно небольшие показатели var 1, var2, занимает лидирующие позиции по средним нормированным значениям показателей удельного веса организаций, осуществляющих инновации (var 6,7) и удельного веса инновационных товаров, работ, услуг (var 10).

Таким образом, в постсанкционный период профиль кластера меняется в сторону производства и сбыта инновационных товаров, работ, услуг. Разрыв в сумме средних нормированных значений между кластерами А и Б уменьшается.

Кластер В в 2015 году существенно расширил свой состав. Помимо Самарской и Сахалинской областей, в него вошли: Брянская, Владимирская, Воронежская, Вологодская, Ростовская, Нижегородская, Ульяновская, Свердловская, Новосибирская области, Республика Башкортостан, Ставропольский, Пермский и Хабаровский края. Большая часть новых регионов ранее находилась в кластере Д.

Кластер В характеризуется большим, чем в кластере Б, числом организаций, занятых исследованиями и разработками (var 1), числом разработанных и используемых передовых производственных технологий (var 4,5), более высокими затратами на инновации (var 3,8). При относительно малом процентном соотношении организаций, занимающихся инновациями к общему числу организаций (var 6,7) результативные показатели данного кластера (var 9,10) достаточно велики.

Таким образом, кластеры Б и В характеризуются высоким инновационным потенциалом, активны в производстве инновационных товаров и услуг. Регионам, вошедшим в эти кластеры в 2015 году, свойственны оживление и рост активности в инновационной сфере.

В кластере Г стабильно сохраняют свое положение следующие регионы: Тульская и Магаданская области, Республика Алтай, Камчатский край и Чукотский автономный округ. Из кластеров Д и Е перешли регионы: Белгородская, Рязанская, Астраханская, Оренбургская, Пензенская, Томская области и Алтайский край.

В 2015 году кластер Г характеризуется относительно низкими финансовыми затратами на инновационные разработки (var 3,8) и, как следствие, наблюдается существенное отставание по числу разработанных и используемых передовых производственных технологий (var 4,5).

Кластеру свойственны средние по стране значения удельного веса организаций осуществляющих технологические инновации и инновации в целом.

Таким образом, кластер Г характеризуется умеренной инновационной активностью и вовлеченностью организаций в научные исследования и разработки.

Кластер Д в 2015 году существенно сократился, но по-прежнему является самым крупным по составу. В него включены: Калужская, Костромская, Курская, Орловская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Ярославская, Ленинградская, Мурманская, Новгородская, Волгоградская, Кировская, Саратовская, Тюменская, Челябинская, Иркутская и Омская области, республики: Адыгея, Марий Эл, Удмуртская, Краснодарский, Забайкальский и Красноярский края.

Кластеру Д свойственен относительно невысокий удельный вес организаций, осуществляющих инновации (var 6,7). Однако, по активности в научных исследованиях и разработках (var 1,2), затратам на инновации (var 3,8) и числу передовых производственных технологий (var 4, 5) кластер опережает более сильный по совокупности значений инновационной активности кластер Г.

Таким образом, кластеру Д свойственен небольшой процент

организаций, вовлеченных в инновационную деятельность. Но их активность в этой сфере, объемы капиталовложений и выпуска инновационных товаров и услуг свидетельствуют о приращении экономического потенциала в регионах кластера.

Кластер Е включает в себя следующие регионы: Ивановская, Архангельская, Калининградская, Псковская, Курганская, Кемеровская и Амурская области, республики: Карелия, Коми, Калмыкия, Дагестан, Ингушетия, Карачаево-Черкесская, Кабардино-Балкарская, Северная Осетия, Чеченская, Бурятия, Тыва, Хакасия, Якутия, Забайкальский и Приморский края.

Ряд субъектов пополнили кластер существенно снизив свою инновационную активность под влиянием антироссийских санкций. Кластер Е по сумме средних нормированных значений показателей стал слабее на 17 %. Он также остается «пассивным» в инновационной сфере.

Таким образом, постсанкционный период характеризуется подъемом инновационной активности большинства регионов РФ, увеличением числа организаций, выполняющих научные исследования и разработки, ростом вложений в инновации и увеличением производства инновационных продуктов.

Современную ситуацию инновационного развития регионов отражают данные 2018 года, которые являются наиболее актуальными в официальной статистике.

Табличная интерпретация сформированных кластеров по данным 2018 года представлена в таблице 4.

Таблица 4 – Средние нормированные значения кластеров (2018г.)

Показатель	Кластер А	Кластер Б	Кластер В	Кластер Г	Кластер Д	Кластер Е
var1	1,000000	0,237307	0,043478	0,056522	0,059926	0,025726
var2	1,000000	0,205129	0,012876	0,040525	0,027739	0,005123
var3	1,000000	0,181016	0,007722	0,039251	0,020584	0,003196
var4	1,000000	0,704828	0,138916	0,147586	0,104389	0,039409
var5	0,766463	0,578271	0,141749	0,265439	0,196168	0,048477
var6	0,507419	0,562609	0,732327	0,273143	0,364049	0,190546
var7	0,579202	0,588483	0,783987	0,290926	0,371556	0,193447
var8	1,000000	0,341454	0,038602	0,093971	0,062564	0,017282
var9	0,483315	0,537967	0,091349	0,203407	0,065121	0,011877
var10	0,123457	0,469959	0,318636	0,642798	0,161803	0,091123
Сумма	7,459856	4,407022	2,309643	2,053569	1,433899	0,626206

Кластер А, как и в 2012 году, вновь представлен единственным

регионом – Москвой. Однако, по ряду показателей он ослабил свои позиции. Кластеру свойственно максимальное число организаций и персонала, вовлеченного в процесс научных исследований и разработок (var 1, 2), а также наивысшее значение разработанных передовых производственных технологий (var 4). Однако, удельный вес организаций, осуществляющих инновации (var 6, 7) находится на уровне среднего по стране. А доля инновационных товаров, работ, услуг (var 10) в общем объеме произведенных продуктов достаточно мала.

Таким образом, кластер А на протяжении всего анализируемого периода сохраняет свои позиции «активного разработчика» с высокой вовлеченностью и большими капиталовложениями в сферу инноваций.

Кластер Б в 2018 году практически полностью дублирует состав 2012 года и абсолютно отличен от предшествующего ему периода – 2015 года. В него включены такие регионы, как: Московская, Свердловская и Челябинская области, Республика Татарстан и г. Санкт-Петербург.

Кластер Б, как и кластер-лидер А, характеризуется большим числом предприятий, осуществляющих научные разработки (var 1, 2) и высокими финансовыми затратами на развитие инноваций (var 3, 8). Однако, кластер опережает лидера по объему и доле инновационных товаров, работ, услуг (var 9, 10) в общем объеме произведенной продукции.

Следовательно, кластер Б активно проявляет себя во всех сферах инновационного развития: от разработок до производства. Является достаточно близким к лидеру и характеризуется высоким инновационным потенциалом.

Кластер В включает в себя Белгородскую, Липецкую, Пензенскую и Томскую области, Краснодарский край, Чувашскую республику и Чукотский автономный округ. Кластер нельзя отнести к активным в сфере продуцирования инноваций, о чем свидетельствуют достаточно низкие средние нормированные значения показателей var 1 – var 4, var 8.

Однако, в сфере производства кластер характеризуется большим удельным весом инновационных товаров (var10) и высоким удельным весом организаций, осуществляющих инновации (var 6, 7).

Кластер Г включает в себя Курскую, Тульскую, Ярославскую, Нижегородскую, Самарскую, Ульяновскую области, Удмуртскую республику и Республику Мордовию, Пермский и Хабаровский края. Кластеру Г свойственна наиболее высокая доля инновационных товаров, работ, и услуг (var 10), по сравнению со всеми остальными кластерами. Его сильными характеристиками также являются большое число используемых передовых производственных технологий (var 5),

что и влияет на рост объема инновационных продуктов (var 9). Кластер имеет схожие характеристики с кластером В, однако доля организаций, занятых инновациями (var 6,7) ниже.

Таким образом, кластеры В и Г активно заняты привлечением инновационных технологий для увеличения объемов производства инновационных продуктов и роста их доли на рынке.

Кластер Д в 2018 году во многом повторяет аналогичный кластер 2012 года. В него вошли такие регионы, как: Владимирская, Воронежская, Калужская, Рязанская, Тамбовская, Тверская, Ленинградская, Мурманская, Новгородская, Ростовская, Кировская, Саратовская, Тюменская, Иркутская, Кемеровская, Новосибирская, Омская области, республики: Башкортостан, Марий Эл, Алтайский, Красноярский и Камчатский края.

По средним нормированным значениям показателя использования передовых производственных технологий (var 5) кластер Д опережает кластер В на 35%. Удельный вес организаций, осуществляющих инновации, в том числе технологические (var 6,7) находится на уровне среднего по стране. Однако, результирующие показатели: var 9, val0 – относительно низки.

Таким образом, кластер Д демонстрирует умеренную активность в инновационной сфере. Разработанные и привлеченные инновационные технологии, вовлеченность организаций в осуществление инноваций не дает высоких производственных результатов (var 9,10).

Кластер Е в 2018 году значительно расширился и стал самым многочисленным. В его состав входят: Брянская, Ивановская, Костромская, Орловская, Смоленская, Архангельская, Вологодская, Калининградская, Псковская, Астраханская, Волгоградская, Оренбургская, Курганская, Амурская, Магаданская и Сахалинская области, республики: Карелия, Коми, Адыгея, Калмыкия, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Северная Осетия, Чеченская, Алтай, Бурятия, Тыва, Хакасия и Якутия, Ставропольский, Забайкальский, Приморский края и Еврейская автономная область. Кластер является наиболее пассивным в сфере инноваций и характеризуется наименьшими средними нормированными значениями всех показателей.

Сравнение состава кластеров с 2015 годом свидетельствует о снижении инновационной активности значительной части российских регионов: большая доля регионов переместилась в более «слабые» кластеры, существенно возросло количество субъектов в кластере-аутсайдере.

Обоснование инвестиционных решений на фондовом рынке без учета глобализации в настоящее время является неполным.

Описанные в статье подходы дают представление об основных ориентирах исследования вопросов, связанных с формированием оптимальных портфелей ценных бумаг в условиях глобализации.

Первый подход направлен на формирование международно-диверсифицированного портфеля, формальное построение которого основано на модели Марковица. Логика реализации этого подхода понятна, но за рамками обсуждения остался вопрос определения первоначального состава портфеля. Способы, которые применяются в обычной практике, в неизменном виде для этой цели не применимы.

Например, вопрос, как определять бета-коэффициенты для активов, включаемых в международно-диверсифицируемый портфель, требует специального рассмотрения.

Инновационное состояние регионов в анализируемом периоде достаточно нестабильно. На это оказывают влияние как микроэкономические, так и макроэкономические факторы. Однако, несмотря на движение регионов между кластерами, в большинстве своем они сохранили свою специализацию.

Авторами сформировано три группы регионов, по их участию в инновационном процессе: регионы-активные разработчики, регионы-производители инновационных продуктов и пассивные в инновационной сфере регионы.

Список литературы:

1. Анисимов Ю.П. Теория и практика инновационной деятельности / Ю.П. Анисимов, Ю.В. Журавлева, С.В. Шапошникова. Воронеж, ВГТА, 2010. – 540 с.
2. Голиченко О.Г. Анализ результативности инновационной деятельности регионов России / О.Г. Голиченко, И.Н. Щепина // Экономическая наука современной России. – 2009. – № 1 (44). – С. 77-95.
3. Мандель И.Д. Кластерный анализ / И.Д. Мандель. – М.: Финансы и статистика. – 1988. – 176 с.
4. Олдендерфер М.С., Блэшфилд Р.К. Кластерный анализ / Факторный, дискриминантный и кластерный анализ / Под ред. И.С. Енюкова. – М.: Финансы и статистика, 1989. – 215 с.
5. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014: P32 Стат. сб. / Росстат. – М., 2014. – С.734-735.
6. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: P32 Стат. сб. / Росстат. – М., 2019. – С. 981-985, 994-995, 1020-1033.
7. Стратегическое планирование регионального развития в мировой и российской практике / под ред. И. Е. Рисина, Ю. И.

Трещевского. – Воронеж : ВГУ, 2005. – 210 с.

8. Управление инновационным развитием регионов: принципы, стратегии, инструментарий: монография / Д.Ю. Трещевский ; Воронежский государственный университет. – Воронеж : Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2013. – 176 с.

9. Hartigan I.A. Algorithm AS 136: A K-Means Clustering Algorithm / J.A. Hartigan, M.A. Wong // Journal of the Royal Statistical Society Series C (Applied Statistics). – Vol. 28, № 1 (1979). – P. 100-108.

10. Yuri Treshchevsky; Larisa Nikitina, Mikhail Litovkin, Valentina Mayorova. Results of Innovational Activities of Russian Regions in View of the Types of Economic Culture // Russia and the European Union Development and Perspectives Part of the series Contributions to Economics. Book. Contributions to Economics, 2017 PP. 47-53. ISBN: 978-3-319-55256-9 (Print) 978-3-319-55257-6 (Online)

ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

КОЛЛЕКТИВНАЯ НАУЧНАЯ МОНОГРАФИЯ

Подписано в печать 22.04.2020 г. Формат 60x84 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Печать ризография. Усл. печ. л. 16,75.
Тираж 500 экз. (1-й завод – 40 экз.) Заказ № 451.
Отпечатано с готового оригинал-макета в издательстве
Среднерусского института управления - филиала РАНХиГС
г. Орел, ул. Панчука, 1.